

ISSN 2410-4205 (print)
ISSN 2949-2866 (online)

HISTORY:

FACTS AND SYMBOLS

Istoriya: fakty i simvoly
Vol. 36 / 2023/ № 3
DOI: 10.24888/2410-4205-2023-36-3
<https://hisfas.elpub.ru>

Журнал основан в 2007 г. под названием Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Серия "История". В 2012 - 2014 г. журнал назывался «Запад-Россия-Восток: Археология. История. Философия. Юриспруденция».

Учредитель и издатель: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Типография: Издательский отдел ЕГУ им. И.А. Бунина. 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1.

Выходит 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации в СМИ: ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014.

Префикс DOI: 10.24888

Тираж журнала - 1000 экз.

«История: факты и символы» - рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области истории повседневности, истории, культурологии. Цель журнала – расширить представления о достижениях российской исторической науке в мировом пространстве. Редакционная политика журнала базируется на традиционных научно-этических принципах и подходах, выработанных отечественными мировым научным сообществом. Издание представлено научными работами аналитического, научно-исследовательского и научно-методического характера. Целевая аудитория журнала: мировое сообщество ученых-историков, преподаватели вузов, учителя, студенты, аспиранты и все интересующиеся вопросами исторической науки и смежных с ней дисциплин. Миссия журнала – синтез традиционных представлений об исторической науке, которые в силу обстоятельств еще довольно сильны в России, и новых направлений, разрабатываемых в русле исторической антропологии. Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. К публикации принимаются статьи на английском и русском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <https://hisfas.elpub.ru>

The journal was founded in 2007 under the name Bulletin of the Yelets State University. Series "History". In 2012 - 2014 the publication was called "West-Russia-East: Archeology. Story. Philosophy. Jurisprudence". Founder and publisher: Bunin Yelets State University named

Printing house: Bunin YSU Publishing Department 399770, Lipetsk region, Yelets, st. Kommunarov, 28, 1. It is published 4 times a year (March, June, September, December)

Roskomnadzor registration certificate PI No. ФС77-59752 dated November 7, 2014.

DOI prefix: 10.24888

The journal circulation is 1000 copies.

"History: Facts and Symbols" is a peer-reviewed scientific journal, whose area of interest is research in the field of the history of everyday life, history, cultural studies. The target of the journal is to expand the understanding of the achievements of Russian historical science in the world. The editorial policy of the journal is based on traditional scientific and ethical principles and approaches. The publication is represented by scientific works of an analytical, research and methodological nature in various fields of historical science, which are fundamental, applied and innovative. The target audience of the journal is the world community of historians, university professors, teachers, students, graduate students and all those interested in the issues of historical science and related disciplines. The mission of the journal is a synthesis of traditional ideas about historical science, which, due to circumstances, are still quite strong in Russia, and new directions developed in line with historical anthropology. Our task is to study a set of human cognitive and mental mechanisms from different eras. The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published. Articles in English and Russian are accepted for publication. The full-text version of the journal is freely available on the journal's website and is hosted on the platform of the Russian Science Citation Index (RSCI) of the Russian Universal Scientific Library. Full information about the journal and the rules for preparing articles are available on the website: <https://hisfas.elpub.ru>

Подписка на журнал осуществляется по каталогу

«Пресса России»

Подписной индекс издания Ф64989

Цена свободная

Дата выхода в свет 09.09.2023

Subscription to the journal is carried out according to the catalog "Press of Russia"

Subscription index of the publication

Free price

Publication date 09.09.2023

Адрес редакции: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770 Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, тел. - 8 47467 60237
e-mail: nauka@elsu.ru

Условия использования материалов журнала

Пользователи соглашаются использовать материалы журнала исключительно в законных целях, в пределах, установленных законодательством Российской Федерации, не нарушая и не ограничивая права третьих лиц и не препятствуя использованию третьими лицами данного сайта в полном объеме. Все права на материалы, размещенные на страницах журнала и на сайте, принадлежат Федеральному государственному бюджетному учреждению Высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Editorial Boards address: Bunin Yelets State University, 28, Kommunarov st., Yelets, Lipetsk region, 399770, tel - 8 47467 60237
e-mail: nauka@elsu.ru

Terms of use of journal materials

Users agree to use the materials of the journal solely for lawful purposes, within the limits established by the legislation of the Russian Federation, without violating or restricting the rights of third parties and without preventing third parties from using this site in full. All rights to the materials posted on the pages of the journal and on the website belong to the Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University", unless another copyright holder is indicated in the imprint of the material itself.

Editor-in-Chief – Prof. Denis A. Lyapin (Russia, Bunin YSU).

Editorial Council

Prof. Vladimir N. Glazhev (Russia, VSU); Prof. Vladimir S. Yelistratov V. S. (Russia, Lomonosov Moscow State University); Prof. Vladimir V. Kanishchev (Russia, Derzhavins TSU); Prof. Igor V. Kryuchkov (Russia, NCFU); Prof. Vladimir P. Litvinov (Russia, Bunin YSU); Prof. Alexander B. Orishev (Russia, Timiryazev RGAU); Prof. Nikolay N. Petrukhintsev (Russia, RANEPА); Prof. Dmitry V. Sen (Russia, SFU); Nikokay A. Tropin (Russia, Bunin YSU); Artur A. Chubur (Russia, Petrovsky BSU); Prof. Bella L. Shapiro (Russia, RSUH).

Editorial board

Valentin I. Gorbachev (New Zealand, PhD student, Victoria University of Wellington); Jan Gorchytsa (Poland, Adam Mickiewicz University of Poznań); Nikolay A. Zhirov (Russia, Bunin YSU); Oksana V. Klevtsova (Russia, Bunin YSU); Prof. Atila Kolotari (Hungary, Kaposvár University); Prof. Vladimir A. Livtsov (Russia, RANEPА); Prof. Margarita M. Loevskay (Russia, Lomonosov MSU); Andrey M. Oblomsky (Russia, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences); Yulia S. Ovchinnikova (Russia, Lomonosov MSU); Nikolay A. Plavinsky (Belarus, Belarusian State University); Prof. Boris U. Serazetdinov (Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences); Sahin Ali (Türkiye, PhD, Istanbul University); K. Toyokawa (Japan, PhD (History), Meiji University).

Главный редактор

Д.А. Ляпин (Россия, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина).

Редакционный совет

В.Н. Глазьев (профессор, Россия, ВГУ); В.С. Елистратов (Россия, МГУ им. М. В. Ломоносова); В.В. Канищев (профессор, Россия, ТГУ им. Г. Р. Державина); И.В. Крючков (Россия, профессор, СКФУ); В.П. Литвинов (Россия, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина); А.Б. Оришев (Россия, профессор, РГАУ – МСА им. К. А. Тимирязев); Н.Н. Петрухинцев (Россия, профессор, РАНХиГС); Д.В. Сень (Россия, профессор, ЮФУ); Н.А. Тропин (профессор, Россия, ЕГУ им. И. А. Бунина); А.А. Чубур (БГУ им. И. Г. Петровского); Б.Л. Шапиро (профессор, Россия, РГГУ).

Редакционная коллегия

В.И. Горбачев (Новая Зеландия, Университет Королевы Виктории); Я.К. Горчыца (Польша, университета им. Адама Мицкевича); Н.А. Жиров (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина); О.В. Клевцова (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина); А. Колотари (профессор, Венгрия, Капошварский университет); В.А. Ливцов (Россия, профессор, РАНХиГС); М.М. Лоевская (Россия, профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова); А.М. Обломский (Россия, профессор, Институт археологии РАН); Ю.С. Обчинникова (Россия, МГУ им. М. В. Ломоносова); Н. А. Плавинский (Беларусь, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет). Б.У. Серазетдинов (Россия, Институт российской истории РАН); Сахин Али (Турция, PhD, Стамбульский университет); К. Тоёкава (Япония, PhD (История), Университет Мэйдзи).

CONTENT**HISTORY OF EVERYDAY**

Alexander Vyguzov (Tambov)	ON THE REASONS FOR JOINING COLLECTIVE FARMS IN 1918-1928: BETWEEN ENTHUSIASM AND ECONOMIC INTERESTS (BY THE MATERIALS OF THE TAMBOV PROVINCE)	8
Vladimir Korshunkov (Kirov)	INTERNATIONAL ASPECTS OF ROAD TRADITION (RUSSIA, XVII–XIX CENTURIES)	19
Sergey Shcherbakov (Tambov)	WORKING CONDITIONS OF POST AND TELEGRAPH EMPLOYEES OF THE TAMBOV PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY	30

ARCHEOLOGY AND QUESTIONS OF THE HISTORY OF ANCIENT Rus'

Elena Belyaeva (Saint-Petersburg)	THE ROLE OF CULTURAL FACTORS IN THE FOR- MATION OF STONE TOOLS IN THE EARLY PALEO- LITH....	44
Nikokay Tropin (Yelets)	SOUTHERN TERRITORIES OF THE CHERNIGOV- RYAZAN BOUNDARY IN THE XII-XY CENTURIES	54

XVII CENTURY

Sergey Veremeev (Gomel)	REFORMS OF JOSEPH VELIAMIN RUTSKY AS A FAC- TOR OF STRENGTHENING THE UNIATE CHURCH IN THE BELARUSIAN-UKRAINIAN LANDS IN THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY	65
Daniil Manin (Ekaterinburg)	DEVELOPMENT OF THE TRADE PROJECT AND ITS ROLE IN RUSSIAN-FRENCH RELATIONS IN THE EAR- LY 1680s	77
Irina Pashkova (Saint-Petersburg, Smolensk)	GRAFFITI DRAWINGS OF THE SMOLENSK FORTRESS: STATEMENT OF A QUESTION	92

TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Nikolay Zhiron (Yelets)	DYNAMICS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE YELETS DISTRICT OF THE ORYOL PROVINCE AT THE END OF THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES	105
----------------------------	--	-----

Alena Melnikova (Yelets)	DYNAMICS OF SOCIAL AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RURAL SETTLEMENTS OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE 18TH – FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURIES	115
Alexander Pluzhnikov, Vladimir Kanishchev (Tambov)	“HAVING LOST HIS HOMELAND, HE GAINED RECOGNITION IN A FOREIGN LAND ...”. LIFE AND FATE OF RUSSIAN MILITARY ENGINEER VLADIMIR APOLLONOVICH ANTONOV	127
Oleg Sepelev (Moscow)	ACTIVITIES OF THE MOSCOW PROVINCE FOOD COMMITTEE DURING THE IMPLEMENTATION OF THE FOOD POLICY OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT IN 1917	137
THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON		
Vladimir Bezgin (Tambov)	PROCLAMATIONS OF THE TAMBOV REBELLION: TEXTS AND PEOPLE	149
Vladimir Gorlov (Moscow)	THE CONTRADICTION OF THE PUBLIC EDUCATION REFORM IN THE USSR AT THE END OF THE 1950-s. – EARLY 1960-s.....	159
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS		172

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

<i>Александр Выгузов</i> (Тамбов)	О ПРИЧИНАХ ВСТУПЛЕНИЯ В КОЛЛЕКТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВА В 1918-1928 ГГ.: МЕЖДУ ЭНТУЗИАЗМОМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ИНТЕРЕСАМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)	8
<i>Владимир Коришунков</i> (Киров)	МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОРОЖНОЙ ТРАДИЦИИ (РОССИЯ, XVII–XIX ВЕКА)	19
<i>Сергей Щербаков</i> (Тамбов)	УСЛОВИЯ ТРУДА ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫХ СЛУЖАЩИХ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	30

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

<i>Елена Беляева</i> (Санкт-Петербург)	РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ В ФОРМООБРАЗОВАНИИ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ В РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ	44
<i>Николай Тротин</i> (Елец)	ЮЖНЫЕ ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНИГОВО-РЯЗАНСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ В XII-XV ВЕКАХ	54

XVII ВЕК

<i>Сергей Веремеев</i> (Гомель)	РЕФОРМЫ ИОСИФА ВЕЛЬЯМИНА РУТСКОГО КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ НА БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.	65
<i>Даниил Манин</i> (Екатеринбург)	РАЗВИТИЕ ТОРГОВОГО ПРОЕКТА И ЕГО РОЛЬ В РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НАЧАЛА 1680-Х ГГ.	77
<i>Ирина Пашкова</i> (Санкт-Петербург, Смоленск)	РИСУНКИ-ГРАФФИТИ СМОЛЕНСКОЙ КРЕПОСТИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА	92

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

<i>Николай Жиров</i> (Елец)	ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕЛЕЦКОГО УЕЗДА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.	105
--------------------------------	---	-----

<i>Алёна Мельникова</i> (Елец)	ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ.	115
<i>Александр Плужников,</i> <i>Владимир Канищев</i> (Тамбов)	«ПОТЕРЯВШИ РОДИНУ, ОБРЕЛ ПРИЗНАНИЕ НА ЧУЖБИНЕ...». ЖИЗНЬ И СУДЬБА РУССКОГО ВОЕННОГО ИНЖЕНЕРА ВЛАДИМИРА АПОЛЛОНОВИЧА АНТОНОВА	127
<i>Олег Сепелёв</i> (Москва)	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1917 Г.	137
СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН		
<i>Владимир Безгин</i> (Тамбов)	ПРОКЛАМАЦИИ ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ: ТЕКСТЫ И ЛЮДИ	149
<i>Владимир Горлов</i> (Москва)	ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР В КОНЦЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.	159
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ		172

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ / ORIGINAL ARTICLES

HISTORY OF EVERYDAY / ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-8-18>
УДК 94(47+57)

**О ПРИЧИНАХ ВСТУПЛЕНИЯ В КОЛЛЕКТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВА В 1918-1928 ГГ.:
МЕЖДУ ЭНТУЗИАЗМОМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ИНТЕРЕСАМИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Александр А. Выгузов

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
ул. Интернациональная, д. 33, Тамбов, 392000, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. Исследование посвящено актуальной проблеме восприятия деревенским населением системных социально-экономических изменений в условиях аграрных преобразований. Анализ побудительных крестьян при вступлении и организации колхозов раскрывает баланс их экономических и эмоциональных мотивов, позволяет более глубоко проанализировать различные стратегии поведения. Новизна заключается в том, что изучаемая проблема является малоизученной, а целый ряд документов вводится в научный оборот впервые. **Материалы и методы.** Основными источниками послужили материалы как местных, так и региональных архивов. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных, специальных исторических методов, а также теория модернизации. **Результаты.** Коммуны, артели и товарищества по совместной обработке земли стали формироваться в первые месяцы после завершения революционных событий 1917 г. Они отличались по способу организации производства и особенностям распределения доходов. Коммуны выделялись и тем, что в них кроме средства производства обобществлению подлежал и быт. Такой советский коллективизм, во многом, противоречил традиционным установкам деревни и не соответствовал социально-экономическим процессам, происходившим в тамбовской деревне на рубеже 1917-1918 гг. Разгоравшаяся «общинная революция» сопровождалась «замыканием» и «отмежеванием» крестьянства от внешнего мира. Большевики, напротив, стремились ослабить традиционные институты деревни, вовлечь земледельцев в процесс коллективного строительства. Крестьянский мир встретил новые для них формы аграрного производства с недоверием. Потребовалось несколько лет, чтобы местное население увидело ряд преимуществ от вступления в коллективные хозяйства. Социальный состав коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли был представлен различными группами представителей города и деревни, но преобладающей стратой были крестьяне. **Заключение.** Первыми организаторами коллективных хозяйств выступали, в основном, коммунисты и пробольшевистски настроенные слои деревни, в том числе беднейшие слои деревни. Если на первых этапах экономические мотивы участия в организации и жизнедеятельности

тельности коллективных хозяйств сочетались с «революционным энтузиазмом», то к завершающему этапу новой экономической политики материальные интересы возобладали над другими причинами. В период нэпа «лжеколхозы» становятся одной из самых распространенных форм приспособления материальных стимулов традиционной деревни к реалиям советской аграрной политики. Кроме того, «лжеколхозы» были концентрированным выражением индивидуалистических устремлений крестьянства, объединением экономических интересов за ширмой которых, зачастую, скрывались коллективистские формы организации труда. Вплоть до начала реализации политики «сплошной коллективизации» подавляющее число крестьянских дворов сохраняло верность общинной форме ведения сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: колхозы, тамбовская деревня, индивидуализм, коллективизм, новая экономическая политика

Оригинальная статья.

Для цитирования: Выгузов А.А. О причинах вступления в коллективные хозяйства в 1918-1928 гг.: между энтузиазмом и экономическими интересами (по материалам Тамбовской губернии) // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 8-18. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-8-18>

Статья поступила: 14.05.2023

Статья принята в печать: 29.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Выгузов А., 2023

**ON THE REASONS FOR JOINING COLLECTIVE FARMS IN 1918-1928:
BETWEEN ENTHUSIASM AND ECONOMIC INTERESTS
(BY THE MATERIALS OF THE TAMBOV PROVINCE)**

Alexander A. Vyuzov

*Derzhavin Tambov State University,
st. Internationalnaya, 33, Tambov, 392000, Russia*

Abstract

Introduction. The study is devoted to the actual problem of perception by the rural population of systemic socio-economic changes in the context of agrarian transformations. An analysis of the motives of peasants when joining and organizing collective farms reveals the balance of their economic and emotional motives, and makes it possible to more deeply analyze various strategies of behavior. The novelty lies in the fact that the problem under study is poorly understood, and a number of documents are introduced into scientific circulation for the first time. **Materials and methods.** The main sources were materials from both local and regional archives. The methodological basis of the research is a complex of general scientific, special historical methods, as well as the theory of modernization. **Results.** Communes, artels and partnerships for the joint cultivation of the land began to form in the first months after the completion of the revolutionary events of 1917. They differed in the way they organize production and in the distribution of income. Communes were also distinguished by the fact that in them, in addition to the means of production, life was also subject to socialization. Such Soviet collectivism, in many respects, contradicted the traditional attitudes of the village and did not correspond to the socio-economic processes that took place in the Tambov village at the turn of 1917-1918. The "communal revolution" that flared up was accompanied by the "closure" and "separation" of the peasantry from the outside world.

The Bolsheviks, on the other hand, sought to weaken the traditional institutions of the countryside and to involve farmers in the process of collective construction. The peasant world met the new forms of agricultural production for them with distrust. It took several years for the local population to see a number of benefits from joining collective farms. The social composition of the communes, artels and partnerships for the joint cultivation of the land was represented by various groups of representatives of the city and the countryside, but the predominant stratum was the peasants. **Conclusion.** The first organizers of collective farms were mainly communists and pro-Bolshevik strata of the countryside, including the poorest strata of the countryside. If at the first stages the economic motives for participation in the organization and life of collective farms were combined with "revolutionary enthusiasm", then by the final stage of the New Economic Policy, material interests prevailed over other reasons. During the NEP period, "false collective farms" became one of the most common forms of adapting the material incentives of the traditional village to the realities of Soviet agrarian policy. In addition, the "false collective farms" were a concentrated expression of the individualistic aspirations of the peasantry, the unification of economic interests behind the screen of which, often, collectivist forms of labor organization were hidden. Right up to the beginning of the implementation of the policy of "complete collectivization", the vast majority of peasant households remained faithful to the communal form of agricultural production.

Keywords: collective farms, Tambov village, individualism, collectivism, new economic policy.
Original article

For citation: Vyguzov A. On the reasons for joining collective farms in 1918-1928: between enthusiasm and economic interests (by the materials of the Tambov province // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 8-18. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-8-18>

Received: 14.05.2023

Revised: 29.08.2023

Published: 22.10.2023

© Vyguzov A., 2023

1. Введение

Проблематика изучения причин вступления крестьян в коллективные хозяйства в первое десятилетие с момента установления советской власти имеет важное значение для целостного осмысления процесса аграрного развития России в XX веке. Она позволяет раскрыть внутренние, побудительные мотивы крестьянства, представлявшие устоявшийся патриархальный мир, выходить из общин и вступать в коллективные хозяйства, выявить различные стратегии их поведения.

В различные периоды к данной теме обращались А. А. Биценко [2], В. В. Гришаев [12], С. А. Есиков [13], В. В. Бабашкин, И. В. Гончарова [1], А. А. Иванов, А. А. Соловьев [14] и др. В целом же изучаемая проблема остается малоизученной и требует более глубокого выявления и анализа новых источников. В данной статье проведен комплексный анализ изучаемой темы на материалах Тамбовской губернии.

2. Материалы и методы

Данное исследование посвящено теме, имеющей общероссийское значение, но фокусируется на социально-экономических процессах, протекавших в тамбовской деревне. Именно поэтому основным источниками данного исследования послужили материалы центральных архивов, так и тамбовских архивов. В частности это документы из Государствен-

ного архива социально-политической истории Тамбовской области: фонды П-834 (Козловский уездный комитет ВКП(б)), П-837 (Кирсановский уездный комитет ВКП(б)) и П-840 (Тамбовский губернский комитет ВКП(б)) и Р-1. Государственного архива Тамбовской области (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тамбовской губернии). Кроме того, были привлечены документы из фонда 478 Российского государственного архива экономики (Народный комиссариат земледелия СССР). В привлеченном массиве документальных источников представлен достаточно широкий набор материалов, позволяющих наиболее широко раскрыть изучаемую тему.

Методологической основой исследования является комплекс общенаучных, специальных исторических методов, а также теория модернизации. Микроисторический подход позволил на примере отдельного региона раскрыть основные мотивы местного крестьянства при вступлении в коллективные хозяйства.

3. Результаты

На рубеже 1917-1918 гг. в тамбовской деревне стали организовываться первые коллективные хозяйства. Они были представлены тремя формами организации: коммунами, артелями и товариществами по совместной обработке земли. Их отличала различная степень обобществления средств производства, а также способы распределения доходов. Если в коммунах объединялись все средства производства, в сельскохозяйственных артелях – основные средства производства и полевая земля, то в товариществах по совместной обработке земли лишь земельные угодья, обрабатывавшиеся совместно. Коммуны выделялись среди других форм ведения коллективного хозяйства и тем, что кроме средства производства обобществлению подлежал и быт.

Традиционный крестьянский мир не был готов и не имел желания массово вступать в коллективные хозяйства. Несмотря на поступательный рост в первые послереволюционные годы числа коммун, артелей и тозов, охват числа крестьянских дворов находился на достаточно низком уровне, так как в среднем в коллективах числилось несколько десятков человек.

По социальному составу, например, в первые коммуны вступали представители различных социальных страт деревни и города. «Разработанные по 520 коммуна за 1918-1919 годы данные посемейных списков членов-учредителей дают следующую картину их социального состава: 55,5% – крестьяне-земледельцы, 18,8% – ремесленники и кустари, 14,8% – рабочие, 6,7% – служащие, 4,2% – прочие» [12, с. 20]. Инициаторами создания коммун, зачастую становились «немногочисленные ... партийные ячейки» [12, с. 23], которые «пробивали брешь в частновладельческой психологии крестьянина-бедняка, личным примером убеждали его в преимуществе коллективного ведения сельского хозяйства» [12, с. 23]. Социальное ядро коммун, зачастую, составляли именно коммунисты. Кроме того, в деревне велась агитация. Например, 30 декабря 1920 г. собрание большевиков и сочувствующих Красносельской ячейки Тамбовской губернии постановило провести несколько бесед и чтений для крестьян, где рассказать о важности создания коммун [12, с. 24].

Ниже приведены данные об изменении численности коллективных хозяйств в тамбовской деревне:

Таблица 1. Динамика числа коллективных хозяйств Тамбовской губернии в 1919-1925 гг. / Table 1. Dynamics of the number of collective farms in the Tambov province in 1919-1925 [Источник: 4, с. 47].

Число коллективных хозяйств/ годы	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925
Коммуны	24	19	15	5	11	17	31
Товарищества по совместной обработке земли и артелей	373	265	285	119	169	176	239

Согласно данным таблицы 1, в 1919-1925 гг. наблюдался медленный, но поступательный рост численности коммун, артелей и тозов. Исключение представляет только период Тамбовского восстания, когда коллективные хозяйства подвергались массовому разрушению со стороны повстанцев. В реконструктивный период нэпа под влиянием государственной аграрной политики произошло ускорение роста численности товариществ по совместной обработке земли и артелей. Количество коммун к середине 1920-х гг. стабилизировались. По данным «Тамбовской энциклопедии» к 1928 г. в границах бывшей Тамбовской губернии существовало 162 артелей, 525 тозов и 27 коммун [20].

Наблюдавшаяся динамика роста численности коллективных хозяйств сама по себе не дает ответа на вопрос о степени вовлеченности крестьянских дворов в развитие коммун, артелей и тозов, не позволяет охарактеризовать востребованности вступления населения в них. Для этого требуется более глубокий анализ социально-экономических процессов, протекавших в деревне в изучаемый период, выявить ключевые мотивы крестьян при вступлении в коллективные хозяйства.

Важной чертой нэпа было то, что в колхозах соблюдались свободы вступления и выхода из них членов. Они регламентировались уставными документами и в целом осуществлялись без принуждения со стороны государства. Кроме того, И. В. Гончарова выделяет, что если на начальном этапе коллективные хозяйства формировались под влиянием «революционного энтузиазма» [11, с. 227], то в период новой экономической политики «идейные соображения создания колхозов вытеснялись практическими» [11, с. 229].

Бедняков, зачастую, толкала в колхозы нужда. Зажиточные слои деревни также искали возможности улучшить свое экономическое положение за их счет. А.А. Биценко выделяет ключевые экономические стимулы крестьян при вступлении в колхозы. Коллективная форма хозяйства, или, вернее, стремление к организации коллектива, как отмечает исследователь, возникает, главным образом, в борьбе за землю. «Если сгруппировать все попытки организации коллектива с низов, самими крестьянами, то можно выделить такие основные группировки: 1) организация коллектива с целью общей аренды земли; 2) организация коллектива с целью использовать артельный труд для общей запашки на арендованной земле; 3) организация коллектива, как средства самозащиты от эксплуатации, как средства помощи бедноте. Обычно товарищества по аренде организовали более зажиточные крестьяне» [2, с. 154].

В ряде случаев в деревне, действительно, наблюдался энтузиазм при создании коллективных хозяйств [14, с. 22]. В тамбовской деревне такими примерами могут послужить организация американских коммун «Ира» и «Путь» в Кирсановском уезде. А последующие их хозяйственные достижения привели к тому, что местное население стало относиться к ним «с уважением и доброжелательностью» [6, л. 33-об.]. Как отмечается в протоколе 2-го очередного съезда уполномоченных сельскохозяйственных коммун и артелей Кирсановского уезда Тамбовской губернии 10 марта 1924 г., коммуна «Ира» стала «принимать [в] члены ... местных крестьян» [6, л. 33-об.]. Однако годом ранее она не имела таковой возможности из-за недостатка жилых помещений, хотя заявления о вступления в нее поступали, - сооб-

шалось 25 февраля 1923 г. в протоколе № 1 съезда сельскохозяйственных коммун Кирсановского уезда Тамбовской губернии [5, л. 2-об.].

Инициативы на местах по созданию колхозов приводили к существенным результатам, если они поддерживались государством. Наиболее успешными примерами является организация таких коммун как упомянутые выше «Ира» и «Путь», а также коммуна «Луч» Козловского уезда. Последняя была организована коммунистом Лазарь Луч-Поповым. В контексте изучаемой проблематики интересно привести некоторые его биографические данные. Лазарь Луч-Попов был родом из села Челново-Покровское Тамбовской губернии. На момент организации ему было более 30 лет. Он участвовал в Русско-японской войне, вел революционную деятельность и побывал в ссылке. После революции 1917 г. стал комиссаром. Затем он был направлен в Тамбовскую губернию, где и стал организатором коммуны [3, с. 3]. Таким образом, революционный энтузиазм при создании коллективных хозяйств, зачастую, опирался на поддержку государства. Попытки одиночек-крестьян агитировать за организацию коллективных хозяйств и без поддержки со стороны властей не давала существенных результатов.

В большинстве случаев традиционная деревня с недоверием встречала как советских агитаторов, предлагавших организовать коллективные хозяйства, так и односельчан, призывавших создать артель, коммуну или товарищество по совместной обработке земли, в том числе «...использовала в своих интересах, преувеличивая неудачи коммунаров и распространяли о них небывлицы» [12, с. 84]. В тамбовской деревне полным ходом шла «общинная революция» и, как следствие, происходило ее «замыкание» и «отмежевание» от внешнего мира [17, с. 125]. Напротив, «большевики, рассматривая крестьянство не как субъект, а как объект в экономической и политической сферах жизнедеятельности государства» [17, с. 126], пытались ослабить традиционные институты деревни, вовлечь земледельцев в процесс коллективного строительства.

А. Л. Окнинский проживавший в 1918-1920-х гг. в Подгорнской волости Борисоглебского уезда в своих мемуарах приводит пример оценки крестьянами попыток создания коллективных хозяйств. Он отмечал, что весной 1920-го г. большевики стали «впервые усиленно агитировать среди крестьян за вступление последних в сельскохозяйственные коммуны, обещая для каждой такой коммуны отвод лучших пахотных земель с сенокосом и пастбищем ... в Подгорнской волости пожелал пойти в коммуну лишь один крестьянин, не из бедных и притом беспартийный, и сам же стал склонять в коммуну других крестьян, в чем, однако, не успел, и дело с образованием коммун в волости было заброшено» [18, с. 173].

В целом насаждавшиеся советской властью в тамбовской деревне коллективные хозяйства воспринимались местными жителями, по воспоминаниям А. Л. Окнинского, как малопонятные и не подходящие для рационального ведения аграрного производства формы. О коммунах крестьянин-середняк в Подгорнской волости говорил так: «Камуна энта нам совсем дело неподходящее. Ведь энта что значит? Ведь энта значит все, что у кажного есть в хозяйстве, вали в общий как бы котел: и лошадей, и коров, и овец, и всю протчую живность; и сохи, и бороны, и телеги, и хомуты, и все, все... И получится потом из всего энтото похлебка, которой не расхлебаешь» [18, с. 174].

В действительности имелась целая масса бытовых и хозяйственных причин, ограничивавших массовое вступление крестьян в коллективы. На страницах «Тамбовской правды» в 1922 г., например, приводился один из аргументов отказа от вступления в коммуны: ««Бабы» не поладят – будут драться и ругаться» [16]. В другом случае в ходе переезда на новое место в имение Пашино Вишневской волости Козловского уезда коллективного хозяйства «Восход солнца социализма» ряд коммунаров отказалось покидать прежнее местоположение [19, с. 87], несмотря на то, что хозяйственные процессы в нем были хорошо организованы [19, с. 86]. Об этом сообщалось в декабре 1918 г. на I съезде коммун Козловского уез-

да. Видимо, бытовые условия и нежелание покидать родные места стали причинами выхода прежних членов из коллектива.

25 февраля 1923 г. на I съезде сельскохозяйственных коммун Кирсановского уезда Тамбовской губернии сообщалось об особенностях развития данной категории коллективных хозяйств. В частности представители артели «Вперед», организованной в 1920 г., указывал, что она сильно пострадала в ходе восстания. Повстанцы увели скот, а члены артели «расхотелись ... спасаясь от бандитов» [5, с. 3]. Пришлось вновь организовать артель. Таким образом, данная артель нашла поддержку деревни подтвердив готовность крестьян в ней находиться. Предстатель коммуны «Путь» на том же съезде выделял в качестве важнейшего фактора развития коллективного движения наличие опытных инициаторов и «умелого подхода» [5, л. 3-об.] при его организации. Это привлекало в коммуны новых членов. Представитель коммуны «Дружба» выделял важность получения займа при организации продуктивного хозяйства [5, с. 4], из чего можно сделать вывод об открыто транслировавшихся крестьянством своих интересов при вступлении или организации колхозов.

Действительно, основными причинами вступления населения в коллективные хозяйства являлись материальные интересы. Обычно, как сообщалось в протоколе заседания Кирсановской уездной комиссии по пересмотру первичных сельскохозяйственных кооперативных объединений по материалам районных комиссий от 9 июня 1924 г., отсутствовало «стремление к кооперированию» [6, с. 54]. Например, в товариществе «Старо-Кузнецово» при деревне Кузнецовке Соколовской волости претенденты на вступление демонстрировали интерес «эксплуатировать то или другое государственное имущество исключительно для личных целей» [6, 54].

Реалии новой экономической политики позволили достаточно встроиться крестьянству в советские реалии. Нормы «моральной экономики» сосуществовали с советской аграрной политикой изучаемого периода. «Крестьянский конформизм проявился в использовании формы коллективного хозяйства, но при этом его внутреннее содержание не противоречило здравому смыслу, что и обеспечило высокие производственные показатели» [15, с. 47].

Результатом наиболее явного прагматического расчёта при вступлении крестьян в коллективные хозяйства являлась организация на их основе «лжеколхозов». Так, в выписке из протокола № 18 заседания президиума Тамбовского губернского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 7 февраля 1926 г. сообщалось, что несмотря на наблюдающийся рост колхозного движения во многом этот рост шел стихийно, без достаточного регулирования, учета и политического воздействия. Последствием этого стало формирование «безуставных» колхозов, колхозов с искаженным уставом, в том числе осуществлявшие торговлю, в также формирование «лжеколхозов» [9, с. 10].

Получение льгот от землеустройства и отвод лучших участков земель [21, с. 63] являлись важными мотивами при создании коллективных хозяйств крестьянами. Такие устремления основывались на одной из стратегий сохранения зажиточной частью деревни своих земельных угодий, превышавших законную норму наделения землей, также заключалась в формировании на их месте «лжеколхозов». Так, «некогда малоземельные крестьяне Воробьёвы из Козловского района Тамбовской губернии, разбогатевшие на отхожих промыслах, в 1904 г. купили 40 дес[ятин]. Чтобы уберечь свой участок от передела, они организовали в 1920 г. колхоз «Новый путь» [1, с. 358].

Такое явление как «лжеколхоз» в период новой экономической политики было достаточно распространенным в тамбовской деревне. Эти «объединения ради использования государственных субсидий, в составе которых, как правило, были родственники, сохраняющие наделы параллельно колхозному участию» [1, с. 360]. Приведен ряд таких примеров. Товарищество по совместной обработке земли Покрово-Марфинский волости Тамбовского

уезда в деревне 8-я Ольховка, организованное в 1923 г., пользовалась к 1927 г. землей чересполосно и в общине [10, с. 53-54]. Сельскохозяйственная артель «Красный лужка» из Токаревской волости Тамбовского уезда, организованная в 1922 г., также вела единоличную обработку, являлось «поселком-единоличником» [10, л. 2-62-об.]. Сельскохозяйственное товарищество «Побуждение» из Старо-Юрьевской волости Козловского уезда также вело единоличную обработку земли [10, с. 54].

Несмотря на поступательный рост численности коллективных хозяйств в тамбовской деревне в период нэпа, численность их членов существенно уступала крестьянам, осуществлявшим единоличное ведение хозяйства. Приведем в качестве примера данные из доклада Кирсановского райсельскосоюза за период с 10 марта 1924 г. по 1 января 1925 г.

Таблица 2. Доля населения Кирсановского уезде, вступившая в коллективные хозяйства (данные на 1 января 1925 г.).

Table 2. Percentage of the population of Kirsanovsky Uyezd that joined collective farms (data as of January 1, 1925).

[Источник: 6, с. 88-об.]

Волость	Численность населения	Количество населения в колхозах	% доля населения, числившегося в колхозах
Пригородно-Кирсановская	29611	980	3,32
Оржевская	25902	3375	11,17
Гавриловская	26444	251	0,95
Осино-Гаевская	18555	717	3,88
Соколовская	27732	2575	9,29
Курдюковская	20365	1571	7,29
Иноковская	30939	1419	4,86
Инжавинская	29493	2317	7,86
Красивская	23308	1874	8,34
Карай-Салтыковская	24707	767	3,1
Градо-Уметская	26194	3961	15,12
Лукинская	26407	305	1,15
Всего	309657	20112	6,4

Данные таблицы 2 демонстрируют, что к началу 1925 г. доля населения в коллективных хозяйствах по различным волостям Кирсановского уезда варьировалась от 15,12% до 0,95% по различным волостям. При этом в рамках губернии эти показатели также различались, но демонстрировали выбор большинством крестьянства общинную форму землепользования. В Тамбовской губернии в 1927 г. в коллективных хозяйствах состояло 0,6% крестьянских дворов, а в 1928 г. – 1,3% хозяйств [13, с. 50-51].

Накануне «широкой коллективизации», как сообщалось с мест, «в головах крестьянского населения произошел большой сдвиг в сторону коллективизации хозяйств» [8, с. 53]. Об этом сообщалось в «Выводах» по Иноковской волости Кирсановского уезда за 1928 г. Однако такая «тяга» полностью вписывалась в стратегии поведения, выработанные в деревне в предыдущие этапы нэпа. Индивидуальный интерес лишь вуалировался коллективистскими устремлениями. Так, 21 мая 1928 г. в докладной записке уполномоченного губкома ВКП(б) и губисполкома Клецменова в бюро губкома ВКП(б), бюро Кирсановского укома ВКП(б) и бюро Совколовской вол. ячейки ВКП(б) сообщал, что стремление боль-

шинства крестьян к коллективизации определялось следующим подходом: «Все должно дать государство, мы не можем (а иногда не хотим) собирать своих средств» [8, с. 109]. Кроме того, ограничивало процесс колхозного строительства отсутствие твердых ассигнований кредитов на переселение, расселение и мелиоративные работы, распутица, отсутствие своевременных уставов и разговоры о близкой войне и мобилизации в первую очередь членов коллективов [8, с. 109].

4. Результаты

Первыми организаторами коллективных хозяйств выступали, в основном, коммунисты и пробольшевистски настроенные слои деревни, в том числе беднейшие слои деревни. Если на первых этапах экономические мотивы участия в организации и жизнедеятельности коллективных хозяйств сочетались с «революционным энтузиазмом», то к завершающему этапу новой экономической политики материальные интересы возобладали над другими причинами.

В период нэпа «лжеколхозы» становятся одной из самых распространенных форм приспособления материальных стимулов традиционной деревни к реалиям советской аграрной политики. С момента создания коллективных хозяйств и до начала политики «широкой коллективизации» крестьянство имело возможность без значительных затруднений создавать и ликвидировать колхозы, входить в них и покидать их.

На начальном этапе советского коллективного движения в качестве мотивов их организации и вступления в них мог выступать энтузиазм, опирающийся на «туманные» перспективы развития, а не реальная нужда. Однако, в последующем, факторы материальной заинтересованности все сильнее выходили на первый план. Особенно ярко это проявилось в конце 1920-х гг., накануне коллективизации, когда решался вопрос о существовании традиционной деревни.

В этот период колхозный сектор, по-прежнему, охватывал незначительную часть крестьянских дворов. Но и вступление в колхоз, во многих случаях, представляло выбор крестьянами комбинированной жизненной стратегии, включавший в себя элементы традиционализма. Они же находили отражение во внутридеревенских противоречиях конца 1920-х гг. при коллективном строительстве и деятельности «лжеколхозов». В этих явлениях и формах проявлялось сочетание индивидуальных интересов с элементами коллективизма, где колхозы, зачастую, выступали ширмой для реализации экономических интересов крестьянства. Такое положение сохранялось вплоть до начала реализации политики «сплошной коллективизации».

5. Заключение

Данные таблицы 1 и другие материалы, привлеченные к данному исследованию, свидетельствуют о медленном, но поступательном росте численности коммун, артелей и тозов в тамбовской деревне в 1918-1928 гг. Однако к 1928 г. в них состояло только 1,3% крестьянских хозяйств, что свидетельствовало о достаточно низком уровне вовлеченности в их развитие традиционной деревни. При этом в первые годы советской власти коллективные хозяйства развивались как под влиянием материальной заинтересованности со стороны крестьян, так и под воздействием энтузиазма. Но в последующие годы на данные процессы все больше влияли материальные стимулы.

Список источников и литературы

1. Бабашкин В.В., Гончарова И.В. (2016) *Эволюция взаимодействия крестьянского двора и коллективных хозяйств в 1920 – начале 1930-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 357-364.*
2. Биценко А.А. (1929) *К вопросам теории и истории коллективизации сельского хозяйства СССР. М.: Книгоиздат, 1929-165 с.*

3. ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 1084.
4. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 2958.
5. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 899.
6. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 1031.
7. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 1308.
8. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 1470.
9. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1439.
10. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1778.
11. Гончарова И.В. (2009) *Коллективные хозяйства Центрального Черноземья в 1920-е гг. // Экономическая история: ежегодник*. М.: РОССПЭН. 2009. С. 221-237.
12. Гришаев В.В. (1976) *Сельскохозяйственные коммуны Советской России 1917-1929*. М.: Мысль, 1976. 188 с.
13. Есиков С.А. (2005) *Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929-1933 гг.)*. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. 122 с.
14. Иванов А. А., Соловьев А.А. (2016) *Колхозы в доколхозной деревне Марийской автономной области (1920-е годы) // Вестник Марийского государственного университета*. 2016. Т. 2. № 1 (5). С. 21-27.
15. Казьмина М.В. (2017) *Политические кампании 1929 г. и их роль в расколе крестьянства Кузнецкого округа // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2017. № 2 (14). С. 43-51
16. Тамбовская правда. (1922 г.) 14 сентября
17. Николашин В.П. (2020) *Политическая борьба и конфликтность в черноземной деревне (1917-1920 гг.) // История: факты и символы*. 2020. № 2 (23). С. 121-127.
18. Окнинский А.Л. (1998) *Два года среди крестьян*. М.: Русский путь, 1998. 272 с.
19. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 478. Оп. 5. Д. 8.
20. Тамбовская энциклопедия. 2020. URL: <https://tambweb.ru/%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%A5%D0%9E%CC%81%D0%97%D0%A> В. (Дата обращения: 17.02.2023).
21. Яцкевич Е.В. *Коллективные хозяйства Урала в 1920-е гг.: численность, состав, экономическое положение // Гуманитарные науки в Сибири*. 2009. № 2. С. 60-64.

References

1. Babashkin V.V., Goncharova I.V. (2016) *Evolyuciya vzaimodejstviya krest'yanskogo dvora i kollektivnyh hozyajstv v 1920 – nachale 1930-h gg.* [The evolution of the interaction of the peasant household and collective farms in the 1920s - early 1930s] in Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe, 2016, 1, 357-364. (in Russian).
2. Bitsenko A.A. (1929) *K voprosam teorii i istorii kollektivizacii sel'skogo hozyajstva SSSR* [To questions of the theory and history of the collectivization of agriculture in the USSR]. Moscow, Knigoizdat, 1929-165. (in Russian).
3. State archive of socio-political history of the Tambov region (GASPITO). GASPITO. F. P-834. Op. 1. D. 1084. (in Russian).
4. GASPITO. F. P-840. Op. 1. D. 2958. (in Russian).
5. GASPITO. F. P-837. Op. 1. D. 899. (in Russian).
6. GASPITO. F. P-837. Op. 1. D. 1031. (in Russian).
7. GASPITO. F. P-837. Op. 1. D. 1308. (in Russian).
8. GASPITO. F. P-837. Op. 1. D. 1470. (in Russian).
9. State archive of the Tambov region (GATO). F. R-1. Op. 1. D. 1439. (in Russian).
10. GATO. F. R-1. Op. 1. D. 1778. (in Russian).

11. Goncharova I.V. (2009) *Kollektivnye hozyajstva Central'nogo CHernozem'ya v 1920-e gg.* [Collective farms of the Central Chernozem region in the 1920s] in Economic history: a yearbook, Moscow, ROSSPEN 2009, 221-237. (in Russian).
12. Grishaev V.V. (1976) *Sel'skohozyajstvennye kommuny Sovetskoj Rossii 1917-1929.* [Agricultural communes of Soviet Russia 1917-1929]. Moscow, Thought, 1976-188. (in Russian).
13. Esikov S.A. (2005) *Kollektivizaciya v Central'nom CHernozem'e: predposylki i osushchestvlenie (1929-1933 gg.).* [Collectivization in the Central Chernozem Region: prerequisites and implementation (1929-1933)]. Tambov: Publishing House Tamb. state tech. university, 2005 -122 p. (in Russian).
14. Ivanov A.A., Solovyov A.A. (2016) *Kolhozy v dokolhoznoj derevne Marijskoj avtonomnoj oblasti (1920-e gody)* [Collective farms in the pre-collective farm village of the Mari Autonomous Region (1920s)] in Bulletin of the Mari State University. 2016. 2, № 1(5), 21-27. (in Russian).
15. Kazmina M.V. (2017) *Politicheskie kampanii 1929 g. i ih rol' v raskole krest'yanstva Kuzneckogo okruga* [Political campaigns of 1929 and their role in the split of the peasantry of the Kuznetsk district] in Bulletin of the Omsk University. Series: Historical Sciences. 2017, 2(14), 43-51. (in Russian).
16. Tambovskaya Pravda. (1922) 14 Sentyabrya. (in Russian).
17. Nikolashin V.P. (2020) *Politicheskaya bor'ba i konfliktnost' v chernozemnoj derevne (1917-1920 gg.)* [Political struggle and conflict in the black earth village (1917-1920)] in History: facts and symbols. 2020. №. 2 (23). 121-127. (in Russian).
18. Okninsky A.L. *Dva goda sredi krest'yan.* (1998) [Two years among the peasants]. Moscow, Russian way, 1998 - 272 p. (in Russian).
19. Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 478. Op. 5. D. 8. (in Russian).
20. Tambov encyclopedia (2020). URL: <https://tambweb.ru/%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%A5%D0%9E%CC%81%D0%97%D0%A> B. (Accessed: 02/17/2023). (in Russian).
21. Yatskevich E.V. (2009) *Kollektivnye hozyajstva Urala v 1920-e gg.: chislennost', sostav, ekonomicheskoe polozhenie* [Collective farms of the Urals in the 1920s: number, composition, economic situation] in Humanitarian sciences in Siberia. 2009, 2, 60-64. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-19-30>
УДК 625 + 94(470+571)

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОРОЖНОЙ ТРАДИЦИИ (РОССИЯ, XVII–XIX ВЕКА)

Владимир А. Коршунков

*Вятский государственный университет,
ул. Московская, д. 36, Киров, 610000, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. Российской власти в XVII–XIX вв. приходилось поддерживать управляемость на огромных и малонаселенных территориях. Современным историкам, специалистам по России, следует учитывать ее специфику и конкретно – состояние дорог, по которым двигался гужевой транспорт. Изучая дорожную инфраструктуру России, можно определить условия и обстоятельства, в которых функционировали государство и общество. **Материалы и методы.** В этой статье исследуется один из аспектов так называемой дорожной традиции России – проявление межнациональных отношений в контексте дорожного движения. Изучение дорожной традиции смыкается с антропологическим подходом, который историки все чаще используют в своей работе. Статья основана на разнообразных нарративных источниках, в том числе художественных и публицистических произведениях. **Результаты.** Россия не только самая обширная страна, но и одна из самых полиэтничных. Дорога нередко становилась тем местом, где выявлялись различия культурно-исторические, а также межконфессиональные и межэтнические. В статье прослежены разные типы межнациональных отношений: вышучивание; повышенное внимание ко всему «чужому»; взаимодействие местных людей с иностранцами на территории России; явные, открытые конфликты и столкновения. **Заключение.** Делается вывод, что дорога оказывалась местом опасным и мало предсказуемым, и потому там во время движения часто возникали споры и стычки, причины которых вызревали задолго до того, а поводы могли быть незначительными. Люди со вниманием относились к различиям в лошадиной упряжи и внешнем виде повозок, в дорожном обустройстве и дорожных обычаях. А выплеск неприязненных чувств обычно провоцировала взаимная дорожная неуступчивость. Дело тут не только в том, что пути нередко были плохо оборудованными. Это случалось при межнациональных (и связанных с ними межконфессиональных и межкультурных) различиях.

Ключевые слова: дорожная традиция России, нарративные источники по истории России, межнациональные отношения, иностранцы в России, путешествия, средства передвижения.

Для цитирования: Коршунков В.А. Межнациональные аспекты дорожной традиции (Россия, XVII–XIX века) // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 19-30, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-19-30>

Статья поступила: 25.05.2023

Статья принята в печать: 20.07.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Коршунков В., 2023

**INTERNATIONAL ASPECTS OF ROAD TRADITION
(RUSSIA, XVII–XIX CENTURIES)***Vladimir A. Korshunkov**Vyatka State University,**st. Moskovskaya, 36, Kirov, 610000, Russian Federation***Abstract**

Introduction. Russian government in the 17th–19th centuries had to maintain control over vast and sparsely populated territories. Modern historians, specialists in Russia, should take into account its specifics and specifically the state of the roads along which horse-drawn vehicles were moving. Investigating the road infrastructure of Russia one can imagine the conditions and circumstances in which the state and society functioned. **Materials and methods.** This paper explores one of the aspects of the so-called road tradition of Russia – the manifestation of international relations in the context of road traffic. The study of the road tradition is linked to the anthropological approach that historians increasingly use in their works. The paper is based on a variety of narrative sources including fiction and journalistic texts. **Results.** Russia is not only the largest country in the world, but also one of the most multi-ethnic. A road often became the place where cultural and historical differences were revealed, as well as inter-confessional and inter-ethnic relations. Different types of international relations are studying in this paper: joking; attention to "alien"; interaction of local people with foreigners in the Russian territory; explicit conflicts. **Conclusion.** It is concluded that a road was dangerous and unpredictable place, and therefore there were often quarrels and conflicts during the traffic. The causes of these quarrels and conflicts have been brewing for a long time, and the reasons could be insignificant.

Keywords: road tradition of Russia, narrative sources on Russian history, international relations, foreigners in Russia, travel, vehicles.

For citation: Korshunkov V. International aspects of the road tradition (Russia, XVII–XIX centuries) // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 19-30, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-19-30>

Received: 25.05.2023

Revised: 20.07.2023

Published: 22.10.2023

© Korshunkov V., 2023

1. Введение

Рассказывали, что как-то раз, когда А. А. Безбородко, вельможа и фаворит Екатерины II, проезжал по родной для него Украине, его кучер, будучи пьяным, зацепил колесом за верстовой столб и стал ворчать: «Що так густо понаставлено столпив, що неможно проихать, не зачепившись!» [29, стлб. 1078]. Разумеется, это исторический анекдот, не претендующий на достоверность. Горожане, жители двух столиц Российской империи нередко подтрунивали над простоватыми, с их точки зрения, украинцами. Характерно, что поводом для насмешек могли служить дорожные ситуации: дескать, селяне-украинцы раз за разом умудрялись своими неуклюжими повозками за что-нибудь зацепиться. Когда в 1903 г. в Московской городской думе проходили обсуждения транспортных проблем большого города, один из думских гласных в своей речи припомнил расхожее выражение: «Бисова теснота в степи мешаєт двум хохлам разъехаться» [24, с. 169].

Несколько столетий подряд Россия была наибольшей по площади страной мира. Состояние дорог, по которым двигался гужевой транспорт, имело особое значение, которое следует учитывать в том числе историкам, специалистам по отечественной истории XVII–XIX вв. Распространение населения и государственной власти по просторам Евразии, постоянные переходы и переезды тысяч людей – все это обеспечивалось дорожной инфраструктурой. Тонкими нитями трактов и проселков провинции громадной страны стягивались в единое целое. На путях постоянно встречались крутые спуски и утомительные подъемы, шаткие деревянные мостики, подозрительные трактиры, темные леса с разбойниками. К этому добавлялись весенняя и осенняя распутица, летние ливни, зимние бураны. Даже обычное движение по ровной местности грозило обернуться несчастьем, когда на ходу ломалась ось повозки или если испугавшиеся чего-нибудь лошади начинали мчать, не подчиняясь командам.

При таких условиях российской власти приходилось поддерживать управляемость на огромных и малонаселенных территориях. Обыватели тоже приспосабливались к сильно растянутым коммуникациям – например, к тому, что весной и осенью переезды на несколько недель становились почти невозможными. Изучая дорожную инфраструктуру России прошлых времен, обустройство трактов и проселков, привычки ямщиков и путешественников, дорожные обряды и обычаи, историки могли бы уточнить условия и обстоятельства, в которых вынуждены были функционировать государство и общество.

2. Материалы и методы

Внимание к историко-бытовым и историко-культурным реалиям передвижений в эпоху гужевого транспорта (до широкого распространения автомобилей и железных дорог) лежит в русле начавшихся в недавнее время исследований дорожной традиции России (иначе ее можно называть дорожной повседневностью, культурой дороги, традиционной культурой путешествия) [33; 34; 2; 1; 20; 3; 16; 17]. Дорожная традиция – это условия, обстоятельства и ситуации, которыми в былые времена сопровождалось сухопутные перемещения на дальние расстояния. Изучение дорожной традиции смыкается с антропологическим подходом, который историки все чаще используют при исследовании разнообразных исторических процессов. Так выявляются и проясняются многочисленные детали, которые иначе могли бы ускользнуть из вида. Взгляд ученого смещается в область изучения повседневности, что тоже актуально для современной исследовательской парадигмы. При таком подходе даже те факты, которые уже становились основой для научных работ историков, этнографов, краеведов, позволяют иначе взглянуть на явления прошлого. В центр исследования помещаются не глобальные историко-экономические тренды, а люди, оказавшиеся в неких обстоятельствах и вынужденные выстраивать свое поведение, преодолевая их или приспособляясь к ним. В частности, объективно существовавшие факторы: природно-климатические особенности, расстояния, плотность населения, уровень технических достижений – определяют возможности для обустройства путей и всей придорожной инфраструктуры. На этой основе формируется дорожная традиция как способ использования таких возможностей. И миллионы людей начинают действовать в рамках сложившейся, устоявшейся традиции.

В этой статье на основе антропологического подхода к историческим источникам и в рамках изучения дорожной традиции прослеживается один из аспектов этой важной для России тематики, а именно проявление межнациональных отношений в контексте дорожного движения. У России две сущностные особенности: она ведь не только самая обширная страна, но и одна из самых полиэтничных. Дорога нередко становилась местом, где выявлялись культурно-исторические различия, межконфессиональные и межэтнические взаимоотношения тех людей, которые сталкивались друг с другом на долгих российских трассах. Причем иногда сталкивались в прямом смысле слова.

По такой тематике имеется немало источниковых материалов, и главное – выявить их из множества прочих. Прежде всего, это нарративные источники – публицистика, мемуары, переписка. Могут быть полезны и произведения художественной литературы. Для историков существенно, что в русской литературе примерно с середины XIX в. преобладали реалистические тенденции. Такие нарративные источники смыкаются с географическими, этнографическими и краеведческими описаниями.

3. Результаты

Приведенные в начале статьи анекдот о кучере и шутливая фраза о понатыканных верстовых столбах относятся к тому типу взаимоотношений, который можно назвать выпучиванием. В нем отражаются не только межэтнические отношения, выпучивание указывает на культурную разницу (например: горожане – деревенские). Но это культурное различие реализуется в форме противопоставления по национальному признаку.

Выпучивание становится возможным, в частности, потому, что люди тотчас же замечали непривычный для них способ запрягать лошадей, необычную форму повозки и все прочие особенности дорожной традиции в иных краях или у чужаков.

Осенью 1824 г. чиновник и литератор П. Л. Яковлев, добираясь в г. Вятку, делился в письме к родственнику своим наблюдением: «Забавна странная упряжка здешних лошадей. Вообразите, что в мою маленькую повозку запрягают по четыре лошади – гуськом!» [23, с. 7]. Спустя полтора десятилетия, накануне нового 1838 г. А. И. Герцен, выехав из Вятской губернии (где он отбывал ссылку), направлялся на запад. Достигнув Волги, он обратил внимание, что там уже «сани были заложены по-русски: тройка в ряд, одна в корню, две на пристяжке...». По его наблюдениям, восточнее, в Прикамье и на Вятке, обычно ездили, запрягая лошадей гуськом. «Так сердце и стукнуло от радости, когда увидел нашу упряжь» [5, с. 301].

Герцен и Яковлев обращали внимание на, так сказать, межрегиональные различия внутрироссийской дорожной традиции. Впрочем, Яковлева тогда вез мариец. Известно, что и удмурты в отдаленном северо-восточном углу Вятской губернии тоже запрягали гуськом [32, с. 29] – то есть, по мысли Герцена, делали это не «по-русски». Так что межрегиональные различия вообще-то могли пересекаться с межнациональными, хотя, скорее всего, в XIX в. люди предпочитали использовать запряжку гуськом в таких местностях и при таких обстоятельствах, где и когда дороги бывали совсем плохи: широкой тройкой в ряд проехать было трудно.

А вот более определенные примеры, указывающие, что чужое и непривычное в дорожной инфраструктуре и сопутствующих обстоятельствах подмечалось сразу же. Н. М. Карамзин в 1789 г., выехав из российских пределов, заметил о «немецких извозчиках»: «Странные экипажи!» Через три недели письмо из Мариенбурга он начал так: «Прусская, так называемая почтовая коляска совсем не похожа на коляску. Она есть не что иное, как длинная покрытая фура с двумя лавками, без ремней и без рессор» [12, с. 11, 24]. Чиновник Д. Н. Свербеев летом 1822 г. ехал в Ригу из Ревеля на купленной там «польской бричке» с погонщиком эстонцем. Впоследствии он припоминал непривычную упряжку и возницу, который «правил с коня, по немецкому или польскому обычаю». Чуть позже, уже во Франции, писал Свербеев, «в первый раз познакомился я с очень неудобной французской каретой» [25, с. 188, 211]. Нижегородец Н. Н. Шипов в 1861 г. на пути в Святую Землю завернул в Константинополь, где обратил внимание на «уродливые экипажи» [31, с. 257]. 14-летний А. А. Фет зимой 1834–1835 гг. поехал вместе с отцом из Петербурга в Дерпт к профессору Моеру искать возможности поступить в пансион. «Главное, бросившееся мне в глаза на другой день, при поездке к профессору Моеру, было, что извозчик сидел перед нами в санях в капоте с коротким многоэтажным воротником, а его парочка лошадок в дышла была запряжена в шоры без всякой шлеи, так что при спуске с горы шоры всползали лошадам на самый затылок» [28, с. 81]. Поэт и чиновник П. А. Вяземский в написанном в

1853 г. в Дрездене стихотворении «Масленица на чужой стороне» рассудил так: «Сани здесь – подобной дряни // Не видал я на веку; // стыдно сесть в чужие сани // Коренному русаку» [4, с. 303]. В стихотворении «Проезд через Францию в 1851 г.» Вяземский саркастически заметил, что как только он останавливался на французской почтовой станции, местные принимались обсуждать его повозку: «Все смотрят, все ведут беседу // Про мой рыдван и про меня» [4, с. 300].

Так что люди, находясь «на чужой стороне», бывали приметливы: их интересовали необычные средства передвижения и непривычные способы упряжи.

Еще один вариант взаимоотношений в рамках дорожной традиции – восприятие заезжими иностранцами русских людей (или представителей иных народов России), российских нравов и обычаев, дорожного обустройства и т. п.

Французский литератор, маркиз Астольф де Кюстин в 1839 г. побывал в России. Он был аристократом и монархистом, однако увиденное в самодержавной стране его разочаровало: «Сказать, что Россия Кюстину не понравилась, – это, в сущности, ничего не сказать» [30, с. 76]. Книга Кюстина «Россия в 1839 году» – замечательный исторический источник, пусть и тенденциозный. Заезжий маркиз сумел подметить многое такое, с чем российские подданные давно свыклись – закоренелый деспотизм и пренебрежение человеческим достоинством на всех уровнях социальной иерархии. И повсеместную показуху.

За несколько летних месяцев Кюстин успел покататься по России. В Петербург он прибыл морем, оттуда съездил в Шлиссельбург. Двинулся на юг – побывал в Ярославле, Москве, Нижнем Новгороде. Вернулся в столицу. Назад из Петербурга добирался посуху – проехал на лошадях в Восточную Пруссию. Дж. Кеннан, исследовавший эту книгу Кюстина, отмечал: «Кроме пространных романтических описаний Петербурга и Москвы, впечатления Кюстина о путешествии в Россию на удивление скупы. Очень мало сказано о его поездках за пределы обеих столиц». Кроме того, согласно Кеннану, многое в книге «относится к сфере чистой эстетики»: Кюстин слишком увлекался пейзажами и архитектурой, описывая это в соответствии с модой того времени. К тому же он нередко передавал рассказы и легенды, полученные из вторых рук [13, с. 59, 74]. Выходит, что достоверность конкретных наблюдений у него невелика, а «непреходящая ценность труда Кюстина совсем в другом – в тех политических впечатлениях, которые зачастую выражены колкими афоризмами и остротами, столь привлекавшими одних и озлоблявшими других, но неизменно достигавшими своей цели» [13, с. 74–75]. Однако и конкретика в книге Кюстина очень любопытна. Хоть и не всегда точна: даже увиденное собственными глазами осмысливал он пристрастно и тенденциозно.

Главный тракт Российской империи – от Петербурга до Москвы – в 1810-х гг. находился в «дурном состоянии», но примерно с 1820 г. он стал, наконец, шоссированным и удобным [14]. Кюстин, проехав по этой трассе из Петербурга в Москву, обнаружил, что кое-где параллельно основной дороге идет другая, несколько хуже обустроенная. Он стал расспрашивать и пришел к выводу: «...Запасная дорога предназначена для ломовых извозчиков, скота и путешественников в те дни, когда император или члены императорской фамилии едут в Москву». Решив, что «царь имеет в своем распоряжении целую дорогу», Кюстин начал рассуждать: «Король, который говорил: “Франция – это я”, останавливался, чтобы пропустить стадо овец, и во времена его правления любой путник, шедший по дороге, повторял принцам крови, которых встречал по пути, нашу старую поговорку: “Дорога принадлежит всем”; важны не столько сами законы, сколько способы их применения» [18, с. 38–39]. Между тем, как указывалось в путеводителе 1847-го г., это была «дорога для прогона скота от Москвы до Санкт-Петербурга» [18, с. 545]. Так называемая скотопронная дорога, по толкованию В. И. Даля, обычно делалась «для прогону гуртов». Она «устраивается особо от ездовой и должна быть окопана или огорожена пряслами» [7, с. 207].

Прибывавшие в Россию иностранцы, как и Кюстин, иной раз подмечали социальную сторону дорожной повседневности. И, подобно Кюстину, они нередко ошибались в деталях. Путешествовавший по России в 1858–1859 гг. А. Дюма-отец писал:

«В царствование Екатерины был закон, восходивший еще к древности, согласно которому при встрече на дороге с императором или царевичем человек должен спешиться, если он верхом; если в карете – выйти из нее, не считаясь с тем, раскалена ли мостовая или покрыта льдом, метет ли снег или льет дождь, пасть ниц, если встречный – мужчина, или почтительно поклониться – если женщина.

Екатерина отменила этот закон.

Павел его восстановил» [8, с. 66–67].

Кажется, Дюма резюмировал здесь то, что было рассказано французским публицистом Ш. Массоном (1762–1807), долгое время жившим в России. Массон отмечал также запрет Павлом I «запрягать лошадей и надевать сбрую по русскому образцу» и его борьбу с роскошными выездами [19, с. 91–92]. Власть в России издавна, еще с допетровских времен, пыталась ограничивать пышность экипажей, регламентируя количество запрягаемых лошадей в зависимости от статуса человека. Но «падать ниц» во времена империи уже не требовалось.

Французский литератор Т. Готье на рубеже 1850–1860 гг. дважды побывал в России и затем издал книгу о своих впечатлениях. Там он неоднократно и обстоятельно описывал русские экипажи, особенности конской упряжи, способы передвижения [6, с. 49–55, 59, 68–71, 296–297, 329–330, 376 и др.]. Все такое его весьма занимало.

Еще один аспект этой проблематики – явные, открытые межэтнические конфликты, которые могли проявляться в непростой дорожной обстановке. Дорога вообще была зоной неопределенности, нестабильности, опасности. Там часто случались стычки по самым разным поводам, иногда совсем незначительным [33; 17].

У русских жителей Малмыжского района Кировской области отмечено поверье, что встретившегося на дороге мари́йца нужно обругать всяческими словами, чтобы он рассердился, иначе в пути будет неудача [26, с. 36]. Разумеется, это провоцировало ссоры и даже потасовки. Встреча на пути в народной культуре часто воспринималась как некий знак, зачастую негативный. И пересечение дороги перед идущим или едущим считалось дурным предзнаменованием [33, с. 153–192; 16, с. 105–115, 128–150]. Уже поэтому дорога становилась местом в высшей степени конфликтогенным.

В ноябре 1668 г. нидерландский парусный мастер Ян Янсен Стрэйс (или иначе Стрюйс; по-нидерландски: *Struys*) вместе с компанией других западноевропейцев ехал через Новгород в Москву на службу к русскому царю. Впоследствии он припоминал: только они выбрались на санях из Твери, как встретили на дороге двух подозрительных субъектов, «которые с большой наглостью подошли вплотную и намеревались затеять ссору». Спутников Стрэйса было больше, и верить всем деталям его описания не приходится. Сообщал же он о том случае так: «Чтобы предотвратить это, мы посторонились; но они не отступили, говоря: “Мы у себя дома, вы – чужеземцы и становитесь нам поперек пути” и т. д. Мы ответили, что состоим на службе его царского величества, что дорога одна как для нас, так и для них, что мы даем им свободный проезд и хотим того же. Но они не были согласны и опять приблизились к нам так, что мы прогнали их палками, чтобы освободить себе путь. Невзирая на это, они подошли к нам так близко, что капитан храбро отразил их своей испанской тростью, отчего они отпрянули назад и сразу же подбежали с топорами. Еще немного, и мы открыли бы стрельбу, но отказались от этого, потому что против этого был наш начальник, и мы натравили на них нашу большую собаку, которая не отстала, пока не вцепилась в одного из них, сбила с ног и порвала в клочья его платье и нет сомнения разорвала бы его самого, ежели бы мы не оттащили собаку силой. Когда его товарищ увидел это, то пустился бежать во все лопатки, а собака, оставив первого, бросилась вслед за ним с такой быстро-

той, что скоро схватилась с ним. Московит хотел отделаться от собаки топором, но она предупредила его, вцепилась в него и, дав ему попробовать остроту собачьих зубов, вернулась к нам [27, с. 152]. Если суть этого описания более или менее достоверна, то получается, что для русских встречные иноземцы-иноверцы казались подозрительными. Таких считали заведомо ниже православных. А чужаки в ответ указывали на свой статус: они на царской службе.

Карл Фукс (1776–1846) – немец, родившийся в центральной Германии, в графстве Нассау. Переехав в Россию, он стал профессором и затем ректором Казанского университета. Фукс серьезно интересовался обычаями поволжских народов. Он писал: «Татары ныне живут в большом согласии с русскими, и уже не слышно от русских некоторых жестких, на счет татар, слов, которые часто употреблялись, лет сорок тому назад. Однако ж иногда кучера русские бранят татарина, называя его собакой, ежели он не скоро своротит с дороги, чтоб дать место проехать. Но татарин, в таком случае, тихо бормочет себе под нос: донгус (свинья. – *И. З.*), а про себя думает: ты алкафер (неверный. – *И. З.*)» [цит. по: 9, с. 106].

При этом сами татары смотрели свысока на других своих соседей – чувашей. В Симбирской губернии был известен «татар мешехи» («татарский обряд»). Это когда татарин-возчик обгонял подводу чуваша и резко замедлял ход [22, с. 96]. Сами же чуваша, будучи преимущественно крестьянами, обычно скромничали. Согласно записям языковеда-тюрколога Н. И. Апшарина, в одной чувашской песне звучали такие слова: «Мы не русские и татары, чтобы шествовать по большим дорогам» [21, с. 232].

Краевед В. В. Зефирова в очерке, опубликованном в 1852 г. в «Оренбургских губернских ведомостях», описывал местных мещеряков (мещеряки или мишари – тюркоязычная этническая группа) и в доказательство их «робости» приводил «довольно забавное происшествие»: «В 1845 году, проезжая на подводах из Мензелинска в Стерлитамак, не помню, в какой-то мещеряжской деревне я переменял лошадей и потом отправился далее. Ямщик мой был лет около 30, парень, по-видимому, бойкий, весело погонял лошадей и попевал какую-то народную песню, на минорный тон. Я дремал в повозке. Вдруг на беду его какой-то русский подводчик гонит ему навстречу, с прямым направлением сломить себе голову или другим. Мой ямщик не успел своротить с дороги, да и не было надобности, но на быстром ходу оси столкнулись, у встречного что-то лопнуло, и я не успел открыть глаз, как русский удалец ястребом налетел на моего ямщика и, что было мочи, колотил его по загривку. Подняв в роде защиты правую руку над головой, на которую сыпались быстрые удары, и обратив умоляющую рожу к своему обидчику, мещеряк ни криком, ни стоном не обнаружил стеснительного своего положения. Тогда уже, как после моего грозного восклицания, русский, перескочив на свою телегу, помчался вперед, тогда только мой бедный мещеряк опомнился. Он молча слез с козел, молча поднял сбитую с головы тубетейку и, садясь на козлы, довольно уже смело поглядывал вслед уехавшему врагу, ворча сквозь зубы: “а, шайтан, урус”, и вот все, чем утешил себя мой подводчик за свое оскорбленное самолюбие и разбитую голову. Мне жалко и смешно было смотреть на бедняка. – Что, больно он поколотил тебя, спросил я? “шайтан, собака, кафыр”, скороговоркой отвечал обиженный и уже смело грозил мочальным кнутом своим вслед уехавшему врагу» [11, с. 44].

Литератор И. С. Аксаков много путешествовал и в своих текстах не раз перелагал дорожные ситуации и впечатления (к тому же он был автором драматической поэмы «Зимняя дорога»). В январе 1844 г. в Тамбовской губернии Аксаков со спутниками чуть не погиб при страшном буряне. Им пришлось коротать долгую вьюжную ночь, рискуя замерзнуть насмерть. Поутру бурянь стал утихать, и они спаслись: поблизости оказалась ямская станция. Одной из причин бедствия было то, что по обочинам тамбовских дорог не были расставлены вешки, указывавшие направление пути¹. В своем дневнике, после подробного рассказа

¹ О способах, которыми пытались обозначить заметаемый снегом зимний путь см.: [15].

об этом происшествии, Аксаков записал: «Какие скверные дороги в Тамбове! Вообразите себе обширную степь, на которой летом еще заметна черная дорожная полоса, но зимою, когда все бело и путь не обозначается ни верстовыми столбами, ни вехами, то дорога пролагается наудачу, едут часто целиком (то есть по целине. – В. К.) или попадают на какой-нибудь хребет земли, где снегу поменьше, но который в ширину аршина два или три, не больше, так что если попадетя обоз, то нет даже возможности объезжать его, потому что с обеих сторон снег по брюхо лошади». Характерно, что, начав с жалобы на дурное состояние дорог, чуть было не ставшее причиной его гибели, Аксаков переходит к еще одной, обычной для тогдашних путешественников теме – узости дорог, мешавшей разехаться встречным. И в дополнение: «Что еще меня бесило, так это мордва. Вообразите, что они для перевозки бревна мачтового, часто вершков 14 в поперечнике, закладывают или закладывают, как здесь говорят, лошадей по 18 и больше, по три в ряд, протягивая по обеим сторонам канаты. Сами в числе 15 и 20 человек сидят на бревне или верхом и смеются над несчастными, принужденными ждать окончания их длинного поезда» [10, с. 39–40].

4. Заключение

Итак, люди со вниманием относились к различиям в лошадиной упряжи и внешнем виде повозок, в дорожном обустройстве и дорожных обычаях. А выплеск неприязненных чувств обычно провоцировала взаимная дорожная неуступчивость. Дело тут не только в том, что пути нередко были плохо оборудованными. Это случалось при межнациональных (и связанных с ними межконфессиональных и межкультурных) различиях. Глубинной причиной выступали давно установившиеся напряженные отношения, а поводы, с точки зрения внешнего наблюдателя, оказывались вроде бы совсем незначительными. Дорога была местом опасным и мало предсказуемым, и как раз там, во время движения, могли вспыхивать конфликты.

Список источников и литературы

1. Борисов, Н. (2010). *Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья*. Москва: Молодая гвардия. 440 с.
2. Васильев, М. И. (2007). *Русские сани: историко-этнографическое исследование*. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. 364 с.
3. Васильев, М. И. (2013). *Факторы формирования облика русских дорог в X – начале XX в.* // Этнографическое обозрение. № 3. С. 125–135.
4. Вяземский, П. А. (1986). *Стихотворения*. Москва: Советский писатель. 544 с.
5. Герцен, А. И. (1956). *Собр. соч.: в 30 т.* Т. 8. Москва: Издательство Академии наук СССР. 518 с.
6. Готье, Т. (1987). *Путешествие в Россию*. Москва: Мысль. 396 с.
7. Даль, В. И. (1956). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 684 с.
8. Дюма, А. (1993). *Путевые впечатления: в России*. Т. 1. Москва: Ладомир. 448 с.
9. Зайцев, И. (2005). *Без гнева и пристрастия: татары и русские в зеркале взаимного восприятия* // Родина. № 8. С. 100–107.
10. *Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: эпистолярный дневник 1838–1886 гг.* (2003). Т. 1. Москва: Русская книга. 560 с.
11. *Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв.* (2014). Сост. М. И. Роднов. Уфа: [Б. и.]. 180 с.
12. Карамзин, Н. М. (1984). *Письма русского путешественника*. Ленинград: Наука. 717 с.
13. Кеннан, Дж. Ф. (2006). *Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году»*. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 240 с.

14. Коршунков, В. А. (2012). *Благоустройство российских дорог в эпоху Александра I и народная память об А. А. Аракчееве* // Отечественная война 1812 г. в региональной истории и историографии: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В. А. Криушина. Киров: ВятГГУ. С. 69–75.
15. Коршунков, В. А. (2023). *Вехи и веши* // Родина. № 3. С. 126–129.
16. Коршунков, В. А. (2015). *Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды*. Москва: Форум. 240 с.
17. Коршунков, В. А. (2020). *Путь сквозь века и земли: дорожная традиция России*. Москва: Редкая птица. 624 с.
18. Кюстин, А. де. *Россия в 1839 году*. Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной; Комментар. В. Мильчиной и А. Осповата. Т. 2. Москва: Издательство им. Сабашниковых, 1996. 480 с.
19. Массон, Ш. (1996). *Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I: наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора*. Москва: Новое литературное обозрение. 208 с.
20. Матвеев, А. В. (2012). *Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX – первая треть XX века)*. Омск: Наука. 196 с.
21. Николаев, Г. А. (2004). *Социально-психологический аспект межэтнических взаимоотношений в средневожской деревне второй половины XIX – начала XX вв.* // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов / Гл. ред. М. З. Васютин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 230–235.
22. Николаев, Г. А. (2001). *Этнические и конфессиональные компоненты в повседневной жизни средневожской деревни второй половины XIX – начала XX столетий: к постановке проблемы* // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение: материалы региональной научной конференции / Отв. ред. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола: МарГУ. С. 90–105.
23. Петряев, Е. П. (1970). *Люди, рукописи, книги: литературные находки*. Киров: Волго-Вятское книжное издательство. 286 с.
24. Руга, В., Кокорев, А. (2005). *Москва повседневная: очерки городской жизни начала XX века*. Москва: Олма-Пресс. 512 с.
25. Свербеев, Д. Н. (2014). *Мои записки*. Москва: Наука. 942 с.
26. Семибратов, В. К. (2016). *Вятка как этнокультурный феномен российской провинции*. Киров: Веси. 135 с.
27. Стрэйс, Я. Я. (1935). *Три путешествия*. Москва: ОГИЗ-Соцэгиз. 415 с.
28. Фет, А. (1893). *Ранние годы моей жизни*. Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова. 549, VI с.
29. Ханенко, А. (1869). *Рассказы о старине* // Русский архив. 1868. Год 6-й. Стлб. 1069–1080.
30. Черкасов, П. (2009). *Кто вы, Астольф де Кюстин?* // Родина. № 3. С. 73–77.
31. Шипов, Н. Н. (2006). *История моей жизни и моих странствий* // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века / Вступ. ст., сост. В. А. Кошелева; Комментар. В. А. Кошелева, Б. В. Мельгунова, В. П. Бударagina. Москва: Новое литературное обозрение. С. 156–274.
32. Штейнфельд, Н. П. (1892). *Зюдинский край (Глазовского уезда): очерк* // Календарь Вятской губернии на 1893 г. Отд. 2. С. 272–312.
33. Щепанская, Т. Б. (2003). *Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.* Москва: Индрик. 528 с.
34. Randolph, J. W. (2007). *The singing coachman or, The road and Russia's ethnographic invention in Early Modern Times* // Journal of Early Modern History. Vol. 11. № 1–2. P. 33–61.

References

1. Borisov, N. (2010). *Povsednevnyaya zhizn' russkogo puteshestvennika v epokhu bezdorozh'ya* [The daily life of a Russian traveler in the off-road era]. Moscow, Molodaya gvardiya. (in Russian).
2. Vasil'ev, M. I. (2007). *Russkie sani: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Russian sleigh: a historical and ethnographic study]. Veliky Novgorod, NovGU n. a. Yaroslav Mudry Publ. (in Russian).
3. Vasil'ev, M. I. (2013). *Faktory formirovaniya oblika russkikh dorog v X – nachale XX v.* [Factors of formation of the appearance of Russian roads in the 10th – early 20th century] in *Etnograficheskoe obozrenie*, 3, 125–135. (in Russian).
4. Vyazemskiy, P. A. (1986). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Sovetskiy pisatel'. (in Russian).
5. Gertsen, A. I. (1956). *Sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Vol. 8. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ. (in Russian).
6. Gautier, Th. (1987). *Puteshestvie v Rossiyu* [Travel to Russia]. Moscow, Mysl'. (in Russian).
7. Dal', V. I. (1956). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Vol. 4. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. (in Russian).
8. Dumas, A. (1993). *Putevye vpechatleniya: v Rossii* [Travel impressions: in Russia]. Vol. 1. Moscow, Ladimir. (in Russian).
9. Zaytsev, I. (2005). *Bez gneva i pristrastiya: tatory i russkie v zerkale vzaimnogo vospriyatiya* [Without anger and passion: Tatars and Russians in the mirror of mutual perception] in *Rodina*, 8, 100–107. (in Russian).
10. *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh: epistolyarnyy dnevnik 1838–1886 gg.* (2003) [Ivan Sergeevich Aksakov in his letters: epistolary diary 1838–1886]. Vol. 1. Moscow, Russkaya kniga. (in Russian).
11. *Istoriko-kraevedcheskie issledovaniya na Yuzhnom Urale v XIX – nachale XX vv.* (2014) [Historical and local lore research in the Southern Urals in the 19th – early 20th centuries]. Ed. by M. I. Rodnov. Ufa, [S. e.]. (in Russian).
12. Karamzin, N. M. (1984). *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Russian traveler's letters]. Leningrad, Nauka. (in Russian).
13. Kennan, G. F. (2006). *Markiz de Kyustin i ego «Rossiya v 1839 godu»* [Marquis de Custine and his "Russia in 1839"]. Moscow, "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN). (in Russian).
14. Korshunkov, V. A. (2012). *Blagoustroystvo rossiyskikh dorog v epokhu Aleksandra I i narodnaya pamyat' ob A. A. Arakcheeve* [Improvement of Russian roads in the era of Alexander I and the people's memory of Alexei Arakcheev] in *Otechestvennaya voyna 1812 g. v regional'noy istorii i istoriografii: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Ed. by V. A. Kriushina. Kirov, VyatGGU Publ., 69–75. (in Russian).
15. Korshunkov, V. A. (2023). *Vekhi i veshki* [Paling on a roadside] in *Rodina*, 3, 126–129. (in Russian).
16. Korshunkov, V. A. (2015). *Dorozhnaya traditsiya Rossii: pover'ya, obychai, obryady* [Road tradition in Russia: rites, customs, and popular beliefs]. Moscow, Forum. (in Russian).
17. Korshunkov, V. A. (2020). *Put' skvoz' veka i zemli: dorozhnaya traditsiya Rossii* [Travel through time and space: the road tradition of Russia]. Moscow, Redkaya ptitsa. (in Russian).
18. Custine, A. de. *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839]. Ed. by V. Milchina and A. Ospovat. Vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovyykh, 1996. (in Russian).
19. Masson, Ch. (1996). *Sekretnye zapiski o Rossii vremeni tsarstvovaniya Ekateriny II i Pavla I: nablyudeniya frantsuza, zhivshogo pri dvore, o pridvornyykh nravakh, demonstriruyush-*

chie nezauryadnyuyu nablyudatel'nost' i osvedomlennost' avtora [Secret notes about Russia during the reign of Catherine II and Paul I: observations of a Frenchman who was living at the court about court customs, demonstrating the author's extraordinary powers of observation and awareness]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian).

20. Matveev, A. V. (2012). *Traditsionnaya kul'tura puteshestviya naseleniya Srednego Priirtysh'ya (XIX – pervaya tret' XX veka)* [Traditional travel culture of the population of the Middle Irtysh Region (19th and first third of 20th century)]. Omsk, Nauka. (in Russian).

21. Nikolaev, G. A. (2004). *Sotsial'no-psikhologicheskii aspekt mezhetnicheskikh vzaimootnosheniy v srednevolzhskoy derevne vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Social and psychological aspect of interethnic relations in a Middle Volga village in the second half of the 19th and early 20th centuries] in *Formirovanie, istoricheskoe vzaimodeystvie i kul'turnye svyazi finno-ugorskikh narodov: materialy III Mezhdunarodnogo istoricheskogo kongressa finno-ugrovedov*. Ed. by M. Z. Vasyutin. Yoshkar-Ola, MarNIYaLI Publ., 230–235. (in Russian).

22. Nikolaev, G. A. (2001). *Etnicheskie i konfessional'nye komponenty v povsednevnoy zhizni srednevolzhskoy derevni vtoroy poloviny XIX – nachala XX stoletiy: k postanovke problem* [Ethnic and confessional components in the everyday life of a Middle Volga village in the second half of the 19th and early 20th centuries: to the formulation of the problem] in *Khristianizatsiya narodov Srednego Povolzh'ya i ee istoricheskoe znachenie: materialy regional'noy nauchnoy konferentsii*. Ed. by A. G. Ivanov. Yoshkar-Ola, MarGU Publ., 90–105. (in Russian).

23. Petryaev, E. P. (1970). *Lyudi, rukopisi, knigi: literaturnye nakhodki* [People, manuscripts, and books: literary finds]. Kirov, Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russian).

24. Ruga, V., Kokorev, A. (2005). *Moskva povsednevnyaya: ocherki gorodskoy zhizni nachala XX veka* [Everyday Moscow: essays on urban life in the early 20th century]. Moscow, Olma-Press. (in Russian).

25. Sverbeev, D. N. (2014). *Moi zapiski* [My notes]. Moscow, Nauka. (in Russian).

26. Semibratov, V. K. (2016). *Vyatka kak etnokul'turnyy fenomen rossiyskoy provintsii* [Vyatka as an ethnic and cultural phenomenon of the Russian regions]. Kirov, Vesi. (in Russian).

27. Streys, Ya. Ya. (1935). *Tri puteshestviya* [Three travels]. Moscow, OGIZ-Sotsegiz. (in Russian).

28. Fet, A. (1893). *Rannie gody moey zhizni* [Early years of my life]. Moscow, Tovari-shchestvo tipografii A. I. Mamontova. (in Russian).

29. Khanenko, A. (1869). *Rasskazy o starine* [Tales of old] in *Russkiy arkhiv*. 1868. 6th year, 1069–1080. (in Russian).

30. Cherkasov, P. (2009). *Kto vy, Astol'f de Kyustin?* [Who are you, Astolf de Custine?] in *Rodina*, 3, 73–77. (in Russian).

31. Shipov, N. N. (2006). *Istoriya moey zhizni i moikh stranstviy* [The story of my life and my travels] in *Vospominaniya russkikh krest'yan XVIII – pervoy poloviny XIX veka*. Ed. by V. A. Kosheleva, B. V. Mel'gunova, V. P. Budaragina. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 156–274. (in Russian).

32. Steinfeld, N. P. (1892). *Zyuzdinskiy kray (Glazovskogo uezda): ocherk* [Zyuzdinsky region (Glazovsky district): essay] in *Kalendar' Vyatskoy gubernii na 1893 g.* Part 2, 272–312. (in Russian).

33. Shchepanskaya, T. B. (2003). *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX–XX vv.* [The road culture in the Russian mythological and ritual tradition of the 19th–20th centuries]. Moscow, Indrik. (in Russian).

34. Randolph, J. W. (2007). *The singing coachman or, The road and Russia's ethnographic invention in Early Modern Times*. *Journal of Early Modern History*, 11 (1–2), 33–61.

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-30-43>

УДК 94 (47) + 908 (470. 326)

УСЛОВИЯ ТРУДА ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫХ СЛУЖАЩИХ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Сергей В. Щербаков

*Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
ул. Интернациональная, д. 33, Тамбов, 392000, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются проблемы условий труда почтово-телеграфных служащих Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Актуальность исследования определяется значимой ролью средств связи в жизни общества и государства.

Материалы и методы. Исследование базируется на широком комплексе архивных и опубликованных источников. Основу исследования составляют материалы фондов Государственного архива Тамбовской области. Значительная часть использованных в работе архивных документов впервые вводится в научный оборот. В работе были использованы следующие методы научного исследования: сравнительно-исторический, статистический, анализ, синтез и др. **Результаты.** Изучено материальное положение почтово-телеграфных служащих, содержание профессиональных обязанностей, продолжительность рабочего времени, система штрафов и пособий. Рассмотрено влияние условий труда на революционную активность работников связи. Автор приходит к выводу, что в исследуемый период социально-экономическое положение почтово-телеграфных служащих было непростым. Продолжительный рабочий день, большое количество рабочих обязанностей, отсутствие отпуска у ряда категорий работников, система оплаты труда – всё это способствовало вовлечению связистов в революционную деятельность. Тем не менее, даже в годы революции 1905-1907 гг. большинство почтово-телеграфных работников Тамбовской губернии в целом оставались лояльны государственной власти.

Ключевые слова: почта, телеграф, телефон, почтово-телеграфные служащие, условия труда, социально-экономическое положение, связь, Тамбовская губерния

Для цитирования: Щербаков С.В. Условия труда почтово-телеграфных служащих Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 30-43, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-30-43>

Статья поступила: 25.04.2023

Статья принята в печать: 10.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Щербаков С., 2023

WORKING CONDITIONS OF POST AND TELEGRAPH EMPLOYEES OF THE TAMBOV PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

Sergey V. Shcherbakov

*Derzhavin Tambov State University,
st. Internatsionalnaya, 33, Tambov, 392000, Russian Federation*

Abstract

Introduction. The article deals with the problems of working conditions of postal and telegraph employees in the Tambov governorate in the second half of the XIX - early XX century. The relevance of the study is determined by the significant role of communication tool in the life of society and the state. **Materials and methods.** The research is based on a wide range of archival and published sources. The research is based on the materials from the funds of the State Archive of the Tambov region. A significant part of the archival documents used in the work is being introduced into scientific circulation for the first time. The following methods of scientific research were used: comparative-historical, statistical, analysis, synthesis etc. **Results.** We study the material position of postal and telegraph employees, content of professional duties, working hours, the system of fines and benefits. The influence of working conditions on the revolutionary activity of communication workers is considered. The author comes to the conclusion that during the period under study, the socio-economic position of postal and telegraph employees was not easy. A long working day, a large number of work duties, the absence of leave for a number of categories of employees, the wage system – all this contributed to the involvement of signalmen in revolutionary activities. Nevertheless, even during the revolution of 1905-1907, the majority of postal and telegraph workers of the Tambov governorate as a whole remained loyal to the state authorities.

Keywords: Post office, telegraph, telephone, postal and telegraph employees, working conditions, socio-economic position, communication, Tambov governorate

For citation: Shcherbakov S. Working conditions of postal and telegraph employees of the Tambov province in the second half of the XIX – early XX century // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 30-43, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-30-43>

Received: 25.04.2023

Revised: 10.08.2023

Published: 22.10.2023

© Shcherbakov S., 2023

1. Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. шли качественные и количественные изменения в почтовой, телеграфной и телефонной связи в Российской империи. Увеличивались как число и доля активных пользователей средствами связи среди населения страны, так и число служащих в учреждениях связи Российской империи. Материальное положение и условия труда почтово-телеграфных служащих, несмотря на отдельные конструктивные изменения, оставались проблемной сферой. На фоне развития революционной ситуации в России в начале XX в. вопросы социально-экономического положения работников связи создавали определенные риски для государства. Участие связистов в антиправительственных акциях могло парализовать функционирование средств связи в стране.

Проблемы социально-экономического положения почтово-телеграфных служащих России во второй половине XIX – начале XX в. в дореволюционной отечественной историографии рассматривались в рамках общих работ по истории почтово-телеграфного дела [4]. Советские историки акцентировали внимание на трудностях материального положения связистов, тяжёлых условиях труда и участии почтово-телеграфных служащих в революционном движении [2-3; 23; 30]. В ряде современных работ, посвященных анализируемой проблеме, учитываются достижения советской историографии в исследовании проблемы, но в то же время отмечается определенная тенденциозность, присущая ряду исследований советского периода в оценке социально-экономического положения работников связи [5; 22; 24]. Выходят исследования о региональных особенностях развития средств связи, в которых анализируется и положение почтово-телеграфных служащих [25-26; 29; 38]. Так, отдельные аспекты проблемы положения служащих связи Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX в. были рассмотрены в ряде работ [31-34].

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили материалы Государственного архива Тамбовской области (фонд 93 «Управление Тамбовского почтово-телеграфного округа», фонд 94 «Тамбовская почтово-телеграфная контора», фонд 97 «Уваровская почтово-телеграфная контора»), а также опубликованные законодательные источники [28], материалы периодической печати [27], свидетельства современников [35-36].

Теоретическими подходами исследования являются теория общественно-экономических формаций и теория модернизаций. Теория формаций даёт возможность проследить изменение социально-экономического положения почтово-телеграфных служащих на фоне процесса перехода Российской империи на капиталистический путь развития и постепенного уменьшения элементов феодального уклада в жизни общества. Теория модернизаций позволяет изучить материальное положение и условия труда работников связи в условиях перехода от аграрного к индустриальному обществу. В данной работе были использованы общенаучные методы исследования (анализ, синтез и др.), а также специальные исторические методы научного исследования. Так, с помощью историко-типологического метода можно выделить разные категории служащих по уровню доходов, а сравнительно-исторический и статистический методы позволяют сравнить доходы высших и низших категорий служащих, определить динамику изменения доходов служащих.

3. Результаты.

Условия труда, наряду с его оплатой и продолжительностью рабочего дня, были и остаются одними из ключевых показателей и критериев для рабочих и служащих любой профессиональной сферы. В конце XIX – начале XX в. данные вопросы обсуждались предпринимателями, общественными и политическими деятелями, правительством. Они стали одними из ключевых требований представителей разных профессиональных групп в ходе Первой русской революции 1905-1907 гг.

Условия труда многих почтово-телеграфных служащих в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. были сложными. Н. А. Тэффи в рассказе «Письма» представляла читателю следующую картину: «Защёлкал аппаратом измождённый телеграфист, побежали, спотыкаясь, замученные почтальоны, подхлестнули лошадей сонные ямщики: – Почту везём! Гей! Дело срочное, не опоздать бы» [35, с. 37]. В данной цитате показательны прилагательные, описывающие состояние работников связи – «измождённый», «замученные», «сонные». Подобное описание содержится и в другом рассказе писательницы «Телеграммы»: «Усталая телеграфистка узловой станции тёрла одеколоном запавшие жёлтые виски и отстукивала на аппарате...» [36].

Советские историки Н. А. Сафонов и В. А. Карлинский в своей работе приводили, в частности, такую выдержку из рапорта начальника одной из почтовых контор: «В 7 часов я начинаю работу. От всех же занятий освобождаюсь в 2-3 часа ночи... От усталости почта-

льоны засыпают с перьями в руках. Чиновник-канцелярист, который ведёт всю отчётность, один не успевает справляться с работой, хотя работает не меньше 15 часов в сутки. Непосильный труд в тесном помещении, нерегулярное питание за недостатком времени очень дурно отзываются на здоровье служащих, и большинство при продолжении такой работы скоро будет неспособно к труду». Данная жалоба была подана почтово-телеграфному начальству, но, как и многие другие подобные, осталась без внимания [30, с. 33].

Как отмечает ряд историков, рабочий день низших почтовых служащих не был нормирован – трудились до тех пор, пока вся корреспонденция не будет обработана. Низшие служащие работали приблизительно по 12-16 часов в сутки. При сортировке почты поднималось много пыли, которой работникам приходилось дышать. Тяжёлые условия труда приводили к различным заболеваниям, нередко к туберкулёзу [30, с. 33-34; 4, с. 13].

В Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. шли качественные и количественные изменения почтово-телеграфной службы и связи [34; 41]. Увеличение почтово-телеграфного обмена способствовало повышению доступности для населения средств связи. Однако для почтово-телеграфных работников, штат которых не увеличивался пропорционально росту почтово-телеграфного обмена, рост почтово-телеграфного обмена означал увеличение рабочей нагрузки. Об этом свидетельствуют многочисленные обращения начальников почтово-телеграфных учреждений Тамбовской губернии к начальнику Тамбовского почтово-телеграфного округа о необходимости увеличения штатов служащих этих учреждений [14, л. 255-260]. В этих обращениях подчёркивалось, что почтово-телеграфный обмен вырос, и поэтому работникам учреждений связи приходилось выполнять больший объём работы, что вело к удлинению рабочего дня. Так, начальник Староюрьевской почтово-телеграфной конторы в 1911 г. писал: «Вследствие весьма сильного развития за последнее время во вверенной мне конторе всякого рода почтовых отправок, усиливающихся операций по сберегательной кассе и телеграфу, наличный штат чинов конторы, фактически состоящий для работ только из меня самого и одного чиновника VI разряда, в настоящее время с непомерным трудом обслуживает большой район населения, состоящий из восьми обширных волостей, до 20 экономий помещиков и двух больших училищ. Кроме того, в 1905 г. была упразднена земская почта. В результате непрерывные занятия с 8 часов утра всегда до полуночи. На долю необходимого отдыха после таких утомительных трудов остаётся только время после полуночи» [14, л. 258].

Зарплаты почтово-телеграфных служащих сильно различались в зависимости от должности и чина. Так, почтово-телеграфные чиновники и инженерно-технические кадры имели достаточно высокие заработные платы. Например, начальник Тамбовской почтово-телеграфной конторы в начале XX в. получал 1800 руб. в год [18, л. 2], младший механик – 1200 руб. в год [19, л. 2].

Низшие служащие (почтальоны, рассыльные, сторожи) получали около 200-300 руб. в год. Исходя из данных о доходах населения Российской империи можно сказать, что доходы низших служащих были немного выше уровня прожиточного минимума [39, с. 42]. Вместе с тем следует отметить, что на протяжении второй половины XIX – начала XX в. зарплаты низших служащих не оставались на одном уровне, а имели некоторую тенденцию к повышению. Так, в середине XIX в. зарплата почтальона составляла около 60 руб. в год [18, л. 51-55]. Таким образом, к началу XX в. зарплаты увеличились в несколько раз. Однако нужно учитывать, что и цены за этот период тоже существенно выросли.

После завершения службы почтово-телеграфным работникам назначалась пенсия. Например, пенсия бывшего почтово-телеграфного чиновника VI разряда Тамбовской почтово-телеграфной конторы И. П. Райского в 1911 г. составляла 180 руб. в год [15, л. 7].

Кроме зарплат существовали различные пособия. Например: 11 марта 1913 г. начальнику Уваровского почтово-телеграфного отделения на первое полугодие 1913 г. было выслано 60 руб. на воспитание троих его детей. Пособие выдал комитет при управлении Тамбовского почтово-телеграфного округа по заведыванию делами капитала на воспитание

детей [21, л. 23]. Более значительные суммы пособий полагались тем служащим, кто и так имел большие зарплаты; а работники с более низкими доходами получали либо пособия в меньших размерах, либо ничего не получали. К примеру, 22 декабря 1914 г. начальник Тамбовского почтово-телеграфного округа перевёл 46 руб. для выдачи пособий к празднику Рождества Христова. Из этих 46 руб. 15 рублей предназначалось для заведующего отделением, а остальная сумма – чинам этого отделения, наиболее заслуживающим пособие по своим служебным и нравственным качествам [20, л. 45].

Об условиях службы и материальном положении почтово-телеграфных работников могут свидетельствовать разного рода просьбы и ходатайства, с которыми служащие почтово-телеграфных учреждений Тамбовской губернии обращались к руководству. Например, весьма многочисленными были просьбы о выдаче пособий на лечение (в случае болезни самого служащего либо члена его семьи), на воспитание и образование детей и т.п. Конечно, не во всех случаях эти просьбы удовлетворялись [15, л. 1-8, 58]. Например, почтово-телеграфный чиновник III разряда Нетленов, служивший в Рязской почтово-телеграфной конторе (находилась в Рязанской губернии, но была включена в учреждения связи, относившиеся к Тамбовскому почтово-телеграфному округу), писал: «Тяжёлые условия службы, заставляющие ежедневно совершать 16-вёрстные поездки из города на вокзал и обратно, при всевозможных неблагоприятных состояниях погоды, дороги; раздельная жизнь с семьёй, лишаящая меня даже нормального домашнего отдыха после службы и необходимой помощи в случаях недомоганий, расстроили моё здоровье настолько сильно, что я не могу являться к отправлению службы и для меня явилась настоятельная необходимость в серьёзной помощи врача... Прошу назначить денежное пособие». По результату рассмотрения обращения ему было выдано пособие в размере 20 руб. [15, л. 61]

Интересно, что только 1 января 1912 г. была прекращена выдача служащим пособий на воспитание достигших 25-летнего возраста детей [15, л. 64].

Отдельные категории связистов могли рассчитывать на дополнительные заработки. Например, некоторые почтальоны и рассыльные в дни праздников ходили по домам с поздравлениями, за что получали небольшую плату. Начальник Тамбовского почтово-телеграфного округа, будучи осведомлён об этом, в апреле 1898 г. накануне Пасхи распорядился запретить подобное [8, л. 14].

Получая невысокие зарплаты, связисты порой были вынуждены выплачивать штрафы за нарушения различного рода профессиональных обязанностей. В ряде случаев эти нарушения становились неизбежными, учитывая слишком большой объём работы и тяжёлые условия труда. Штрафовали работников и за ошибки, сделанные ими в названии места назначения телеграмм. Ошибки могли быть самыми примитивными. Например, как свидетельствуют материалы от июля 1898 г., почтово-телеграфный чиновник Борисоглебской конторы Ильин совершил неправильную передачу в Бутурлиновку депеши – в её заголовке он указал место назначения «Лиски ж.д.» вместо «Лиски». В итоге из его жалованья был вычтен 1 руб. [9, л. 46]

Наказания следовали, например, за несоблюдение сроков доставки почты. Как свидетельствуют архивные документы, последнее могло произойти «из-за тихой езды», «некормления лошади» или каких-либо технических поломок по вине самого перевозчика. При этом если техническая поломка возникала не по вине перевозчика (а например, из-за плохого состояния дороги) и это было доказано, то штраф на служащего не накладывался [13, л. 9, 17, 32]. Один и тот же служащий мог подвергаться штрафам неоднократно. Так, содержатель Моршанской почтовой станции крестьянин Дубровин 7 сентября 1905 г. был оштрафован на 1 руб. за «подачу в недостаточном количестве лошадей для доставки почт на вокзал и обратно». 24 октября того же года Дубровина оштрафовали на 3 руб. за «неподачу лошадей для доставки почт на станцию железной дороги». 31 октября 1905 г. он был подвергнут денежному штрафу в размере 1 руб. за «подачу неисправной повозки» (для доставки почты на станцию железной дороги), у которой в пути сломалось колесо. И это лишь не-

которые штрафы, наложенные на Дубровина – в архивном деле за 1905-1906 гг. имеются также ещё постановления о взысканных с него штрафах [11, л. 31-38].

Наказывали за низкую профессиональную дисциплину. Не всегда наказание выражалось в виде денежных штрафов, за серьёзные нарушения и проступки – увольняли. В качестве примера можно привести историю почтальона Борисоглебской почтово-телеграфной конторы Кругликова. Как говорится в постановлении начальника Тамбовского почтово-телеграфного округа от марта 1898 г., почтальон Кругликов неоднократно возвращался из разноски в контору в нетрезвом виде и, под предлогом болезни, уклонялся от исполнения других служебных обязанностей, а иногда и совсем не являлся на службу. Доставку выданной ему корреспонденции Кругликов производил, «вследствие нетрезвости, крайне неуспешно: нередко возвращался в контору с недоставленной по назначению корреспонденцией, выдавал заказную корреспонденцию без расписок и доставлял таковую не в дом адресатов, а их соседям». Всё это приводило к многочисленным жалобам от получателей корреспонденции начальнику конторы. В итоге за пьянство и небрежное отношение к службе Кругликова уволили со службы [9, л. 7-8].

Наказания полагались за небрежное отношение к сохранению казённого имущества. Так, в январе 1886 г. начальнику Тамбовской телеграфной станции «за утрату проволоки в количестве 84 пуд. 14 ф.» был объявлен строгий выговор. Кроме того, из его зарплаты была удержана сумма в размере 140 руб. 87 коп. [6, л. 41, 49]. Встречались случаи отступления от правил по производству почтовых операций и по учёту и хранению денежных сумм. В некоторых почтово-телеграфных учреждениях отсутствовал должный надзор со стороны начальствующих лиц за действиями подчинённых им чинов, которые допускали отступления от правил по производству почтовых операций, по учёту и хранению денежных сумм. Подобное вело к хищениям корреспонденции и растратам казённых сумм [8, л. 35].

Штрафы полагались за несоблюдение правил ношения формы и оружия. Сопровождавшие почту почтальоны должны были одевать форменное платье и иметь при себе надлежащее почтальонское вооружение (пашку и револьвер). Однако они не всегда следовали правилам: могли носить вооружение не в установленном порядке, например, складывая пашку в повозку под почтовые вещи, револьвер с кобурой и шнуром – в карман и т.п. За подобное отношение к оружию следовало наказание. Почтовые ящики при сопровождении почт часто не имели на шляпах и на рукавах армяков установленных металлических знаков (блях). Подобные отступления от регламентированных правил иногда приводили к разного рода недоразумениям: проезжающие, встречаясь с почтой, «не уступали дороги»; встречные крестьяне, не узнавая в почтальонах и ящиках лиц, сопровождающих почту, и считая их за проезжающих по частным надобностям, пытались иногда останавливать их, обращаясь с различными вопросами. Был зафиксирован случай, когда праздная толпа окружила почтовую повозку, намереваясь вступить в драку с почтальоном и ящиком, и разошлась только после того, как почтальон пригрозил оружием и т.п. Всё это задерживало почты в пути, препятствовало правильному их движению [8, л. 20].

Далеко не все работники могли уйти в отпуск. Только служащим-женщинам полагался регулярный ежегодный отпуск [22, с. 54-55]. Среди служащих-мужчин отпуск был редкостью. Исключение, как правило, составляли те, кто занимал высокие должности в почтово-телеграфном ведомстве. Например, начальник Тамбовской почтово-телеграфной конторы Людгард Петрович Тычинский за 40 лет своей службы 17 раз был в отпуске (т.е. и у него отпуск был не каждый год) [19]. Работникам телеграфа отпуск не полагался. В порядке исключения он мог быть предоставлен только работникам старшего состава. Показателен пример Сергея Александровича Солнцева, начавшего работать в Тамбовской почтово-телеграфной конторе ещё в 1877 г., в 1905 г. ставшего младшим механиком низшего оклада, а в 1910 г. – старшим механиком. В его послужном списке имеется информация о том, что он за 40 лет службы по почтово-телеграфному ведомству (с 1877 по 1917 гг.) в отпуске ни разу не был [18].

В рамках исследования проблем условий труда служащих почтово-телеграфных учреждений Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX в., были проанализированы все номера газеты «Тамбовские губернские ведомости» за 1911 г. На страницах данного периодического издания были напечатаны, в том числе, сообщения об отправляемых в отпуск служащих государственных учреждений связи губернии (представлено в таблице № 1).

Таблица 1. Почтово-телеграфные служащие государственных учреждений связи Тамбовской губернии, получившие отпуск в течение 1911 г.

Table 1. Postal and telegraph employees of state communications institutions of the Tambov province who received leave during 1911

[Источник: 27]

Категории служащих	Сколько служащих получили отпуск	Продолжительность отпусков – в пределах от ... до ...	Средняя продолжительность отпусков
Начальники учреждений	11 чел.	От 5 дней до 2 месяцев	22 дня
Помощники начальников учреждений	3 чел.	От 3 недель до 2 месяцев	37 дней
Журналист и архивариус	1 чел.	1 месяц	1 месяц
Надсмотрщики	8 чел.	От 2 дней до 2 месяцев	18 дней
Почтово-телеграфные чиновники	22 чел.	От 3 дней до 2 месяцев	18 дней
ВСЕГО	45 чел.	От 2 дней до 2 месяцев	20 дней

Как показывает таблица № 1, всего в течение 1911 г. отпуск получили 45 почтово-телеграфных служащих государственных учреждений связи Тамбовской губернии. Продолжительность отпусков составляла от нескольких дней до двух месяцев. В разных профессиональных группах связистов средняя продолжительность отпусков была разной. У начальников почтово-телеграфных учреждений она была не намного, но всё же выше, по сравнению со средней продолжительностью отпусков надсмотрщиков и почтово-телеграфных чиновников.

Согласно сведениям адрес-календаря Тамбовской губернии за 1911 г. общая численность всех почтово-телеграфных служащих государственных учреждений связи Тамбовской губернии составляла 197 человек (см. таблицу № 2).

Таблица 2. Численность почтово-телеграфных служащих государственных учреждений связи Тамбовской губернии в 1911 г.

Table 2. The number of postal and telegraph employees of state communications institutions of the Tambov province in 1911

[Источник: 1]

Категории служащих	Управление Тамбовского почтово-телеграфного округа	В городах и уездах: почтово-телеграфные и почтовые конторы и отделения, телефонные станции, отделы по перевозке почт по железным дорогам
Начальники учреждений	1 чел.	65 чел.
Помощники начальников учреждений	1 чел.	15 чел.
Главный механик	1 чел.	-

Делопроизводитель	1 чел.	1 чел.
Помощники делопроизводителя	4 чел.	-
Бухгалтер	1 чел.	-
Помощники бухгалтера	2 чел.	-
Счётные чиновники	2 чел.	-
Журналист и архивариус	1 чел.	-
Старший механик	1 чел.	-
Младший механик	1 чел.	1 чел.
Почтово-телеграфные чиновники	-	80 чел.
Надсмотрщики	-	19 чел.
ВСЕГО:	16 чел.	181 чел.

Таким образом, исходя из данных таблиц № 1 и № 2, доля почтово-телеграфных служащих Тамбовской губернии, получивших отпуск в 1911 г., составляла около 23%. Однако в действительности этот показатель был существенно ниже. Во-первых, в адрес-календарях фиксировались только «чины», служившие в учреждениях связи, но не перечислялись «низшие служащие» (почтальоны, сторожи, рассыльные). Во-вторых, в адрес-календарь за 1911 г. не были включены сведения о ряде почтово-телеграфных служащих учреждений Тамбовской губернии. Так, в частности, не были указаны данные о служащих Тамбовской почтово-телеграфной конторы [40, с. 34-35].

Эти и иные проблемы в социально-экономическом положении почтово-телеграфных служащих оказывали влияние на их участие в революционных движениях, несмотря на то, что в Российской империи предпринимались меры по пресечению распространения революционных и антиправительственных взглядов в среде связистов. Работники почтово-телеграфной службы при вступлении в должность давали клятвенное обещание верно служить императору, подписку о неучастии в противоправительственных партиях, о сохранении в тайне содержания всех писем и телеграмм и др. [16, л. 12, 16, 30]. Чтобы поступить на чиновничью должность в почтово-телеграфном учреждении, кандидату на должность необходимо было получить заключение о политической благонадёжности [30, с. 34]. Во время службы за политической благонадёжностью также следили. В частности, чиновникам запрещалось чтение определённой литературы, которая могла «вызвать недовольство жизнью и попадание их под влияние подпольных, нелегальных людей» [7, л. 8].

Однако данные клятвы соблюдались не всеми работниками связи. Так, в феврале 1905 г. начальник Тамбовского почтово-телеграфного округа писал, что некоторые служащие (в т.ч. даже начальники учреждений) передавали содержание писем, телеграмм другим лицам, читали пересылаемые периодические издания. Согласно циркулярному распоряжению начальника Тамбовского почтово-телеграфного округа, за несоблюдение чинами подписки о сохранении телеграфной тайны виновные должны были немедленно удалиться от службы и предаваться суду [10, л. 34]. Участие связистов в забастовках 1905 г. – также свидетельство о нарушении ими соответствующих подписок.

Почтово-телеграфным работникам было необходимо следить за тем, чтобы через средства связи не распространялись революционные призывы. В период революции 1905-1907 гг. множество антиправительственных прокламаций связистами было изъято из городских почтовых ящиков. Также в годы революции активно распространялись нелегальные газеты, причём самыми разными способами, что также необходимо было отслеживать. Например, такая газета могла быть вложена в бандерольное отправление и др. [12, л. 11, 47].

В годы революции 1905-1907 гг. на территории Тамбовской губернии первым революционным выступлением связистов стала забастовка телеграфистов Козлова, начавшаяся

17 января 1905 г. Причины забастовки нашли отражение в требованиях бастовавших. В частности, среди претензий отмечались крайне тяжёлые условия работы телеграфистов: дежурство по 24 часа без перерыва, частые штрафы телеграфистов за неисправности по службе, происходившие от физического переутомления (телеграфисты от переутомления на службе не преодолевали дремоты и часто засыпали, сидя на месте). Небольшое денежное вознаграждение, которое сокращалось в результате частых штрафов, давало дополнительный повод к озлоблению и недовольству. Забастовка закончилась через пару дней, не дав никаких практических результатов [37, с. 41-42].

В течение 1905 г. в Тамбовской губернии были также и другие забастовки почтово-телеграфных служащих. Значительная их часть пришлась на конец года. В октябре 1905 г. телеграфисты бастовали, например, на станции Грязи и в г. Козлове [37, с. 49-50].

Манифест 17 октября 1905 г. даровал населению Российской империи, в частности, право свободы собраний и союзов [28, с. 754-759]. Однако это право не распространялось на лиц, состоявших на государственной службе и связанных присягой [10, л. 83]. Это означало незаконность собраний почтово-телеграфных служащих и образовавшегося к тому времени почтово-телеграфного союза (цель последнего состояла в защите прав связистов, а его выбранным методом борьбы являлась всеобщая забастовка почтово-телеграфных служащих на всей территории Российской империи).

Ноябрь-декабрь 1905 г. были отмечены Всероссийской стачкой почтово-телеграфных служащих. В Тамбовской губернии декабрь 1905 г. был отмечен забастовками связистов в ряде населённых пунктов. В частности, бастовали телеграфисты Козлова. Забастовка эта была окончена к 22 декабря, часть наиболее активных участников была арестована. Министр внутренних дел П. Н. Дурново распорядился: «с телеграфистами станции Козлов необходимо поступить гораздо суровее, а именно, всех главарей арестовать, предав военному суду за бунт, остальных уволить и выслать из Козлова» [37, с. 59-60].

Вместе с тем следует отметить, что многие учреждения связи и почтово-телеграфные служащие остались верны власти, а в большинстве городов Тамбовской губернии никаких крупных забастовок не было [12, л. 92].

4. Заключение

Таким образом, условия труда большинства почтово-телеграфных служащих были непростыми: рабочий день был длинным, приходилось выполнять большое количество обязанностей, часто в сложных условиях. Перегрузки на работе негативно сказывались на здоровье работников. Зарплаты большинства связистов были невысокими. Связистам могли выплачиваться дополнительно пособия, но в то же время, на служащих нередко налагались штрафы, что уменьшало и без того невысокие доходы части работников учреждений связи. Отпуск полагался далеко не всем категориям служащих. Почтово-телеграфные служащие имели пенсионное обеспечение, что давало им определённые преимущества по сравнению с положением ряда других социально-профессиональных категорий населения Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Названные условия труда не могли не сказываться на революционной активности почтово-телеграфных работников. В Российской империи предпринимались меры по пресечению распространения революционных и антиправительственных взглядов в среде работников связи. Однако часть из них, несмотря на это, стали активными участниками революционного движения. При этом немало было и тех, кто сохранял верность правительству и даже в период революции 1905-1907 гг. по-прежнему добросовестно исполнял свои профессиональные обязанности.

Список источников и литературы

1. Адрес-календарь Тамбовской губернии на 1911 год. Тамбов: Тамбовское губернское правление, 1911. 4, 13 с., С. 22-343.
2. Базилевич, К. В. (1925). *Очерки по истории профессионального движения работников связи 1905-1906 гг.* Москва: Изд-во ЦК Союза связи. 714 с.
3. Базилевич, К. В. (1929). *Работники связи в годы реакции. 1907-1917 гг.* Москва: ЦК Союза работников связи. 108 с.
4. Бухгейм, Э. О. (1906). *Очерк почтово-телеграфного дела в России и за границей.* Москва: Изд-во В. Дьячкова-Тарасова. 15 с.
5. Воронов, И. И. (2021). *Телеграфный департамент как структурный элемент государственного управления в России в 1865-1881 годах // Научный диалог.* № 8. С. 290-306.
6. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 93. Оп. 18. Д. 2.
7. ГАТО. Ф. 93. Оп. 27. Д. 9.
8. ГАТО. Ф. 93. Оп. 34. Д. 3.
9. ГАТО. Ф. 93. Оп. 34. Д. 6.
10. ГАТО. Ф. 93. Оп. 40. Д. 3.
11. ГАТО. Ф. 93. Оп. 41. Д. 3.
12. ГАТО. Ф. 93. Оп. 41. Д. 7.
13. ГАТО. Ф. 93. Оп. 42. Д. 3.
14. ГАТО. Ф. 93. Оп. 46. Д. 71.
15. ГАТО. Ф. 93. Оп. 48. Д. 48.
16. ГАТО. Ф. 93. Оп. 55. Д. 3.
17. ГАТО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 26.
18. ГАТО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 188.
19. ГАТО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 203.
20. ГАТО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 324.
21. ГАТО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 7.
22. Заремский, В. К. (2010). *Организация работы женщин в почтово-телеграфных учреждениях Российской империи // Вестник Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова. Серия А. Гуманитарные науки: история, философия, филология.* № 1 (35). С. 50-58.
23. Марценицен, С. И., Новиков, В. В. (1982). *150 лет отечественному телеграфу (1832-1982 гг.).* Москва: Радио и связь. 152 с.
24. Марченков, В. К., Мясников, А. Л. (2002). *Россия. История почтовой связи.* Санкт-Петербург: Александр ПРИНТ. 304 с.
25. Морев, В. А. (2004). *Телеграфная связь Томской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета.* 2014. № 378. С. 138-142.
26. Овчинникова, Н. А. (2022). *Развитие почтово-телеграфной службы в Вологодской губернии в начале XX в. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых учёных.* Москва. С. 161-170.
27. Перемены по государственной службе. Приказы по Тамбовскому почтово-телеграфному округу // Тамбовские губернские ведомости. 1911. № 21, 28, 29, 53, 61, 62, 72, 75, 87, 89, 91, 100, 101, 102, 103.
28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXV. Отделение 1. 1905 г. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1908. 1109 с.

29. Ромашов, М. В. (2002). *Формирование штатов почтово-телеграфной службы в Самарской губернии* // Платоновские чтения. Матер. VII Всерос. конф. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. С. 8-9
30. Сафонов, Н. А., Карлинский, В. А. (1965). *Письмо отправляется в путь: Рассказы о зарождении и развитии отечественной почты*. Москва: Связь. 70 с.
31. Стрекалова, Н. В. (2014). *Профессия как фактор социальной стратификации средних слоёв провинциального российского города в начале XX века* // Социально-экономические явления и процессы. Т. 9. № 12. С. 225-231.
32. Стрекалова, Н. В., Улыбышев, В. Г. (2014). *Почтово-телеграфная и телефонная служба Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: к проблеме использования баз данных* // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2014. № 42. С. 128-129.
33. Стрекалова, Н. В., Улыбышев, В. Г. (2012). *Почтово-телеграфные служащие Тамбова в начале XX века* // Тамбов. Исторический портрет российского города. Материалы научно-практической конференции, посвящённой Году российской истории. Тамбов. С. 135-140.
34. Стрекалова, Н. В., Щербаков, С. В. (2020). *Служащие учреждений связи Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: численность, состав, профессиональная мобильность* // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов. Т. 25, № 188. С. 164-175.
35. Тэффи, Н. А. (1913). *Письма* // Сборник рассказов «Карусель». Санкт-Петербург: Изд-во М.Г. Корнфельда. С. 33-37.
36. Тэффи, Н. А. (2011). *Телеграммы* // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Карусель. Дым без огня. Неживой зверь. Москва: Книжный клуб «Книговек». URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/teffy-ss05-02/teffy-ss05-02.html#work002009> (дата обращения: 15.01.2023).
37. Филиппов, Д., Черменский, П. (1926). *Рабочее движение и развитие социал-демократии в Тамбовской губернии*. Тамбов: Пролетарский светоч. 72 с.
38. Шапошников, Г. Н. (2007). *Электросвязь Урала в годы Великой Отечественной войны* // Экономика в годы Мировой и Великой Отечественной войн. 2011. № 2 (13). С. 69-77.
39. Щербаков, С. В. (2019). *Социально-экономическое положение почтово-телеграфных служащих Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века* // Геродот Science. № 1. С. 41-44.
40. Щербаков, С. В. (2020). *Численность почтово-телеграфных служащих Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века* // Четвёртая зимняя школа по гуманитарной информатике: сборник статей. Калининград. С. 33-41.
41. Щербаков, С. В. (2022). *Развитие почтовой связи в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века* // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 27. № 6. С. 1402-1411.

References

1. Adres-kalendar' Tambovskoy gubernii na 1911 god [Address-calendar of the Tambov province for 1911]. Tambov, Tambovskoe gubernskoe pravlenie, 1911. (in Russian).
2. Bazilevich, K. V. (1925). *Ocherki po istorii professional'nogo dvizheniya rabotnikov svyazi 1905-1906 gg.* [Essays on the history of the professional movement of communication workers 1905-1906]. Moscow, Izd-vo TsK Soyuzsya svyazi. (in Russian).

3. Bazilevich, K. V. (1929). *Rabotniki svyazi v gody reaksii. 1907-1917 gg.* [Communication workers in the years of reaction. 1907-1917]. Moscow, TsK Soyuza rabotnikov svyazi. (in Russian).
4. Buchheim, E. O. (1906). *Ocherk pochtovo-telegrafnogo dela v Rossii i za granitsey* [An essay on postal and telegraph business in Russia and abroad]. Moscow, Izd-vo V. D'yachkova-Tarasova. (in Russian).
5. Voronov, I. I. (2021). *Telegrafnyy departament kak strukturnyy element gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v 1865-1881 godakh* [The Telegraph Department as a structural element of public administration in Russia in 1865-1881] in *Nauchnyy dialog*, 8, 290-306. (in Russian).
6. Gosudarstvennyy arhiv Tambovskoy oblasti (GATO). F. 93. Op. 18. D. 2. (in Russian).
7. GATO. F. 93. Op. 27. D. 9. (in Russian).
8. GATO. F. 93. Op. 34. D. 3. (in Russian).
9. GATO. F. 93. Op. 34. D. 6. (in Russian).
10. GATO. F. 93. Op. 40. D. 3. (in Russian).
11. GATO. F. 93. Op. 41. D. 3. (in Russian).
12. GATO. F. 93. Op. 41. D. 7. (in Russian).
13. GATO. F. 93. Op. 42. D. 3. (in Russian).
14. GATO. F. 93. Op. 46. D. 71. (in Russian).
15. GATO. F. 93. Op. 48. D. 48. (in Russian).
16. GATO. F. 93. Op. 55. D. 3. (in Russian).
17. GATO. F. 94. Op. 1. D. 26. (in Russian).
18. GATO. F. 94. Op. 1. D. 188. (in Russian).
19. GATO. F. 94. Op. 1. D. 203. (in Russian).
20. GATO. F. 94. Op. 1. D. 324. (in Russian).
21. GATO. F. 97. Op. 1. D. 7. (in Russian).
22. Zaremsky, V. K. (2010). *Organizatsiya raboty zhenshchin v pochtovo-telegrafnykh uchrezhdeniyakh Rossiyskoy imperii* [Organization of women's work in postal and telegraph institutions of the Russian Empire]. in *Vestnik Mogilevskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.A. Kuleshova. Seriya A. Gumanitarnye nauki: istoriya, filosofiya, filologiya*, 1 (35), 50-58. (in Russian).
23. Marzenitsen, S. I., Novikov, V. V. (1982). *150 let otechestvennomu telegrafu (1832-1982 gg.)* [150 years of the Russian telegraph (1832-1982)]. Moscow, Radio i svyaz'. (in Russian).
24. Marchenkov, V. K., Myasnikov, A. L. (2002). *Rossiya. Istoriya pochtovoy svyazi* [Russia. Postal history]. Saint-Petersburg, Aleksandr PRINT. (in Russian).
25. Morev, V. A. (2014). *Telegrfanaja svjaz' Tomskoj gubernii v gody Pervoy mirovoj vojny* [Telegraph communication of the Tomsk province during the First World War] in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 378, 138-142. (in Russian).
26. Ovchinnikova, N. A. (2022). *Razvitie pochtovo-telegrafnoy sluzhby v Vologodskoy gubernii v nachale XX v.* [The development of the postal and telegraph service in the Vologda province at the beginning of the XX century] in *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady. Cbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy shkoly-konferentsii molodykh uchenykh*. Moscow, 161-170. (in Russian).
27. *Peremeny po gosudarstvennoy sluzhbe. Prikazy po Tambovskomu pochtovo-telegrafnomu okragu* [Changes in public service. Orders for the Tambov Postal and Telegraph District] in *Tambovskie gubernskie vedomosti*, 1911, 21, 28, 29, 53, 61, 62, 72, 75, 87, 89, 91, 100, 101, 102, 103. (in Russian).
28. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e. Tom XXV. Otdelenie 1. 1905 g.* [The complete collection of laws of the Russian Empire. The third meeting. Volume XXV. Department 1. 1905]. Saint-Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1908. (in Russian).

29. Romashov, M. V. (2005). *Formirovanie shtatov pochtovo-telegrafnoi sluzhby v Samarskoi gubernii* [Formation of the staff of the postal and telegraph service in the Samara province] in *Platonovskie chteniya. Materialy VII Vserossiiskoi konferentsii, VII. Samara, Samarskii universitet*, 8-9 (in Russian).
30. Safonov, N. A., Karlinsky, V. A. (1965). *Pis'mo otpravlyaetsya v put': Rasskazy o razrozhdenii i razvitiu otechestvennoy pochty* [The letter goes on the road: Stories about the origin and development of the domestic mail]. Moscow, Svyaz'. (in Russian).
31. Strekalova, N. V. (2014). *Professiya kak faktor sotsial'noy stratifikatsii srednikh sloev provintsial'nogo rossiyskogo goroda v nachale XX veka* [Profession as a factor of social stratification of the middle strata of a provincial Russian city at the beginning of the XX century] in *Platonovskie chteniya. Mater. VII Vseros. konf. Samara: Izd-vo "Sa-marskii universitet", 2002. S. 8-9* (in Russian).
32. Strekalova, N. V., Ulybyshev, V. G. (2014). *Pochtovo-telegrafnaya i telefonnaya sluzhba Tambovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale KhKh vv.: k probleme ispol'zovaniya baz dannykh* [Postal, telegraph and telephone service of the Tambov province in the second half of the XIX – early XX centuries: on the problem of using databases] in *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*, 42, 128-129. (in Russian).
33. Strekalova, N. V., Ulybyshev, V. G. (2012). *Pochtovo-telegrafnye sluzhashchie Tambova v nachale XX veka* [Postal and telegraph employees of Tambov at the beginning of the XX century] in *Tambov. Istoricheskiy portret rossiyskogo goroda. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy Godu rossiyskoy istorii. Tambov*, 135-140. (in Russian).
34. Strekalova, N. V., Shcherbakov, S. V. (2020). *Sluzhashchie uchrezhdeniy svyazi Tambovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: chislennost', sostav, professional'naya mobil'nost'* [Employees of communication institutions of the Tambov province in the second half of the XIX – early XX century: number, composition, professional mobility] in *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. Tambov*, t. 25, 188, 164-175. (in Russian).
35. Taffy, N. A. (1913). *Pis'ma* [Letters] in *Sbornik rasskazov «Karusel'»*. Saint-Petersburg, Izd-vo M.G. Kornfel'da, 33-37. (in Russian).
36. Taffy, N. A. (2011). *Telegrammy* [Telegrams] in *Sobranie sochineniy v pyati tomakh. T. 2. Karusel'. Dym bez ognya. Nezhivoy zver'*. Moscow, Knizhnyy klub «Knigovok». URL: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/teffy-ss05-02/teffy-ss05-02.html#work002009> (date accessed: 15.01.2023). (in Russian).
37. Filippov, D., Chermensky, P. (1926). *Rabochee dvizhenie i razvitie sotsial-demokratii v Tambovskoy gubernii* [The Workers' Movement and the development of social democracy in Tambov Province]. Tambov, Proletarskiy svetoch. (in Russian).
38. Shaposhnikov, G. N. (2007). *Jelektrosvjaz' Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Telecommunications of the Urals during the Great Patriotic War] in *Jekonomika v gody Mirovoj i Velikoj Otechestvennoj vojn*, 2 (13), 69-77.
39. Shcherbakov, S. V. (2019). *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie pochtovo-telegrafnykh sluzhashchikh Tambovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Socio-economic situation of postal and telegraph employees of the Tambov province in the second half of the XIX – early XX century] in *Gerodot Science*, 1, 41-44. (in Russian).
40. Shcherbakov, S. V. (2020). *Chislennost' pochtovo-telegrafnykh sluzhashchikh Tambovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [The number of postal and telegraph employees of the Tambov province in the second half of the XIX – early XX century] in *Chetvertaya zimnyaya shkola po gumanitarnoy informatike, sbornik statey. Kaliningrad*, 33-41. (in Russian).

41. Shcherbakov, S. V. (2022). *Razvitie pochtovoy svyazi v Tambovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [The development of postal communication in the Tambov province in the second half of the XIX – early XX century] in *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, t. 27, 6, 1402-1411. (in Russian).

**ARCHEOLOGY AND QUESTIONS OF THE HISTORY OF ANCIENT RUS' /
АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-44-53>
УДК 902/903.2

**РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ В ФОРМООБРАЗОВАНИИ КАМЕННЫХ
ОРУДИЙ В РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ**

Елена В. Беляева

*Институт истории материальной культуры РАН,
Дворцовая наб., 18191186, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. Изначальные каменные индустрии раннего палеолита, производимые древнейшими гомининами и известные как олдован (~2,6-1,0 млн.л.н.), характеризуются довольно примитивными техниками обработки камня и очень простым набором орудий, которые демонстрируют намеренное оформление только рабочих и аккомодационных элементов. Эти индустрии слабо изменялись во времени и пространстве и не подразделяются на варианты, обусловленные культурными факторами. **Материалы и методы:** основными источниками работы послужили массовые исторические документы, связанные с развитием технологий и протодизайна в раннем палеолите. **Результаты.** Ашельские индустрии, делавшиеся более развитыми ранними людьми, отличаются появлением более сложных технологий и целого набора орудий разнообразных форм и назначений. На протяжении всей ашельской эпохи (~2,0-0,2 млн.л.н.) эти индустрии постепенно развивались, а также разделялись на локальные группы со специфическим технологическим репертуаром и формами орудий, которые почти полностью моделировались древними мастерами согласно их предпочтениям и воспроизводились во времени. Это означает появление протодизайна и культурных традиций, которые в наибольшей степени отражены в формах наиболее важных крупных орудий, прежде всего, рубил. **Заключение.** Устойчивые модели орудий в разных ашельских индустриях могут рассматриваться как культурные типы, маркирующие отдельные традиции. Имеются также отдельные образцы рубил, аномальные размеры которых наряду с чрезвычайно тщательной обработкой и некоторыми особенностями формы позволяют полагать, что они были не столько орудиями, сколько некими символическими предметами, которые играли определенную роль в культурных практиках разных популяций ашельских людей.

Ключевые слова: ранний палеолит, олдован, ашель, формообразование орудий, культурные традиции, протодизайн, типы рубил, рубила-символы

Для цитирования: Беляева Е.В. Роль культурных факторов в формообразовании каменных орудий в раннем Палеолите // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 44-53, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-44-53>

Статья поступила: 27.05.2023

Статья принята в печать: 20.07.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Беляева Е., 2023

THE ROLE OF CULTURAL FACTORS IN THE FORMATION OF STONE TOOLS IN THE EARLY PALEOLITH

Elena V. Belyaeva

*Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Dvortsovaya embankment, 18191186, St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

Introduction. The original stone industries of the Early Paleolithic, produced by the earliest hominins and known as the Oldowan (~2.6-1.0 Ma), are characterized by rather primitive stone-working techniques and a very simple set of tools that show the intentional design of only workers and accommodators. elements. These industries have changed little in time and space and are not subdivided into variants due to cultural factors. **Materials and Methods:** The main sources of the work were massive historical documents related to the development of technology and protodesign in the early Paleolithic. **Results.** The Acheulean industries, which were made more advanced by early people, are distinguished by the appearance of more complex technologies and a whole range of tools of various shapes and purposes. Throughout the Acheulian era (~2.0-0.2 million years ago), these industries gradually developed, and also divided into local groups with specific technological repertoire and tool forms, which were almost completely modeled by ancient craftsmen according to their preferences and reproduced over time. This means the emergence of proto-design and cultural traditions, which are most reflected in the forms of the most important large tools, primarily the axe. **Conclusion.** Persistent tool patterns in different Acheulean industries can be seen as cultural types that mark distinct traditions. There are also individual samples of axes, the anomalous dimensions of which, along with extremely careful processing and some peculiarities of the form, suggest that they were not so much tools as some kind of symbolic objects that played a certain role in the cultural practices of different populations of the Acheulean people.

Keywords: Early Paleolithic, Oldowan, Acheulian, tool forming, cultural traditions, protodesign, types of handaxes, handaxes-symbols

For citation: Belyaeva E. The role of cultural factors in the formation of stone tools in the early Paleolith // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 44-53, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-44-53>

Received: 27.05.2023

Revised: 20.07.2023

Published: 22.10.2023

© Belyaeva E., 2023

1. Введение

Ранний палеолит (ранний древнекаменный век) является первым и самым длительным периодом истории человечества (~ 2,6 – 0,2 млн.л. н.). Начало этого периода соответствует появлению каменных изделий, которые изготавливались древнейшими представителями рода *Ното*. Затем на протяжении всего раннего палеолита происходила эволюция как ранних людей, так и их изделий, наборы которых принято называть каменными индустриями. Раннепалеолитические индустрии подразделяются на два основных типа – олдован и ашель, которые получили свои наименования в честь первых находок характерных для них изделий в Олдувайском ущелье (Танзания) и близ городка Сент-Ашель (Франция). Олдованские и ашельские индустрии различаются по хронологическим диапазонам, технологиям обработки каменных пород и наборам основных изделий.

Олдованские индустрии появились в разных районах Африки не позднее 2,6 млн.л.н., а затем просуществовали на этом континенте и в некоторых районах южной Евразии на протяжении более 1,5 миллионов лет. Олдованские индустрии характеризуются довольно примитивными приемами оббивки небольших галек и обломков пород. Получаемые в результате сколы, или отщепы, а также сами оббитые гальки и обломки с острыми краями служили орудиями для резания, скобления и разрубания таких органических материалов как мясо, кость или дерево [25, 17]. Со временем создатели олдована стали несколько лучше контролировать процессы обработки каменных пород, однако так и не смогли существенно усовершенствовать свои технологии и разнообразить ассортимент изделий. Это объяснимо тем, что олдованские индустрии делались древнейшими представителями ранних людей, уровень физического и ментального развития которых ограничивал их технические способности. Даже расселяясь за пределы африканской прародины и постепенно осваивая сопредельные районы Евразии, эти гоминины продолжали воспроизводить практически одни и те же простые технологии, а при изготовлении орудий из разных отдельностей каменного сырья были нацелены только на создание требуемого рабочего элемента (лезвие, острие) и удобного захвата. Олдованские мастера не пытались как-либо упорядочить прочие морфологические характеристики орудий (очертания, пропорции, профиль) и, тем более, закрепить их в виде конкретных орудийных типов. Иначе говоря, формы олдованских орудий отражают только их утилитарные функции, а также естественные формы, размеры и поделочные качества используемого сырья [20]. Никаких признаков того, что можно было бы трактовать как культурные предпочтения или каноны в индустриях олдована не прослеживается.

2. Материалы и методы

Основными источниками работы послужили массовые исторические документы, связанные с развитием технологий и протодизайна в раннем палеолите, с отдельным акцентом на олдованские индустрии в разных районах Африки. Археологические методики позволили на основе данных, полученных в ходе анализа находок, понять плотность размещения в различных природных условиях и спроецировать полученные результаты на области, более или менее сходные с изученными в природном и культурном отношении.

3. Результаты

Ашельские индустрии, производившиеся более развитыми ранними людьми [6], начали складываться в разных районах Восточной Африки и Юго-Западной Азии в интервале 1,5-2,0 млн. л.н. Затем индустрии этого типа вместе с их создателями распространялись и эволюционировали в других южных регионах Старого Света вплоть до конца раннего палеолита (~250-200 т.л.н.). Ашель довольно резко отличается от олдована усложнением технологий обработки камня, появлением целого набора разнообразных и отчасти специализированных орудий, включая крупные орудия (>10 см) для грубых работ, а также широкой пространственно-хронологической вариабельностью [26, 18]. Выделяются группы ашельских индустрий с разными технологиями и наборами орудий, которые демонстрируют как устойчивость, так и некоторую эволюцию во времени. Формирование таких локальных вариантов отчасти связано с влиянием сырья, поскольку в отдельных районах ашельской ойкумены люди использовали отличающиеся по своим качествам виды горных пород, что определяло круг объективно возможных технологий их обработки и форм изделий. Однако выбор между ними делали древние мастера, поэтому разные способы адаптации к сырьевой базе и их последующее закрепление в конкретных ашельских индустриях вполне допустимо рассматривать как проявление культурных традиций. Более того, некоторые характеристики ашельских изделий – очертания и пропорции отдельных категорий орудий, а также особенности отделки рабочих элементов – практически не зависели от сырьевого фактора и регулировались только предпочтениями изготовителей. Ашельские мастера не просто превращали отдельности сырья в орудия, оформляя определенные рабочие элемен-

ты, а целиком моделировали их формы. Когда некоторые такие модели становились серийными и воспроизводились во времени, они могут рассматриваться как типы, которые в наибольшей степени отражают культурные традиции [10, с. 3].

Культурные типы обнаруживаются далеко не всех категориях ашельских орудий. Среди них обычно имеется немало довольно простых инструментов, моделирование которых было нацелено в первую очередь на создание таких форм, которые создатели той или иной ашельской индустрии считали наиболее подходящими для выполнения определенных функций. Хотя в наборе этих форм заметны предпочтения изготовителей, очертания и обработка таких орудий варьируют, не показывая явного стремления к их стандартизации. Тщательное моделирование со следованием определенным канонам наблюдается преимущественно среди группы крупных орудий, которые были особенно ценными с функциональной точки зрения, а также отличались сложностью изготовления [13]. В наибольшей степени это проявляется у ручных рубил, которые считаются одной из основных категорий крупных ашельских орудий и основным маркером каменных индустрий данного типа. Они представляют собой в той или иной мере удлиненные и уплощенные орудия с двумя боковыми лезвиями, сходящимися в виде острия или закругленного конца. В плане рубила чаще всего демонстрируют разные варианты суб-овальных, сердцевидных, копьевидных и подтреугольных очертаний. Рубила делались из галек, уплощенных обломков пород или крупных отщепов посредством их сплошной или частичной двусторонней оббивки сериями крупных и мелких сколов. Поскольку формы рубил полностью или почти полностью предопределялись обработкой, они должны были, очевидно, отражать представления мастера о том, какую именно форму он хочет или должен изготовить и какими известными ему способами можно получить ее из данного конкретного материала [20; 24].

На раннем этапе развития ашеля (2,0-1,0 млн.л.н.) рубила, как правило, массивны, имеют довольно грубую отделку и нередко не вполне симметричны по форме. Далее формы и обработка этих орудий постепенно совершенствовались и разнообразились. В позднеашельский период (~400-200 т.л.н.) технологии интенсивной двусторонней, или бифасиальной обработки рубил получают наивысшее развитие, что позволяло достигать идеальной симметрии корпуса относительно длинной оси и прямизны лезвийных краев. Среди позднеашельских рубил-бифасов довольно часто встречаются образцы со столь совершенными формами и тонкой отделкой, что их изготовителей можно назвать мастерами-виртуозами. Основными функциями рубил как инструментов было разрубание и резание, что можно было делать и другими более простыми ашельскими орудиями, включая чоперы. Хотя рубила были, видимо, наиболее удобны для этих целей, трудоемкая работа по совершенствованию всех компонентов их форм предполагает, что при моделировании таких орудий мастера были нацелены не только на оптимизацию утилитарных качеств, но и на определенный эстетический эффект в рамках тех канонов, которые были приняты в конкретных ашельских индустриях. Разные популяции ашельских людей создавали и воспроизводили свои наборы рубил, подразделяющихся на типы с определенными очертаниями. Среди них встречаются и весьма специфические типы. Например, позднеашельские обитатели Закавказского нагорья изготавливали, в частности, оригинальные рубила, рабочие края которых в нижней половине субпараллельны, а наверху резко сходятся на острие. Такие рубила, своеобразную форму которых можно обозначить как «домик», неизвестны в других районах ашельской ойкумены [3, 9].

Все сказанное позволяет видеть в ашельских рубилах проявления протодизайна [4]. Чтобы обосновать данное утверждение, следует, очевидно, напомнить о том, в чем состоит смысл исходного понятия «дизайн». В одной из многочисленных дефиниций данного понятия говорится, что «дизайн – специфическая сфера деятельности по разработке (проектированию) предметно-пространственной среды в целом и ее отдельных компонентов ... с целью придания результатам проектирования высоких потребительских свойств, эстетических

качеств, оптимизации и гармонизации их взаимодействия с человеком и обществом» [11]. На страницах Википедии в Интернете дизайн определяется как «...творческий метод, процесс и результат художественно-технического проектирования промышленных изделий, их комплексов и систем, ориентированного на достижение наиболее полного соответствия создаваемых объектов и среды в целом возможностям и потребностям человека, как утилитарным, так и эстетическим» [7]. В. Ф. Сидоренко, являющийся одним из ведущих теоретиков дизайна в России, подчеркивает, что вещи, входящие в состав материальной культуры, могут выполнять не только инструментальные функции, но и другие важные для человека функции – коммуникативные, информационно-статусные, эмоционально-психологические и даже магические. Оформление этого комплекса функций при изготовлении конкретных вещей и есть то, что входит в задачи дизайна [12]. Из этих определений дизайна следует, что его истоки следует искать в том времени, когда в формообразовании изделий наряду с утилитарными функциями начинает отражаться систематическое влияние сугубо культурных факторов, включая традиционные нормы, эстетические предпочтения, кодирование социальной или сакральной информации и т.п. Прослеживая появление культурно-нормативных и эстетических составляющих в предметах материальной культуры, некоторые исследователи полагают, что зарождение дизайна, обозначаемое как протодизайн, происходило в неолите или мезолите [8]. Однако анализ ашельских индустрий позволяет видеть начальные проявления протодизайна уже в эту эпоху раннего палеолита. Во-первых, ашельские индустрии содержат распознаваемые и предпочитаемые модели различных изделий, а также морфологические и технические нормы, следование которым может быть объяснимо лишь требованиями культурного кода. Во-вторых, ашельские люди первыми начали создавать формы каменных орудий с избыточными с точки зрения непосредственной функции характеристиками, что ярче всего проявляется в ручных рубилах [4; 5].

Роль культурных факторов в формообразовании ашельских орудий давно является одной из актуальных тем в изучении раннего палеолита. Хотя не все исследователи признают ведущую роль этих факторов, многие из них отмечают, что ашельские рубила демонстрируют не только обширные технологические знания и навыки, но и высокий уровень социального и эстетического развития их создателей [16; 19; 27]. Некоторые специалисты находят в эстетических качествах рубил проявление символики и даже зачатки искусства [22, 23]. Предпринимались также попытки конкретизировать ту особую роль, которую могли играть рубила в обществе ашельских людей. Так, например, авторы одной из статей на эту тему утверждают, что эстетические качества этих орудий могли быть критерием выбора брачных партнеров среди изготовителей и владельцев этих орудий [21]. Данная версия выглядит слишком спекулятивной и довольно экзотической, хотя сама гипотеза о возможности определенного статусного значения некоторых ашельских рубил, имеет основания для обсуждения. Речь идет именно о некоторых рубилах, поскольку большинство из них были все же в первую очередь инструментами, что удостоверяют следы использования на лезвийных краях этих орудий, а также явные признаки подправки и переоформления рабочих участков. Хотя такие рубила делались в соответствии с культурными канонами и несут более или менее выраженную эстетическую функцию, это только дополняло их утилитарные качества. В то же время, в разных ашельских индустриях встречаются отдельные образцы рубил, характеристики которых позволяют предполагать преобладание отнюдь не утилитарных функций.

В том, что соотношение утилитарной функции вещи с такими неутилитарными функциями как эстетическая и даже, порой, символическая может варьировать и даже меняться в пользу последних, нет ничего удивительного. Как на примере мира современных вещей, так и при изучении археологического прошлого нетрудно заметить, что одежда бывает рабочей, домашней либо торжественной, среди посуды существуют наборы кухонные, праздничные и ритуальные, а оружие может быть как боевым, так и парадным и т.п. О по-

добном явлении среди ашельских рубил позволяют говорить несколько уникальных экземпляров этих изделий, которые выделяются особо крупными размерами, безупречно правильной формой и ювелирной бифасиальной отделкой, в то время как другие характеристики вызывают обоснованное сомнение в их рабочих качествах. Последнее утверждение необходимо, очевидно, пояснить на ряде конкретных примеров.

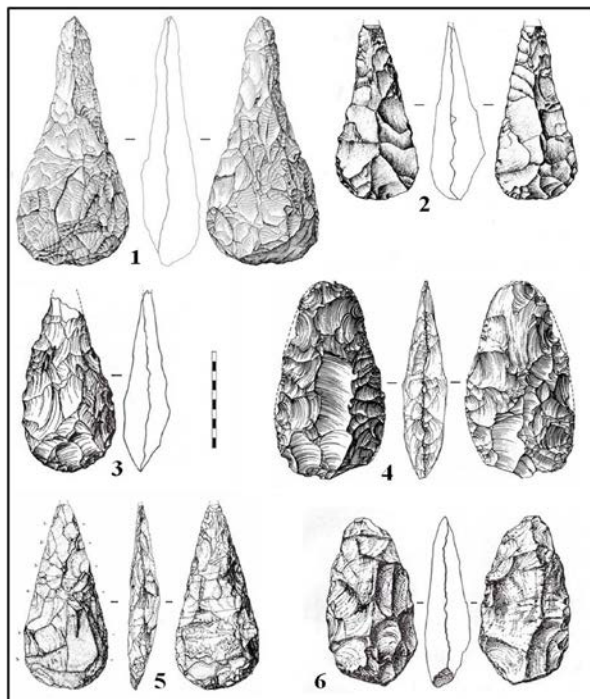
Первым из них будет чрезвычайно крупное рубило длиной около 40 см, найденное в пещере Кон дель Араго (Франция) в одном из среднеашельских слоев, имеющем возраст около 600 т.л.н. [14]. Это очень тщательно обработанное рубило-бифас удлинненной копьевидной формы с зауженным и тонким острием, которое сделано из не слишком прочной сланцеватой породы (рис. 1: 1). Очевидно, что при подобных размерах и качествах сырья это изделие должно было быть довольно ломким, что делает его малопригодным для грубой работы. Об особом предназначении этого рубила говорят и его аномальные размеры, которыми оно резко выделяется среди прочих орудий данной категории, найденных в Кон дель Араго. К среднеашельскому периоду относится еще одно крупное рубило сходных очертаний (рис. 1: 2), найденное на памятнике Куртан I на севере Армении [1]. Длина данного орудия даже при обломанном в древности остром конце достигает 24 см. Это орудие также резко отличается по форме и длине от остальных рубил из Куртана I и других памятников этого района, принадлежащих к одной культурной традиции [3].

Рис. 1. Образцы уникальных ашельских рубил. Составлено автором.

1 – пещера Кон дель Араго (Франция); 2 – Куртан I (Армения); 3 – Курджипс (Северо-Западный Кавказ); 4 – Амо (Армения); 5 – Мыштулагты Лагат (Северная Осетия); 6 – Калети (Южная Осетия).

Illustration 1. Samples of unique Acheulean axes. Compiled by the author.

1 – Con del Arago cave (France); 2 – Kurtan I (Armenia); 3 – Kurdzhips (North-Western Caucasus); 4 – Amo (Armenia); 5 – Myshtulagty Lagat (North Ossetia); 6 – Ka-leti (South Ossetia).

Подобно упомянутому рубилу из Франции, чрезвычайно крупные размеры, симметричность и исключительная тщательность отделки данного орудия выглядят избыточными с точки зрения его применения в качестве рубяще-режущего орудия. Хотя это куртанское

рубило является более массивным, его тонкий конец также предрасположен к поломке, что и произошло с ним, вероятно, при попытке использования. Примечательно также, что данное орудие изготовлено из андезитовой породы, которая не встречается поблизости от Куртана I, т.е. это рубило, в отличие от прочих, сделанных из местного сырья, было принесено откуда-то издалека, что подтверждает его особую ценность. Таким образом, есть все основания полагать, что эти два рубила не являлись обычными инструментами, а были изготовлены в неких особых целях.

Образцы подобных рубил встречаются и на памятниках позднего ашеля. В качестве примеров будет достаточно назвать ряд таких находок на Кавказе. Следует отметить, в первую очередь, обсидиановое рубило-бифас удлиненной подсердцевидной формы, найденное на местонахождении Амо в долине р. Раздан на юге Армении [1]. Данное изделие (рис. 1: 4) выделяется на фоне других позднеашельских рубил данного района необычно крупными размерами (длина – 26,5 см), а также исключительно сложной и тщательной обработкой, которая позволила сделать его корпус довольно тонким и выровнять лезвия по всему периметру. Габариты этого рубила в сочетании хрупкостью сырья заставляют усомниться в сколько-нибудь интенсивном использовании в качестве орудия, тем более что повсеместно острые края практически не позволяют удерживать его в руках во время работы. Лишь ненамного меньшие размеры демонстрирует андезитовое рубило близких очертаний (рис. 1: 6) из местонахождения Калети в Южной Осетии [9]. Сходную длину при сильно вытянутых пропорциях и особенном тонком поперечном сечении (~ 3 см) имеет рубило (рис. 1: 5) найденное близ стоянки на Мыштулагты Лагат в Северной Осетии. Следует упомянуть также кремневое рубило удлиненной подсердцевидной формы (рис. 1: 3), обнаруженное на одном из местонахождений в долине р. Курджипис (бассейн р. Кубань). Длина этого очень хорошо отделанного рубила даже без учета обломанного конца составляет 22 см [9].

Каждое из описанных ашельских рубил уникально для своего археологического контекста и обладает такими характеристиками, которые предполагают их крайне ограниченное использование в качестве орудий, а порой даже сомнительность подобной функции. В то же время все они были изготовлены посредством тщательной и весьма трудоемкой обработки, демонстрирующей высокое мастерство изготовителей. Принимая во внимание эти обстоятельства, можно осторожно предположить, что это были своего рода статусные вещи, предназначенные для особых членов ашельских коллективов или же для особых событий в их жизни. Намек на одну из возможных неутилитарных функций таких изделий дает находка единичного хорошо отделанного рубила-бифаса в одном из культурных слоев пещеры Ла Сима де лос Хуэсос (Испания), где наряду с ним были захоронены костные остатки 28 ашельских людей, обитавших там более 450 тыс. лет тому назад. Исследователи этого памятника, которые рассмотрели все возможные варианты совместного захоронения костей и данного орудия в пещере, пришли к заключению, что это был, видимо, своеобразный склеп, куда рубило могло попасть в качестве погребального приношения (?) [15].

4. Заключение

Таким образом, приведенные данные показывают, что влияние культурного фактора на формирование орудий фиксируется уже в раннем палеолите, однако начиная только с эпохи ашеля. По мере развития ашельских индустрий роль этого фактора усиливается, проявляясь в виде культурных традиций, которые в наибольшей мере отражались в формировании ведущих категорий ашельских орудий, прежде всего, ручных рубил. Избыточное по отношению к рабочим качествам совершенствование форм этих орудий в русле определенных стилистических и эстетических норм говорит о зарождении протодизайна. В периоды среднего и позднего ашеля впервые появляются отдельные рубила, формы которых позволяют предполагать наделение их не столько орудийными, сколько символическими функциями, связанными уже не с хозяйственной деятельностью, а с культурными прак-

тиками разных ашельских популяций.

Список источников и литературы

1. Азизян, Г. А., Любин, В. П. (1983). Обсидиановый бифас из Армении // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 173. С. 71-73.
2. Беляева, Е. В. (2009). Уникальное древнекаменное орудие из Северной Армении // Природа. № 4. С. 63-66.
3. Беляева, Е. В. (2022). Ашельские памятники Закавказского нагорья. СПб.: Петербургское Востоковедение. 275 с.
4. Беляева, Е. В., Любин, В. П. (2011). Ашельские рубила и истоки протодизайна // Российский археологический ежегодник. № 1 С. 73-99.
5. Беляева, Е. В., Любин, В. П. Развитие технологий и протодизайна в раннем палеолите на примере ашельских рубил Кавказа // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М.: Наука, 2012. С. 1-20.
6. Вишняцкий, Л. Б. (2005). Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры: курс лекций. Кишинев: Высшая антропологическая школа. 396 с.
7. Дизайн // Большая российская энциклопедия. Т. 8. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 55.
8. Луков, Вл. А., Останин А. А. (2007). Дизайн. Тезаурусный анализ. М: Издательство Московского гуманитарного университета. 180 с.
9. Любин, В. П. (1998). Ашельская эпоха на Кавказе. СПб: Петербургское Востоковедение. 192 с.
10. Любин, В. П., Беляева, Е. В. (2015). Традиции и трансформации в раннем палеолите Кавказа и Ближнего Востока // Традиции и инновации в истории и культуре. М. С. 12-20.
11. Рунге, В. Ф., Сеньковский В. В. (2005). Основы теории и методологии дизайна: Учебное пособие. М: Социально-политическая мысль. 366 с.
12. Сидоренко, В. В. (2000). Дизайн: методы познания // Дизайн в общеобразовательной системе. М.: Социально-политическая мысль. С. 148-156.
13. Щелинский, В. Е. (2021). Ранний ашель Западного Предкавказья. СПб.: Петербургское Востоковедение. 131 с.
14. Barsky, D., Lumley, H., de. (2010). Early European Mode 2 and the stone industry from the Caune de l'Arago's archeostratigraphical levels "P" // Quaternary International. Vol. 223/224. P. 71-86.
15. Carbonell, E., Mosquera, M. (2006). The emergence of a symbolic behavior: the sepulchral pit of Sima de los Huesos, Sierra de Atapuerca, Burgos, Spain// Compte Rendus Paleovol. № 5. P. 155-160.
16. Clark, J. D. (1994). The Acheulian industrial complex in Africa and elsewhere // Integrative Paths to the Past. Paleoanthropological Advances in Honor of F. Clark Howell. Eds R. S. Corruccini, R. L. Ciochon. Prentice Hall Inc., New Jersey. P. 451-469.
17. Galotti, R. (2018). Before the Acheulian in East Africa: an Overview of the Oldowan Lithic Assemblages // The Emergence of Acheulian in East Africa and Beyond. Cham., Springer. P. 13-32.
18. Galotti, R., Mussi, M. (2018). The Emergence of the Acheulian in East Africa: Historical Perspectives and Current Issues // The Emergence of Acheulian in East Africa and Beyond. Cham., Springer. P. 1-12.
19. Gowlett, J. A. J. (2006). The elements of design form in Acheulian bifaces: Modes, modalities, rules and language // Axe Age: Acheulian Tool-making from Quarry to Discard. Eds N.Goren-Inbar and G. Sharon. London: Equinox, 203-221.

20. Haviland, W. A., Walrath, D., Prins, H.E.L., McBride, B. (2007). *Evolution and Prehistory: the human challenge*. Belmont: Thomson Higher Education. 456 p.
21. Kohn, M. and Mithen, S. (1999). Handaxes: Products of sexual selection? // *Antiquity*. № 73. P. 518–26.
22. Le Tenzorer, J.-M. (2006). Les cultures acheuleennes at la question de l'emergence de la pensee symbolique chez Homo erectus a partir les donnees a la forme symetrique et harmonique des bifaces // *Compte Rendus Paleovol. № 5*. P. 27-135.
23. Lorblanchet, M. 1999. *La naissance de l'art. Genese de l'art prehistorique dans le mond*. Paris: France. 304 p.
24. Nowell, A., Park, K., Metaxis, D., Park, J. (2003). Deformation modeling: A methodology for the analysis of handaxe morphology and variability // *Multiple Approaches to the Study of Bifacial Technologies*. Eds M. Soressi and H. L. Dibble. Philadelphia: University of Pennsylvania, Museum of Archaeology and Anthropology. P.193-208.
25. Semaw, S., Rogers, M., Stout, D. (2009). The Oldowan–Acheulian transition: Is there a «Developed Oldowan» artifact tradition// *Sourcebook of Paleolithic Transitions*. New York: Springer. P. 173–192.
26. Torre de la I. (2016). The origins of the Acheulian: Past and Present perspectives on the major transition in human evolution // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London B*. Vol. 371. P. 20150245.
27. Wymer, J. (1982). *The Palaeolithic age*. New York: St Martins Press. 310 p.

References

1. Azizian, G. A., Lyubin, V. P. (1983). *Obsidianovy bifas iz Armenii* [Obsidian biface from Armenia] in *Kratkie soobschenia Instituta istorii material'noy culture*, 173, 71-73. (in Russian).
2. Belyaeva, E. V. (2009). *Unikal'noe drevnekamennoe orudie iz Severnoy Armenii* [Unique Early Paleolithic tool from Northern Armenia] in *Priroda*, 4, 63-66. (in Russian).
3. Belyaeva, E. V. (2022). *Achel'skie pamiatniki Zaccavczaskogo nagoria* [Acheulian sites of the Transcaucasian Highlands]. Sanct-Peterburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. (in Russian).
4. Belyaeva, E. V., Lyubin, V. P. (2011). *Achel'skie rubila i istoki protodizaina* [Acheulian handaxes and origins of protodesign] in *Rossiskiy archeologicheskij ezhegodnik*, 1, 73-99. (in Russian).
5. Belyaeva, E. V., Lyubin, V. P. (2012). *Razvitie tehnologii i protodizaina v rannem paleolite na primere achel'skieh rubil Cavcaza* [Development of technologies and protodesign in the Early Paleolithic by example of the Acheulian handaxes of the Caucasus] in *Istoriko-kulturnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii*. Moscow, 1-20. (in Russian).
6. Vishniatsky, L. B. (2005). *Vvedenie v preistoriu. Problemy antropogeneza i stanovlenia culture: kurs lektsiy* [Introduction to the prehistory. Problems of anthropogenesis and the formation of culture: a course of lectures]. Kishinev, High Anthropological School. (in Russian).
7. Dizajn (2007) In *Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija* [Design], 8, Moscow, Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 55.
8. Lukov, V.I., Ostanin, A. A. (2007). *Dizain. Tezaurusny analiz*. [Design. Thesaurus analysis]. Moscow, Publishing House of the Moscow University for the Humanities. (in Russian).
9. Lyubin, V. P. (1998). *Achel'skaya epocha na Caucase* [Acheulian epoch in the Caucasus]. Sanct-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (in Russian).
10. Lyubin, V. P., Belyaeva, E. V. (2015). *Traditsii i transformatsii v rannem paleolite Caucaza i Blizhnego Vostoka* [Traditions and transformations in the Early Paleolithic of the Caucasus and Near East] in *Traditsii i innovatsii v istorii I culture*. Moscow, 12-20. (in Russian).

11. Runge, V. F., Sen'kovskiy, V. V. (2005). *Osnovy teorii i metodologii dizaina* [Fundamentals of design theory and methodology: textbook]. Moscow, Social'no-politicheskaya mysl' (in Russian).
12. Sidorenko, V. V. (2000). *Dizain: metody poznania* [Design: methods of cognition] in *Dizain v obshcheobrazovatel'noy sisteme*. Moscow, Social'no-politicheskaya mysl', 148-156. (in Russian).
13. Shchelinsky, V. E. (2021). *Panniy ashel Zapadnogo Prekavkaz'ya* [The Early Acheulian of the western Ciscaucasia]. Sanct-Peterburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-54-64>
УДК 94(47).032

SOUTHERN TERRITORIES OF THE CHERNIGOV-RYAZAN BOUNDARY IN THE XII–XY CENTURIES

Nikolay A. Tropin

Bunin Yelets State University,

st. Kommunarov, 28, Yelets, 399770, Russian Federation

Abstract

Introduction. In investigations of our science project features of historical development of the boundary territory of the South-East of the Chernigov and South-West of Ryazan lands are considered. **Materials and methods.** More than 450 monuments of the XI-XIV centuries are known on the territory. Among the most known archaeological objects the archaeological complex of Lavy on the Bystraya Sosna River is most important. In the late of the 11th c. this complex became the center of own rural area and the center of trade and craft activity. **Results.** We come to conclusion, that political borders of principalities were defined by various sources of settling of territory in the Pool of the Top Don. The analysis of the system of settlement at the microregional level allowed studying of settlements both in the system of landscape and within the settlement expanse. **Conclusion.** From the end of the 11th – till the middle of the 13th cc. the lands of the Right bank of the Top Don were occupied from the principality of Chernigov-Severskiy. The lands across the Don River and its Left bank were occupied from territory of the principality of Ryazan. During the second half of the 13th – 14th cc. the Right bank of the Top Don was in structure of the principalities of Verkhovskye, and its Left bank was in the structure of the principality of Ryazan. To the middle of the 12th century in Top Don the border between principalities was established passed from source of the Don River to the mouth of the Bystraya Sosna River.

Key words: boundary territory of the South-East of the Chernigov, South-West of Ryazan lands, the Mongol-Tatar invasion, The comparative analysis of the system of settlement, Yelets Principality

For citation: Tropin N. Southern territories of the Chernigov-Ryazan boundary in the XII-XV centuries // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 54-64, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-54-64>

Acknowledgement: The study was supported by a grant from the Russian Humanitarian Scientific Foundation (project no. 05-01-73100a/II; 12-11-48600 e/II), the Russian Foundation for Basic Research (project no. 18-49-480001) on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University"

Conflict of interest. Prof. N. Tropin is a researcher of the founder of the journal – Bunin Yelets State University. The founder has nothing to do with the decision to publish this article. The article passed the peer review procedure adopted in the journal.

Received: 18.04.2023

Revised: 27.07.2023

Published: 22.09.2023

© Tropin N., 2023

ЮЖНЫЕ ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНИГОВО-РЯЗАНСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ В XII-XV ВЕКАХ

Николай А. Тропин

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
ул. Коммунаров, д. 28, Елец, 399770, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. Рассматриваются особенности исторического развития пограничной территории Юго-востока Черниговской и Юго-запада Рязанской земель, формирование которых было обусловлено комплексом факторов. Изучение этой территории является одной из приоритетной в средневековой археологии. **Материалы и методы.** На рассматриваемой территории известно более 450 памятников XI-XIV вв.: 13 городищ, 397 селищ, 8 могильников и единичных погребений, 9 монетных кладов и 10 местонахождений ордынских монет. Среди наиболее известных археологических объектов является археологический комплекс памятников у с. Лавы на реке Быстрая Сосна, в жизни которого выделяются четыре этапа. В конце XI века он становится центром сельской округи, а также центром торговли и ремесла. **Результаты.** Мы приходим к выводу, что политические границы княжеств определялись различными источниками заселения территории в бассейне Верхнего Дона. Земли в Правобережье Верхнего Дона осваивались с конца XI-XIV вв. со стороны Чернигово-Северского (Чернигово-Брянского княжества, верховских княжеств), а пространства по Дону и его Левобережью - Рязанского княжества. Анализ системы расселения на микрорегиональном уровне позволил изучить поселения как в системе ландшафта, так и в пределах поселенческого пространства. **Выводы.** В истории южных территорий Чернигово-Рязанского порубежья по степени и характеру заселенности выделяется три периода. Первый период датируется концом XI – первой половиной XII вв., второй период – второй половиной XII – первой третью XIII вв., третий период – второй половиной XIII- XV вв.

Ключевые слова: пограничная территория юго-востока Черниговской, юго-запада Рязанской земель, монголо-татарское нашествие, сравнительный анализ системы расселения, Елецкое княжество

Для цитирования: Тропин Н.А. Южные территории чернигово-рязанского порубежья в XII-XV веках // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 54-64, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-54-64>

Конфликт интересов. Н.А. Тропин является научным сотрудником учредителя журнала – ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина». Учредитель не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 05-01-73100а/ц; № 12-11-48600 е/Ц) и Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-49-480001) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

Статья поступила: 18.04.2023

Статья принята в печать: 27.07.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Тропин Н., 2023

1. Introduction

In investigations of our science project deals with the history of the development of the boundary territory of the South-East Chernigov and South-West Ryazan lands. This territory geographically coincides with the Upper Don basin. Three periods are distinguished in the history of this region during the age of political disconnection, which differ from each other by the degree and character of the region settlement. The first period is dated from the late XI to the first half of the XII century; the second one – from the second half of the XII to the first third of the XIII century; the third one – from the second half of the XIII to the XY century [7].

During the first period not very numerous groups of population penetrated into the investigated territory, recorded in the middle reaches of the river Voronezh, in the lower reaches of the Fast Sosna and on the Krasivaya Mecha. They assimilated the autochthonous non-numerous ancient Russian population (the monuments of the Borshev culture), that used the moulded crockery in their everyday life and built half-adobe dwellings with stone ovens besides ground houses. Life ceased in the Slavonic clan-tribal centres: Vorgol and Pazhen sites of ancient settlement. The population which had come from the South-Russian territories founded the Lavskiy archaeological complex near the site of settlement of the early Iron Age, resettled the autochthonous ancient Russian population and took part in the trade along the Don basin.

Single occurrence of finds proposes the insignificant inflow of ancient Russian population. It is impossible to speak more definitely of the settlement of the territory at that time, as written information is absent. However this wave of migration should be considered in the system of feudalization of the outlying districts of Russia and the outlined tendencies to political disconnection, formed on Chernigov-Ryazan boundary in the first quarter of the XII century.

2. Materials and methods

During the second period, perhaps since the late XII century, a new influx of the population is observed, which was more numerous and created a kind of supporting centres. 133 sites of ancient unfortified settlement, 11 sites of fortified settlement, 8 earth burial grounds and separate burials are attributed to this time. Separate parts of the river-banks are populated, monuments are concentrated here in groups. They are known on the Dankov-Lebedyan section of the Don reaches, in the neighbourhood of the town Zadonsk, in the basin of the river Voronezh, in the lower and middle reaches of the river Fast Sosna, in the middle and upper reaches of the river Krasivaya Mecha. The characteristic feature of the region settlement was the existence of the sites of ancient settlement and adjoining rural neighbourhood.

The character of the territory settlement was in general similar to the processes that were going on to the North of the territory in the region of Kulikovo field. But the scale of assimilation of the latter was more considerable, because this region closely adjoined the central most compactly assimilated territories of Ryazan district. The settlement of farther territories in the upper Don reaches turned out to be less compact because of large unassimilated expanses. We suppose that full-degree assimilation of the southern territories of the Chernigov-Ryazan boundary was not completed before the Mongol-Tatar invasion [9].

Assimilation of the region in the pre-Mongol period was determined by several reasons. One of them was the striving of Ryazan and the town centres of Chernigov land for securing the lands in the Upper Don basin. The proof of this is the fact of the active policy of the South-Russian princes in feudalization of the North-East regions of Chernigov land in the basin of the Upper Oka and along the Kursk Seym where a lot of fortresses appeared. It is important to mention that at the same time the supporting centres of the principalities appeared in the Upper Don basin – the sites of fortified settlement Klyuchevka, Lavrovskoye, Zaychevka, Lavskiy archaeological complex on the Chernigov side, and Semilukskoye, Romanovskoye and other fortified settlements on the Ryazan side. Active assimilation of the territory which began in the second half of the XII century was the result of the growth of economic and political potential of the principalities striving to take up stable positions in the East and South-East of Russia.

Another reason was stirring up the trade on the Don and taking an interest in the control over this territory. It cannot be excluded that active assimilation of the region of Kulikovo field in the Don upper reaches had the same reason among others.

The factor of foreign policy in the pre-Mongol period, which was the nearness of the Russian-Polovtsy borderline, was not decisive for the fortunes of the ancient Russian population on the investigated territory. Strong defensive structures on the sites of fortified settlement were absent in this region, and the sites of fortified settlements were scanty unlike those in southern Russia. We suppose that small ancient Russian population, different household styles of life of the peasants and the nomads did not produce the conflict basis for ethnic groups [6].

The following types of settlements were formed in the investigated region: the sites of fortified fortresses (guards), the sites of fortified settlement as administrative centres of rural neighbourhood, the sites of open settlement as administrative centres, the sites of unfortified settlement as the centres of rural communities, the sites of unfortified settlement as ordinary settlements inside communities, trade sites.

They are differentiated by some criteria. For the sites of fortified fortresses that guarded trade routes and roads (Dolgovskoye, Arkhangelskoye, Streshnevskoye): 1) insignificant size of fortified areas (0.1-0.35 hectare); 2) their uninhabited character; 3) closely adjoining to the site one or two sites of unfortified settlement with poor cultural layer.

For the sites of fortified settlement as administrative centres of rural neighbourhood (Semilukskoye): 1) comparatively large sizes of fortified areas (more than 1 hectare), 2) the inhabited character of the sites; 3) attracted towards the settlement synchronous sites of unfortified settlement.

For the sites of open settlement as administrative centres (an example of Lavskiy archaeological complex before the construction of the site, Kazinka): 1) considerable sizes of the sites (about 30 hectares); 2) the estate multi-row construction and street laying out; 3) evidence of active economic activity: handicrafts (metallurgy and metal work), foreign (Byzantium, Iran) and inland (Kiev, Volyn) trade; 4) sites of unfortified settlement situated in the neighbourhood.

For the sites of unfortified settlement as community centres (Lipovka-Bekhteyevka, Kurapovo 1, Zamyatino 10 and others): 1) considerable sizes of the sites surpassing the neighbouring sites in the occupied area; 2) recorded signs of handicraft production; 3) a burial ground nearby; 4) landscape attachment to higher parts of the area (most often).

For the trade sites (Kurino 1, Shilovskoye): 1) flood-lands location; 2) absence of the signs of handicraft activity; 3) poor satiety by cultural remains.

During the third period the number of monuments increased on the southern territories of Chernigov-Ryazan boundary. Among them there are 272 sites of unfortified settlement, 1 site of fortified settlement, 19 monetary treasures and separate finds, 4 burial grounds. The number of population twice increased along the river Don in the region of the towns Dankov, Lebedyan, Zadosk and also along the river Krasivaya Mecha. It increased by 5 times in the lower reaches of the Fast Sosna. The new territories in the upper reaches of the rivers Voronezh and Matyra were compactly assimilated.

The character of the settlement was changed. Absence of the sites of fortified settlement may be included into its peculiarities. The site of Lavskiy fortified settlement is an exception. Rural settlements are situated either as local groups or separately. In the latter case they are, as a rule, big settlements.

The number of big settlements twice increased, their area exceeded 2 hectares. The sites of "giant unfortified settlements" include Polozovo on the river Voronezh (not less than 15 hectares), Yablonovo (about 10 hectares), Kazinka (up to 20 hectares).

The most intensive commercial relations with the Golden Horde and the East took place in this period. Objects of import as well as monetary finds are discovered in many settlements. It should be supposed that stable commercial relations in the Don basin established at that time at-

tracted the inflow of the ancient Russian population. We cannot rule out the fact that favourable economic conditions promoted the growth of the number of population near the Russian borderline with the Golden Horde [1;2].

At the final stage of this period since the second half of the XIY century the desolation of this region started. In the third quarter of the XIY century the territories on the river Don, in the lower reaches of the Fast Sosna (Lavskiy archaeological complex) were ruined. For some period of time, not earlier than 1381, the lower reaches of the Fast Sosna were inhabited and Yelets principality appeared, which perished in 1414. In the first half of the XY century the lands along the river Voronezh were desolated.

3. Results

We have investigated the system of settlement in the region and its dynamics. In order to study the microregional peculiarities of the landscape influence on the character of the territory assimilation, generally accepted in geographic research landscape sections are separated: Galichyegorskiy, Semilukskiy, the subsection of the first and second over-flood-lands terraces on the river Voronezh, Sosninskiy and the North-West section of the Limestone North. It is ascertained that the riverside type of settlement prevailed with the exception of the upper reaches of the Krasivaya Mecha and the Yelchik, where the ravine-gully type of settlement was recorded. The population assimilated both the first over-flood-lands terrace and the edges of fundamental slopes. The investigation of the monuments topography in the landscape sections has shown that the population assimilated the most convenient sections. Preference was given, first of all, to the first over-flood-lands terrace. Thus, in the river Voronezh basin where the over-flood-lands terrace type of the area obviously dominates, the sites of unfortified settlement situated on the first over-flood-lands terrace prevailed (67%). In the upper and middle reaches of the Krasivaya Mecha 57% of monuments occupy the edge of the first and the second over-flood-lands terraces.

Monuments situated on the fundamental slopes prevail on the river Don and on its right bank. In the northern part of Galichyegorskiy landscape section they make 66%, on the territory of Zadonsk landscape junction – 53%, in the lower reaches of the Fast Sosna – 81.5%. Interrelation between the chronology of a monument and its landscape attachment is not observed.

It is noted that settlements were situated near big forest tracts, which may be explained both by the economic necessity and by the fact of nearness of the Russian-Polovtsy borderline.

The majority of the sites of unfortified settlement were not large by area. The sizes of 169 settlements are determined. The sites of unfortified settlement up to 1 hectare in area along the rivers Don and Voronezh amounted to 60%, among them the sites of 0.1-0.5 hectare made 45%. In the basin of the Fast Sosna lower reaches settlements with the area up to 1 hectare amounted to 85.4%, among them the sites of 0.1-0.5 hectare made 75%. Larger settlements are more rarely noted. Along the rivers Don and Voronezh the sites with the area 1-2 hectares amounted to 19%, those of more than 2 hectares made 21%. In the basin of the Fast Sosna lower reaches the settlements with the area 1-2 hectares amounted to 10.4% and those of more than 2 hectares made 4.2%. Predominance of rather small settlements (up to 1 hectare) is an evidence to their few-homestead character, which was in general widely spread on the big expanses of Russia. In the second half of the XII and the first half of the XIII centuries the system of few-homestead settlements was just beginning to form (21 sites of unfortified settlement). In the second half of the XIII – the XIY centuries it became predominant (115 sites of unfortified settlement), which may be explained by the changes in agriculture.

The analysis of the system of settlement at the microregional level allowed studying of settlements both in the system of landscape and within the settlement expanse. About 40 local groups of settlements are distinguished and studied on the southern territories of the Chernigov-Ryazan boundary. The most profoundly studied in the system of landscape are the monuments of Lededyanskaya, Kurapovskaya, Rakityanskaya, Kamenskaya, Lipovskaya local groups and also the settlements along the river Yelchik.

In local groups both the settlements of the XII-XIII centuries and those of the second half of the XIII–the XIY centuries are found. They are situated in different landscape conditions: on over-flood-lands first terraces and on fundamental slopes. Each of these groups is situated compactly on the section of 3-7 km length. An uninhabited space of the length of 2-4 km is recorded between them. As a rule, one of the settlements is noticeably singled out by its size.

The comparative analysis of the system of settlement along the river Yelchik has revealed a series of common features between the settlements of the XIY century and those of the late XIY–the XYII centuries. First, it is realized in the coincidence of the territory of settlements. The basis of this coincidence is made up of the reasons of economic, political nature, mental features of the man preserving the historical memory of generations. Settlement of the Fast Sosna is connected with the territory along the Oka both in the second half of the XIII–the XIY centuries and in the late XYI century. In this case it is possible to speak of permanent ethnographic groups of population. Second, the sites of unfortified settlement of the XIY-XYII centuries discovered on the ravine-gully system are the evidence of the road functioning along the watershed of the Yelchic and Palna. Third, the sites of unfortified settlement of the XIY-XYII centuries are attached to forest sections.

Local groups form the groups of monument concentration (GMC). In some cases intermediate between them is “the shrub of monuments”. GMC corresponded to large administrative units of that time or to their constituting parts. In the northern part of Galychyegorskiy landscape section (the Dankov-Lebedyan section of the Don reaches) 3 GMC were distinguished, consisting of 81 monuments of the XII-XIY centuries. We identify them with Romantsevo known from the agreement document of the Ryazan princes of 1496. Within the bounds of Zadonsk landscape junction, where one GMC with 31 monuments of the XII-XIY centuries was recorded, Teshev is situated known from the same document. In the basin of the middle and upper reaches of the river Voronezh four GMC were distinguished, counting 136 monuments of the XII-XIY centuries. Their historical appreciation is closely connected with the annalistic region Voronezh mentioned under 1177 in Lavrentyev chronicle. 95 monuments of the XII-XY centuries are known in the basin of the Fast Sosna lower reaches.

One of the uttermost eastern volosts of Chernigov-Seversk principality was situated here in the XII-XIII centuries. From the late XIII till the third quarter of the XIY century it was a volost of Novosilsk principality. In the late XIY – the early XY centuries it was an independent Yelets principality. The only investigated GMC in the lower reaches of the Fast Sosna between the rivers Vorgla and Palna is treated as the main core of the forming Yelets land. It is established that the sources of volost forming, known from the documents not earlier than in the XIY-XY centuries, go back to the XII – the first half of the XIII century.

Investigation of the system of settlement helps to distinguish six models of settlement in the Chernigov-Ryazan boundary. The first of them presupposes the existence of the centre as a site of fortified settlement or of an open commercial-handicraft settlement with the adjoining rural neighbourhood. The functions of the centre may be different (for instance, administrative, guarding or economic, the combination of some of them is not excluded), and we define them as the variants of the given model. The second model presents a single site of unfortified settlement separated from the others by 3-5 km. As a rule, its area exceeds 1 hectare. It is not rare that the traces of handicraft production are recorded on such sites. The third model which is derived from the first one is presented by the “main” site of unfortified settlement and situated nearby one more site of unfortified settlement of inconiderable area – an evicted settlement. The “main” site is singled out by its size, the traces of handicraft production, the burial ground situated nearby. The fourth model supposes a local group of the sites of unfortified settlement consisting of three and more monuments. Sometimes the main site of unfortified settlement may be singled out in such a local group, which has a greater size and sometimes a material complex. The fifth settlement model includes several local groups of sites of unfortified settlement concentrated on a small area and forming a

“shrub of monuments”. The sixth settlement model is represented by trade settlements, which are characterized by flood-lands situation, by the absence of traces of handicraft activity, by poor satiety in cultural remains.

Five settlement models of the pre-Mongol period were found, which unite 92 monuments. The most typical are the first and the fourth models which include 78 monuments. It is noticeable that the first settlement model may be found only in that period. It counts 57 monuments: the sites of fortified settlement and the sites of unfortified settlement. The appearance of the first settlement model was conditioned by the political factor. In the pre-Mongol period the borderlines of principalities and the system of functioning of the Don trade way were established. The other settlement models reflected the economic development of the territory with the choice of landscape conditions optimal for carrying out economy which, first of all, took into account the valleys of the rivers, the outlying districts of forest areas.

Five settlement models of the second half of the XIII–the XV centuries are known, which count 171 monuments. The most characteristic are the fourth and the fifth models which include 141 monuments. It is established that the fifth model – the “shrub” settlement – was mostly developed in those microregions which were rather compactly assimilated in the pre-Mongol period. This model was formed since the second half of the XIII century and reflects more intensive economic processes.

We consider as a specific feature of the system of settlement on the investigated territory the facts of simultaneous co-existence of different settlement models. First of all we mean the settlement models represented by separate big sites of unfortified settlement, few-homestead system of settlement and trade sites. The variety of settlement models is explained by the fact that Chernigov-Ryazan boundary was not fully assimilated economically by the ancient Russian population because of the latter’s small number in the zone of Russian stepp boundary.

Lavskiy archaeological complex has an important place in the investigation of the territory. The results of its investigation makes it a part of a series of unique settlements on the upper Don. This is conditioned both by its considerable size (the area of the Russian material spreading is 29.4 hectares) and by the scale of excavations – 4999 square metres were unearthed. Lavskiy archaeological complex is the only monument on the investigated territory where the results of natural sciences were used in a considerable volume: metallographic, radiocarbon, soil, osteological analyses. About 1 thousand of individual finds, the remains of four estates were found in the complex, the fortifications of the site of fortified settlement were studied. Its ceramics became the basis of the classification of the crockery on the right bank of the Upper Don.

Investigations make it possible to distinguish four stages in the history of Lavskiy archaeological complex. The estate “A”, few household structures in the northern and western sections of the excavation, two burial grounds are connected with the first stage – the late XI–the first half of the XII centuries. Preservation of traditional culture of the Slavs of that time is observed. A dwelling of the half-adobe type with the stone oven was studied, moulded and early circular crockery was found. The monument is regarded as an open settlement with the area of 4.8 hectares, an administrative centre.

The second stage is connected with the second half of the XII–the first half of the XIII centuries. The area of the monument is widened to 25 hectares. It remains an open commercial-handicraft settlement and an administrative centre of the territory which was limited by the lower part of the region between the Vorgol and the Palna. At this period inhabitants of the Lavskiy complex and its neighbourhood took active part in the system of the trade on the Don.

The third period in the life of Lavskiy archaeological complex refers to the second half of the XIII–the third quarter of the XIV centuries. At this time the growth of the area of unfortified trading quarter up to 29.4 hectares took place, the inhabitants’ taking part in the trade with the Crimea, the North Caucasus, Byzantium became more active. The monument of that time may be regarded as the administrative centre of the volost of Novosilsk principality.

In the period of inland political instability in the Golden Horde in 1359-1380 the inhabitants cleared the ground of fortifications of the early iron age and built new fortifications. But the site of fortified settlement did not exist long. Some time later the fortifications were levelled to the ground by the inhabitants. Soon the monument was destroyed.

The fourth stage corresponds to the last quarter of the XIY–the early XY centuries, when Lavskiy archaeological complex turns to the rural settlement inside the formed Yelets principality [4]. The final crash of the monument as well as the principality itself took place in 1414.

4. Conclusion

In our research we have come to the conclusion that political borderlines of the principalities were determined by different sources of the territory settlement in the basin of the upper Don. The lands on the right bank of the upper Don were populated from the late XI till the middle XIII century on the side of Chernigov-Severskiy principality. Assimilation of the lands along the Don and its left bank was made from Ryazan principality. Different sources of the settlement of Chernigov-Ryazan boundary are most clearly traced in the pre-Mongol period on the ceramics material: in the classification and character of the ornament. Ceramics of group 6 (6.5%) is found in the largest amount only in Lavskiy archaeological complex. While the most widely spread on the right bank of the upper Don is the crockery of group 2B (40.8%), and placing of the ornament on the upper third of the vessel dominates, the most numerous on the left bank of the upper Don are the pots of groups 2B (25.8%) and 3B (18.1%), and the whole body of the vessel is often ornamented.

Such archaeological finds as iron knives, ornamented handles made of bone, elements of house-building may become the definers of the tradition sources only within wider range of the XII-XIY centuries. Metallographic analysis of the knives has shown that the knives with welded on blades were found in greater quantity on the right bank of the upper Don than on the left bank of the upper Don. The collection of knife handles made of bone with outlined carvings, circular ornament, parallel and crossed lines, which originated from the monuments on the left bank of the upper Don, finds numerous analogues in the monuments of the middle Oka in Ryazan land as well as such an element of house-building as clay-soiling the floor and the walls of the underground pit in the dwellings.

The monuments of the Polovtsy are completely unknown on the southern territories of Chernigov-Ryazan boundary, which excludes these territories as the zone of constant nomadic existence of the population with cattle-breeding economic structure. The borderline between the Russian lands and the Polovtsy steppe went to the south of the river Voronezh mouth, where stone statues and burials of the nomads are known.

During the period from the second half of the XIII to the XIY century the territory of the right bank of the upper Don lost its close contacts with the South Russian territories that were ravaged by the Mongol-Tatars in the middle and the second half of the XIII century. But connections were not interrupted with the territory of the upper Oka which was situated in the forest part and therefore was better protected. Sources of the settlement of the river Don and its left bank did not change. It was still made from Ryazan principality.

The analysed ceramics material of that time, considerable in volume, gives the opportunity to speak of its regional peculiarities. Ironed clays were not used on the right bank of the upper Don since the middle of the XIII century, the grey-clay crockery became spread. White-clay ceramics appeared not earlier than in the second quarter of the XIY century.

Crockery of the white colour made of non-ironed or weakly-ironed clays became dominating along the river Don and on the left bank of the upper Don since the boundary of the XII-XIII centuries and dominated in the second half of the XIII–in the XIY century. The most typical among vessels were the pots of group 2B (up to 25.8%). There are three times less of them on the right bank of the upper Don.

In contradistinction to the scarce written information of the XII-XIII centuries, written records of the XIY-XVI centuries (“Metropolitan Pimen’s going to Tsargrad”, “The list of Russian

towns...”, chronicles, agreement documents of princes, family registers) more exactly reflected geopolitical interests of the principalities on Chernigov-Ryazan boundary. The territories along the river Fast Sosna were considered to be Chernigov lands. On the right bank of the upper Don the Yelets principality existed from the last quarter of the XIY century till 1414, the origin of which is connected with the princes of Verkhovye [8]. The lands along the rivers Don and Voronezh were considered the outlying territories of the Great Ryazan principality.

Neither written nor archaeological sources show the existence of Horde monuments on the investigated territory. The Russian-Horde borderline was situated further to the South and by its territory it coincided with the Russian-Polovtsy borderline. But separate Horde enclaves were situated nearby. To the North, between the Oka and the upper reaches of the Don the “tatar places” were situated, to the West in the basin of the Seym there were Akhmat slobodas. We suppose that “buffer zones” singled out by V.L.Yegorov were not a continuous strip near the Russian-Horde borderline.

The investigation of the boundaries of the principalities has shown that until the middle of the XII century the lands in the upper and middle reaches of the river Voronezh could really form part of Murom-Ryazan principality. The annalistic region “Voronezh” was originally formed in the middle reaches of the river Voronezh and in the lower reaches of the river Matyra. Its southern borderline was situated in the neighbourhood of Romanov sites of ancient settlement. The south-western boundary of the principality did not reach the Don, where the monuments of the XI–the first half of the XII centuries are unknown. It obviously went along the tributaries of the Oka, i.e. along the rivers Pron, Ranova. The south-eastern boundaries of Chernigov-Seversk principality were delimited at that time along the river Fast Sosna by one of its sections in its lower reaches, where Lavskiy open commercial-handicraft settlement was situated. It is possible that the upper and middle reaches of the river Krasivaya Mecha also formed a part of it. During the period of the late XI–the first half of the XII centuries in conditions of extremely poor assimilated territory the borderline on Chernigov-Ryazan boundary was not yet formed [3]. It presented separate scarcely populated enclaves near the borderline with the Polovtsy.

In the second half of the XII–the first half of the XIII centuries the borderline between the principalities was defined in the upper part of the Don. The borderline of Ryazan land was situated along the right bank of the river Don to the mouth of the river Voronezh. The south-western bounds of the land fully included the basin of the river Voronezh. In the South-East the Ryazan possessions enclosed the upper reaches of the river Tsna. Possessions of Chernigov-Seversk principality included the basins of the rivers Krasivaya Mecha and Fast Sosna and nearly went up to the Don.

The borderline in the south of Chernigov-Ryazan boundary formed by the middle of the XIII century remained unchanged till the late XV century and went along the Don up to the mouth of the river Voronezh [5]. Certain markers of the south-western borderline of Ryazan principality were the volosts Romantsevo, Teshev, Voronezh, the sizes of which considerably grew by the middle of the XIY century. On the right bank of the upper Don possessions of Novosilsk principality were situated since the late XIII–the third quarter of the XIV centuries in the basins of the Krasivaya Mecha and the Fast Sosna. In the last quarter of the XIV–the early XV centuries the right bank of the lower reaches of the Fast Sosna became the main territory of Yelets principality.

For a short period of time during the second half of the XV–the middle of the XVI centuries the territory ravaged by the Tatars remained unpopulated. In the second half of the XVI century active assimilation of the region was continued by the centralized state.

Our investigation of the material and spiritual culture of the ancient Russian population of southern territories of the Chernigov-Ryazan boundary has shown that their politic, economic and cultural development was going on in the course of general regularities of the evolution of Russia in the period of political disconnection.

Список источников и литературы

1. Воротынцев, Л. В. (2017) *Волго-Днепровский участок евразийского торгового пути в золотоордынскую эпоху (вторая половина XIII-XV века)* // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 4. С. 25-28.
2. Воротынцев, Л. В. (2018) *Лесостепное пограничье Днепро-Донецкого региона в XV-XVI в.: от «контактной зоны» к «территории страха»* // *Filo Ariadne*. № 1 (9). С. 108-118.
3. Дедук, А. В. (2015) *Чернигово-Рязанское порубежье в XII-XIII вв.* // Восточная Европа в древности и средневековье. М.: Ин-т Всеобщей истории РАН. Т.27. С. 80-84.
4. Тропин, Н. А. (2012) *Культурный слой средневекового Ельца (XIV – XV вв.): История и перспективы изучения* // Матеріальна та духовна культура Південної Русі. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від дня народження В.Й. Довженка (Чернігів – Шестовиця, 16–19 липня 2009 р.). Київ – Чернігів: Чернігівський національний педагогічний університет. С. 312-315.
5. Тропин, Н. А., Андреев С. И. (2013) *Юго-восточная окраина Руси: этнокультурное единство и региональные особенности* // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Вып. 2 (118). С. 243-246.
6. Тропин, Н. А. (2016) *О восстановлении монголами Донского торгового пути в середине XIII века* // *Stratum plus: археология и культурная антропология*. № 5. С. 133-140.
7. Тропин, Н. А. (2018) *Освоение южнорусским населением Правобережья Верхнего Дона в XI-XIII веках* // Старожитності Лівобережжя Дніпра. Збірник наукових праць. Київ – Котельва: ЦП НАН України. С. 335-344.
8. Тропин, Н. А. (2021) *Предметы вооружения и воинского снаряжения второй половины XIV – начала XV в. Елецкого княжества* // Краткие сообщения Института археологии. № 262. С. 339-358 <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.262.339-358>
9. Тропин, Н. А., Ермаков, С. В. (2022) *Находка монгольского доспеха в округе Ельца* // Археология евразийских степей. № 4. С. 54-61. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.54.61>

References

1. Vorotyntsev, L. V. (2017) *Volgo-Dneprovskij uchastok evrazijskogo trgovogo puti v zolotoordynskuyu epohu (vtoraya polovina XIII-XV veka)* [The Volga-Dnieper section of the Eurasian trade route in the Golden Horde era (the second half of the XIII-XV century)] in *Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 4, 25-28. (in Russian).
2. Vorotyntsev, L. V. (2018) *Lesostepnoe pogranič'je Dnepro-Donetskogo regiona v XV-XVI v.: ot «kontaktnoj zony» k «territorii straha»* [Forest-steppe borderland of the Dnieper-Donetsk region in the XV-XVI centuries: from the "contact zone" to the "territory of fear"] in *Filo Ariadne*, 1(9), 108-118. (in Russian).
3. Deduk, A. V. (2015) *Chernigovo-Ryazanskoe porubezh'e v XII-XIII vv.* [Chernihiv-Ryazan borderlands in the XII-XIII centuries] *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages] Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences Publ., no. 27, 80-84 (in Russian).
4. Tropin, N. A. (2012) *Kul'turnyj sloj srednevekovogo El'ca (XIV – XV vv.): Istorija i perspektivy izučeniya* [The cultural layer of medieval Yelets (XIV – XV centuries): History and prospects of study] *Матеріальна та духовна культура Південної Русі*. [Material and spiritual culture of southern Russia]. Kiev – Chernihiv, Chernigivsk'ij nacional'nij pedagogičnij universitet, 312-315. (in Ukraine).

5. Tropin, N. A., Andreev S. I. (2013) *Yugo-vostochnaya okraina Rusi: etnokul'turnoe edinstvo i regional'nye osobennosti* [South-eastern outskirts of Russia: ethno-cultural unity and regional peculiarities South-eastern outskirts of Russia: ethno-cultural unity and regional peculiarities] in *Bulletin of Tambov State University*, 2 (118), 243-246. (in Russian).

6. Tropin, N.A. (2016) *O vosstanovlenii mongolami Donskogo torgovogo puti v seredine XIII veka* [On the Restoration of the Don Trade Route by the Mongols in the Middle of the 13th Century] in *Stratum plus*, 5, 133-140. (in Moldova).

7. Tropin, N. A. (2018) *Osvoenie yuzhnorusskim naseleniem Pravoberezh'ya Verhnego Dona v XI-XIII vekah* [South Russian population on the Right Bank of the Upper Don in the XI-XIII centuries] *Старожитності Лівобережжя Дніпра. Збірник наукових праць*. [Antiquities of the Left Bank of the Dnieper. Collection of scientific papers] Kiev – Kotelva: National Academy of Sciences of Ukraine, 335-344 (in Ukraine).

8. Tropin, N. A. (2021) *Predmety vooruzheniya i voinskogo snaryazheniya vtoroj poloviny XIV- nachala XV v. Eleckogo knyazhestva* [Weapons and accoutrements of the second half of the 14th– early 15th centuries from the principality of Yelets] in *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 262, 339–358. <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.262.339-358> (in Russian).

9. Tropin, N. A., Ermakov, S. V. (2022) *Nahodka mongol'skogo dosppekha v okruge El'ca* [The discovery of mongolian armor in the Yelets district] in *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 4, 54-61. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.54.61> (in Russian).

XVII CENTURY / XVII ВЕК

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-65-76>

УДК 271.4-9-726.1-4(476)"15":62

**РЕФОРМЫ ИОСИФА ВЕЛЬЯМИНА РУТСКОГО КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ
УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ НА БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.***Сергей Ф. Веремеев**Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины
ул. Советская, д. 104, Гомель, 246022, Беларусь***Аннотация**

Введение. В данной статье рассматривается влияние реформ Иосифа Вельямина Рутского, который возглавлял Киевскую униатскую митрополию в 1613-1637 гг., на дальнейшее развитие униатской церкви на белорусско-украинских землях. **Материалы и методы.** Статья подготовлена на основе критического анализа историографии истории униатской церкви и опубликованных исторических источников, включая и труды Иосифа Вельямина Рутского. Методологической основой послужили принципы объективности и историзма. Автором статьи были использованы общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и специально-исторические методы исследования (сравнительно-исторический, историко-генетический). **Результаты.** Основными свершениями митрополита Рутского стали монашеская реформа и образование конгрегации Св. Троицы, создание сети униатских школ, повышение образовательного уровня духовенства, реформирование административно-территориальной структуры Киевской униатской митрополии. Он отстаивал интересы униатов на заседаниях сеймов, противодействовал прозелитизму латинского духовенства и переходам верующих в латинский обряд. На этом пути его сопровождали как успехи, так и неудачи. **Заключение.** Деятельность Иосифа Вельямина Рутского способствовала выходу из кризисного состояния униатской церкви, её внутреннему укреплению и формированию достаточно прочных основ для её дальнейшего существования. Одновременно это стало серьёзным вызовом для православных, осложнив их положение в Речи Посполитой. Рутский выступил как кризисный менеджер, деятельность которого в основных своих чертах оказалась эффективной и способствовала выходу из кризисного состояния Русской униатской церкви, её внутреннему укреплению и формированию достаточно прочных основ для её дальнейшего существования. С другой стороны, результативность церковной деятельности униатского митрополита не следует излишне преувеличивать. Ему не удалось достигнуть заметного расширения унии на украинских землях, подчинить своей власти Киев и его духовную твердыню – Киево-Печерский монастырь, помешать легализации православной иерархии и передачи православным части культовых сооружений в 1632-1635 гг.

Ключевые слова: Иосиф Вельямин Рутский, уния, униатская церковь, Киевская униатская митрополия, василиане, латинский обряд, православная церковь, белорусско-украинские земли

Для цитирования: Веремеев С.Ф. Реформы Иосифа Вельямина Рутского как фактор укрепления униатской церкви на белорусско-украинских землях в первой половине XVII в. // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 65-76, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-65-76>

Статья поступила: 11.04.2023

Статья принята в печать: 13.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Веремеев С., 2023

REFORMS OF JOSEPH VELIAMIN RUTSKY AS A FACTOR OF STRENGTHENING THE UNIATE CHURCH IN THE BELARUSIAN-UKRAINIAN LANDS IN THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY

Sergey F. Veremeev

Skorina Gomel State University

st. Sovetskaya, 104, Gomel, 246022, Belarus

Abstract

Introduction. This article discusses the impact of the reforms of Joseph Velyamin Rutsky, who headed the Kyiv Uniate Metropolis in 1613-1637, on the further development of the Uniate Church in the Belarusian-Ukrainian lands. **Materials and methods.** The article was prepared on the basis of a critical analysis of the historiography of the history of the Uniate Church and published historical sources, including the works of Joseph Velyamin Rutsky. The principles of objectivity and historicism served as the methodological basis. The author of the article used general scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization) and special historical research methods (comparative historical, historical genetic). **Results.** The main achievements of Metropolitan Rutsky were the monastic reform and the formation of the congregation of the Holy Trinity, the creation of a network of Uniate schools, raising the educational level of the clergy, and reforming the administrative-territorial structure of the Kyiv Uniate Metropolis. He defended the interests of the Uniates at meetings of the diets, opposed the proselytism of the Latin clergy and the conversion of believers to the Latin rite. On this path, he was accompanied by both successes and failures. **Conclusion.** The activities of Joseph Velyamin Rutsky contributed to the exit from the crisis state of the Uniate Church, its internal strengthening and the formation of sufficiently strong foundations for its further existence. At the same time, this became a serious challenge for the Orthodox, complicating their position in the Commonwealth.

Keywords: Joseph Velyamin Rutsky, union, Uniate Church, Kiev Uniate Metropolia, Basilians, Latin rite, Orthodox Church, Belarusian-Ukrainian lands

For citation: Veremeev S. The reforms of Joseph Velyamin Rutsky as a factor in strengthening the uniate church in the Belarusian-Ukrainian lands in the first half of the XVII century // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 63-73, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-65-76>

Received: 11.04.2023

Revised: 30.08.2023

Published: 22.10.2023

© Veremeev S., 2023

1. Введение

В 1595-1596 гг. была заключена уния Киевской митрополии с Римским Апостольским Престолом, более известная в историографии как Брестская церковная уния. Несмотря на то, что её сторонниками являлась большая часть православных епископов, уже изначально уния столкнулась с серьёзным сопротивлением со стороны части духовенства, мещан и светских элит Речи Посполитой (магнатории и шляхты). Не приняло унии казачество, ставшее мощным фактором противодействия её распространению. Показательно, что Киев – центр митрополии, не признал власти униатских митрополитов. Даже Ипатий Потей, отличавшийся решительностью и жёстким стилем управления, не сумел подчинить своей юрисдикции ни Киев, ни Киево-Печерский монастырь. Само существование унии в Речи Посполитой ставилось под вопрос на сеймах начала XVII в. Однако, несмотря на шаткость, непрочность положения, позиции униатской церкви на белорусско-украинских землях постепенно укреплялись. В середине XVII в. казацкий летописец Р. Ракушка-Романовский писал, что «...уже не только уния в Литве, на Волыни, но и на Украине начала гору брать...» [16, с. 51]. Что привело к этому? Почему, несмотря на неблагоприятные обстоятельства и сильное противодействие части общества, уния сохранилась и более того, к середине XVII столетия даже укрепилась? Можно ли объяснить это только лишь её поддержкой со стороны властей Речи Посполитой, Римской курии, иезуитов, фанатизмом её сторонников и насильственными методами распространения? Поиску ответа на эти вопросы, которые, как кажется, недостаточно исследованы в историографии, и посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Исследование проведено на основе критического анализа научных публикаций по истории униатской церкви и опубликованных исторических источников. Основными источниками выступили сочинения Иосифа Вельямина Рутского, его завещание, а также так называемое «Житие Рутского», написанное Рафаилом Корсаком. Методологическая основа исследования – принципы объективности и историзма. Были использованы общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и специально-исторические методы (сравнительно-исторический, историко-генетический).

3. Результаты

Важным фактором, способствовавшим внутреннему укреплению униатской церкви и усилению её позиций на белорусско-украинских землях, стали реформы, проведённые митрополитом Иосифом Вельямином Рутским. Персоне этого иерарха посвящено несколько биографических исследований, с которыми может ознакомиться читатель [1; 5; 7; 8; 11]. Целью же данной статьи является специальное рассмотрение осуществлённых Рутским преобразований в церковной жизни. Изучение данного аспекта важно и для более глубокого понимания того положения, в которой находились православные в Речи Посполитой, не желавшие принимать унию с Римом.

Одной из главных реформ Рутского стала *монашеская реформа*. Монашество – главная опора церкви, в ту эпоху на белорусско-украинских землях находилось в упадке. Показательный пример: Иосафат Кунцевич, который ушёл в монастырь, и с неюфитской горячностью стремился к духовному совершенству, за неимением опытных духовников вынужден был искать советов в святоотеческой литературе [19, с. 38]. Сам Рутский писал о том, что современные ему монахи не знают, что такое в действительности духовное совершенство, для чего нужны монашеские обеты и созерцание [13, с. 374-375].

Ещё в то время, когда Рутский был священником, а затем и архимандритом монастыря Св. Троицы в Вильно, он ввёл в обители практику частого причащения Св. Тайн, особенно новоначальными (даже дважды в неделю), испытание совести, духовные размышления [17, с. 110]. Эти практики были свойственны тогдашней Западной церкви, но их не было в то время в Восточной церкви на белорусско-украинских землях. Полагаем, что данные меры выступили важным стимулом оживления духовной жизни иноков. Монастырь Св.

Троицы при Рутском превратился в своего рода форпост унии и её миссионерский центр, откуда эмиссары направлялись для организации других обителей. По инициативе униатского архимандрита был основан мужской монастырь в Бытене и новициат в нём. Помимо того, Рутский и Кунцевич стоят у истоков униатского монастыря в Жировичах [22, s. 171].

В июле 1617 г. Рутский, уже на тот момент являвшийся митрополитом, созвал в своем фольварке Новгородовичи (ныне Дятловский район Республики Беларусь) съезд (капитулу) представителей пяти монастырей ВКЛ (Виленский Св. Троицы, Новогрудский, Минский, Жировичский, Бытенский). На этом съезде вышеназванные обители были объединены в единую централизованную структуру – Виленскую конгрегацию Св. Троицы во главе с протоархимандритом, известную также в историографии как Орден василиан [18, с. 29]. Конгрегация Св. Троицы создавалась по образцу монашеских орденов Западной церкви, деятельность которых Рутский мог наблюдать ещё во время своей учёбы в Риме, а затем и у себя на родине в ВКЛ. Монашеские обители, вошедшие в состав вышеназванной конгрегации, одновременно выводились из-под власти епископов, что в определённой степени также способствовало оживлению монашеской жизни. В перспективе василиане с их централизованной структурой превратились в оплот унии в Речи Посполитой.

Устав василиан, подготовленный Рутским на основе сочетания древних монашеских правил Св. Василия Великого и традиций западного монашества, главным образом иезуитов, был положен в основу монашеской жизни Русской церкви более чем на два столетия [18, с. 21]. Три традиционных монашеских обета – послушания, целомудрия и нестяжательства Рутский дополнил четвёртым – каждый василианин давал обет, что не будет стремиться к занятию высших церковных должностей [17, с. 130]. Полагаем, что данная мера в какой-то степени являлась преградой на пути извечной проблемы церковной жизни – симонии.

Для постоянной связи василиан со Святым Престолом, большей эффективности и оперативности в решении возникающих вопросов предполагалось, что в Риме на постоянной основе будет находиться их представитель – прокуратор. Однако эта идея была реализована уже после кончины Рутского – василиане получили представительство в Риме в 1639 г. [17, с. 135]. О важности роли прокуратора как связующего звена с центром Католической церкви свидетельствует тот факт, что позднее, в 19 в. И. Семашко, реформировавший униатскую церковь с целью последующего присоединения её к православию, в качестве одной из мер запретил отправлять прокуратора в Рим.

Первоначально, как уже отмечалось выше, в Виленскую конгрегацию Св. Троицы вошло 5 монастырей, но постепенно к ней присоединялись и другие обители. В 1624 г. она включала уже 20 монастырей, а к моменту кончины Рутского (1637 г.) – 28. По другим данным, к 20-м гг. XVII в. в конгрегацию Св. Троицы входило 36 монастырей [4, с. 18]. Вместе с тем, численность василиан не следует преувеличивать: в 1636 г. их предположительно насчитывалось не более 160 человек [15, с. 179]. Одновременно с образованием мужских монастырей появились и женские василианские обители [4, с. 18], однако более подробными данными о них мы не располагаем.

По замыслу Рутского монахи-василиане должны были заниматься укреплением униатской церкви и дальнейшим распространением унии [5, с. 30]. Одним из способов для этого являлось религиозное просвещение духовенства и верующих. Здесь следует пояснить, что в Восточной церкви на белорусско-украинских землях остро стояла проблема образования. Показательно, что в конце XVI в. треть монахов даже не могла написать своё собственное имя [3, с. 173]. С другой стороны, эта проблема осознавалась далеко не всеми современниками, в монашеский идеал не входило умение читать и писать, а в обществе господствовало представление, что для священника вполне достаточно умения служить литургию и совершать обряды [3, с. 173; 14, с. 106-107]. Рутский не разделял данного мнения и напротив, придавал большое значение созданию в униатской церкви собственных школ.

Это являлось одним из приоритетных направлений в его деятельности. Отметим также, что по мнению Рутского, молодым русинам следует получать образование у себя на родине, а не в католических школах Западной Европы, где они во время учёбы зачастую принимали латинский обряд, а те из них, кто сохранял верность обряду восточному, по возвращении на родину сталкивались с недоверием и подозрительным отношением к себе со стороны соотечественников, и в таких условиях не могли принести пользу церкви [13, с. 379].

Ещё будучи наместником (коадьютором) митрополита И. Потей, он получил в 1613 г. королевский привилей, согласно которому монахи из обители Св. Троицы получали право открывать школы [6, с. 500], где изучались бы греческий, славянский, польский языки, латынь и «русська мова». В результате, к примеру, на белорусских землях были основаны униатские («русские») школы в Новогрудке (1613 г.), Минске (ок. 1615 г.), Бытени, Полоцке, Жировичах, Барунах, Черее (ок. 1617 г.), Могилеве (ок. 1624 г.). В 1615 г. Папа Павел V значительно повысил их статус, приравняв его к статусу иезуитских школ [10, с. 90-91]. После образования конгрегации Св. Троицы униатские школы передавались под опеку василиан. Рущкий считал, что учителя из монахов имеют преимущество перед светскими учителями, так как в отличие от светских они учат не только знаниям, но и благочестивому образу жизни [13, с. 378]. Однако из-за нехватки подготовленных кадров на первоначальном этапе для преподавания в новициате и, вероятно, в униатских школах привлекались иезуиты и кармелиты [6, с. 516-517]. Большое внимание уделялось образованию самих василианских монахов, которые должны были преподавать в создаваемых школах. В 1621 г. было принято решение, предписывавшее, что каждый из них должен был при первой возможности пройти курс обучения в новициате [5, с. 91]. В униатских или «русских» школах могли получать образование как представители духовенства, так и светские лица. Программа включала изучение как восточной (патристика, старославянский, греческий языки), так и западной христианской традиции и культуры (теология Западной церкви, латынь). В школе в Новогрудке, к примеру, читали Иоанна Дамаскина и Фому Аквинского по-славянски [3, с. 284]. По мнению белорусского историка С. В. Морозовой, василианские школы способствовали формированию новой генерации духовенства и выполняли функцию религиозного просвещения верующих. Униатская система образования, несмотря на многие трудности, связанные с её созданием, относительную малочисленность школ, тем не менее, представляла собой некую альтернативу иезуитским школам, где молодые русины колонизировались и зачастую переходили в латинский обряд [10, с. 94-95].

В планах Рутского было также открытие семинарии в Минске на 100 человек для подготовки униатских священников и миссионеров. Последние должны были способствовать заключению унии с Римом церковью Московского государства, Валахии, Молдавии, Венгрии, Сербии, Болгарии. Однако проект открытия семинарии, несмотря на огромные усилия, предпринимаемые митрополитом, при его жизни так и не был реализован из-за организационных и финансовых трудностей [6, с. 512].

Хотя Рутский был сторонником того, чтобы русины получали образование у себя на родине, он стремился использовать и высокий образовательный потенциал Папских коллегий в интересах своей церкви. Это было необходимо и для подготовки учительских кадров для василианских школ. Митрополит сумел добиться выделения 22 мест в Папских коллегиях: Греческая коллегия в Риме, Вена, Прага, Оломоуц, Брунсберг и др. Начиная с 1624 г. в Греческой коллегии могли учиться и светские лица, принадлежащие к Русской униатской церкви [10, с. 92]. Известно, что к примеру, там получил образование Рафаил Корсак, ставший преемником Рутского на митрополичьем престоле.

Таким образом, в результате усилий митрополита в Русской униатской церкви появился слой духовенства и верующих, обладавших образованием и богословскими знаниями, в частности. В 1627 г. Рущкий, вероятно, не без удовлетворения писал, что ранее никому не удавалось достичь то, чтобы у всех епископов было богословское образование [9, с. 16].

Отметим также, что по указанию Рутского при монастырях создавались скриптории и типографии. Митрополитом был основан архив василиан при монастыре Св. Троицы в Вильно, с течением времени ставший архивом всей Русской униатской церкви [11, с. 64].

Важным средством упрочения унии и её распространения являлась проповедь. Очевидно, что Рутский являлся сторонником того, чтобы она звучала на языке, понятном населению. В 1636 г. Виленская капитула постановила, чтобы василиане проповедовали на «русской мове» [6, с. 520]. Эта мера могла способствовать популяризации униатских идей в обществе.

Рутский провёл реформу административно-территориальной структуры Киевской митрополии: с целью более эффективного управления епархии были разделены на так называемые соборы по образцу Латинской церкви, епархии (диацезии) которой делились на официалаты, по сути, аналогичные вышеупомянутым соборам. Под руководством Рутского была проведена разработка механизма организации и проведения генеральных визитаций на территории митрополии [12, с. 36]. Поясним, что под генеральной визитацией понимается процесс инспектирования храмов и приходов церковными иерархами или их представителями. Эти меры способствовали внутреннему укреплению униатской церкви. Отметим также, что Рутский позаботился об источниках финансового обеспечения будущих митрополитов Русской униатской церкви. Своим преемником на митрополичьем престоле он завещал своё родовое имение Руту с двумя фольварками [8, с. 42].

В рассматриваемое время в Восточной церкви на белорусско-украинских землях действовало право патроната, предполагавшее, в частности, право магнатов, шляхты, магистратов, церковных братств назначать своих кандидатов на церковные должности, в том числе и светских лиц. Рутский, в свою очередь, являлся противником этого, выступая за усиление административной власти епископов. Стремясь не допустить назначения на Холмскую кафедру кандидата, которого он считал недостойным (этого кандидата выдвинул подканцлер К. Збаражский), униатский митрополит сам вступил в управление кафедрой и стоял во главе её на протяжении нескольких лет, а затем передал своему кандидату М. Терлецкому [3, с. 290]. Вероятно, вследствие усилий Рутского, король Владислав IV Ваза в 1635 г. издал привилей, согласно которому право занимать митрополичий престол и епископские кафедры в Русской униатской церкви отныне получали только василиане [17, с. 120], что значительно ослабляло влияние светских лиц на замещение вакантных должностей в церковной иерархии.

Довольно успешной была кадровая политика митрополита Иосифа. На ключевые должности в церковной иерархии он выдвинул неординарных лиц, являвшихся убеждёнными сторонниками унии. Так, И. Кунцевич стал Полоцким архиепископом, возглавив крупнейшую епархию в униатской церкви; богослов и полемист Лев Кревза являлся архимандритом монастыря св. Троицы в Вильно, а затем первым униатским архиепископом Смоленска; полемист И. Мороховский – епископом Владимирским и Брестским. Протоархимандритом василиан был близкий к Рутскому и пользовавшийся его доверием Р. Корсак. А. Селява после убийства И. Кунцевича возглавил Полоцкую кафедру, а впоследствии (после кончины Р. Корсака) и всю Киевскую униатскую митрополию. Можно назвать также Мефодия Терлецкого – униатского миссионера на Балканах, ставшего затем Холмским епископом; Афанасия Пакосту – основателя «русской» школы в Минске и Холмского епископа. Представляется, что Рутскому удалось сформировать команду единомышленников, на которых он мог опираться в своей церковной деятельности.

В начале XVII в. очень сложными были взаимоотношения сторонников и противников Брестской унии. Апогеем противостояния между ними стало жестокое убийство в Витебске в ноябре 1623 г. Полоцкого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича. Гибель И. Кунцевича способствовала активизации переговоров православных и униатов об их возможном объединении. Эти переговоры, равно как и попытки проведения объединительных

соборов сначала в Кобрине в 1626 г., а затем во Львове в 1629 г. [11, с. 46-62] хотя и не увенчались успехом, но привели к установлению личных контактов между представителями обеих сторон и несколько сбавили градус напряженности в их противостоянии. Возможно, Рутский являлся автором (или одним из авторов) проекта создания отдельного патриархата с центром в Киеве, который находился бы в единстве с Римским Папой. Эта идея не была реализована, но оказалась живуча вплоть до современности.

Отметим также, что Рутский предпринял большие усилия, направленные на беатификацию его единомышленника и друга Иосафата Кунцевича. В 1633 г. Корсак был отправлен в Рим, который наряду с выполнением иных задач должен был всячески содействовать началу беатификационного процесса Кунцевича [3, с. 300]. Несмотря на то, что последний был причислен к лику блаженных в 1643 г., уже после смерти митрополита, это событие имело большое значение для последующего развития униатской церкви. Появление культа Кунцевича способствовало обособлению униатов от православных (униатско-православное противостояние воспринималось с обеих сторон тогда не как борьба двух церквей, а как противостояние в рамках единой Восточной церкви). По мнению Д. В. Лисейчикова, культ И. Кунцевича стал одним из главных элементов новой униатской конфессиональной идентичности русинов в ВКЛ в XVII в., так называемой *Slavia Unita* [2, с. 256-257].

Рутский отстаивал унию и с помощью литературного слова. Он стал одним из главных полемистов униатского лагеря и, пожалуй, главным оппонентом наиболее яркого полемиста из среды противников унии – М. Смотрицкого. На появление книги М. Смотрицкого «*Верификация невинности*», в которой обосновывалась законность епископских хиротоний, тайно совершённых патриархом Иерусалима Феофаном в Киеве в 1620 г. (т.е. появление у противников унии своей иерархии) Рутский ответил трактатом «*Двойная вина*» [21], где вышеназванные взгляды оспаривались. М. Смотрицкий в том же году опубликовал «*Оборону верификации*», на которую Рутский ответил «*Экзаменом обороны*» [20]. За их полемикой следила интеллектуальная элита ВКЛ, в неё включались и другие представители как православной, так и униатской сторон [8, с. 33].

Исследователи отмечают, что Рутский был редактором полемического трактата Л. Кревзы «*Оборона церковного единства*», также при его участии в Вильно в 1628 г. был издан первый униатский катехизис «*Наука, яко верити маєт каждый, который цитируется наречением Православия, згодная з Письмом Святым и со святыми учителями церковными, и принятая от Соборное Апостольское Церкви*» [11, с. 64-65]. Разумеется, сочинения Рутского (и униатских писателей в целом) не привели к массовым конверсиям православных в унию, но их роль также не следует недооценивать. Как известно, М. Смотрицкий в 1627 г. перешёл в унию и стал её убеждённым сторонником, что было воспринято современниками как сенсация, а то и чудо. Возможно, на перемену его взглядов определённое влияние оказал как сам Рутский, с которым Смотрицкий лично встречался и беседовал во время сеймов, так и его полемические сочинения. Примечательно, что своё исповедание веры о присоединении к униатам Смотрицкий дал в присутствии митрополита Иосифа [11, с. 52]. Полемические труды Рутского, содержащие аргументы в пользу унии Восточной церкви с Римом, обосновывающие её каноничность, соответствие воли Божией, могли убеждать и некоторых читателей из числа православных русинов. Помимо того, его сочинения, равно как и труды других униатских авторов были призваны повлиять и на решения представителей властных кругов Речи Посполитой, принимаемые на сеймах и сеймиках [3, с. 190]. Помимо того, Рутский лично выступал в защиту унии на заседаниях сеймов, например, в 1623 г. [5, с. 36].

Весьма непростыми при митрополите Рутском были взаимоотношения между униатами и представителями Латинской церкви. В то время в Католической церкви получило распространение мнение о превосходстве латинского обряда над прочими обрядами. Исходя из этого латинское (римо-католическое) духовенство нередко занималось прозелитизмом

среди русинов, причём весьма успешно. Переходы верующих в латинский обряд ослабляли униатскую церковь изнутри. Рутский писал в Конгрегацию пропаганды веры: *«от принятия русинами унии до настоящего времени (1624 г.) более двухсот детей шляхты изменили обряд на латинский... и ежегодно по крайней мере сто особ шляхетского происхождения бросает унию и принимает латинство»* [15, с. 180]. Среди латинского духовенства имело место отрицательное отношение к униатам. В 1620-е гг. Рутский писал в Рим: *«Отдельные латинские епископы и монахи нам прямо в глаза говорили: лучше ликвидировать унию, чем ее поддерживать...»*. [15, с. 180]. В другом своём письме Рутский отмечал: *«почти все миряне и большинство лиц духовных не только не помогают нам во внедрении унии, но потворствуют схизматикам, одни откровенно, другие тайно, или же иначе препятствуют нам во внедрении унии»* [3, с. 296]. В результате усилий митрополита Рим в феврале 1624 г. запретил переходы светских лиц и духовенства в латинский обряд (без своего специального разрешения). Из-за сопротивления латинского епископата и короля Сигизмунда III в июле 1624 г. данный запрет был скорректирован и должен был касаться лишь духовенства [3, с. 293]. Хотя решение 1624 г. де-факто зачастую не выполнялось, оно создавало прецедент и продемонстрировало, что Святой Престол выступает против упразднения восточного обряда. Показательно, что даже в своем завещании (написанном на «русской мове») Рутский выражал озабоченность тем, что знать не поддерживает униатскую церковь, отдавая предпочтение церкви Латинской [8, с. 40].

Социальный статус Русской униатской церкви в Речи Посполитой был низким. Примечательно, что Папский нунций Ланчелотти сравнивал отношение поляков к униатам с отношением в Риме к евреям [15, с. 181]. Вероятно, поляки часто одинаково воспринимали православных и униатов, не делая различий между ними. Виленский латинский викарный епископ почитал себя выше митрополита Русской униатской церкви. Более того, статус Русской униатской церкви ещё и ухудшался в связи с оттоком шляхты в Латинскую церковь [3, с. 294-295]. Рутский, напротив, стремился повысить статус своей церкви, искал при этом помощи и поддержки в Риме. В ответ Папа в своём письме к королю отмечал важность того, чтобы униатские и латинские епископы пользовались равными правами и равным доступом в государственные органы. Виленский латинский викарный епископ должен был признать старшинство над собой униатского митрополита. Примасу Папа указывал на необходимость уважения восточного обряда [3, с. 298].

Постепенное укрепление униатской церкви, появление в ней группы образованных священнослужителей открывали возможности для миссионерской деятельности вне белорусско-украинских земель. Русская униатская церковь, возглавляемая митрополитом Иосифом, поддерживала унионное движение во владениях Габсбургов, а на Балканы на миссию Рутский отправил монаха Мефодия Терлецкого. Близкий к митрополиту Р. Корсак являлся сторонником заключения унии с армянами, проживавшими в Речи Посполитой [3, с. 300-301]. Можно предположить, что на этот счёт проводились даже какие-то переговоры с армянскими иерархами.

4. Заключение

Иосиф Вельямин Рутский, возглавлявший униатскую церковь в Речи Посполитой на протяжении почти четверти века (1613-1637 гг.), провёл в ней ряд преобразований, главными из которых, на наш взгляд, являлись монашеская реформа и образование конгрегации Св. Троицы, открытие униатских школ и повышение образовательного уровня духовенства, реформирование административно-территориальной структуры Русской униатской митрополии. Он также боролся за укрепление позиций унии в обществе с помощью полемических сочинений, отстаивал её на заседаниях сеймов, противодействовал прозелитизму латинского духовенства и переходам униатов в латинский обряд, результатом чего стал запрет этих переходов Римом в 1624 г. Рутский стремился также повысить социальный статус униатской церкви. Выражаясь современным языком, Рутский выступил как кризисный менеджер,

деятельность которого в основных своих чертах оказалась эффективной и способствовала выходу из кризисного состояния Русской униатской церкви, её внутреннему укреплению и формированию достаточно прочных основ для её дальнейшего существования. С другой стороны, результативность церковной деятельности униатского митрополита не следует излишне преувеличивать. Ему не удалось достигнуть заметного расширения унии на украинских землях, подчинить своей власти Киев и его духовную твердыню – Киево-Печерский монастырь, помешать легализации православной иерархии и передачи православным части культовых сооружений в 1632-1635 гг. Тщетными оказались его попытки объединения с православными, создания униатской семинарии в Минске. Реформы Рутского, укрепившие позиции униатов, одновременно явились серьёзным вызовом для православных, осложнив их положение в Речи Посполитой.

Список источников и литературы

1. Жукович, П. Н. (1909). *Жизнеописание митр. Иосифа Вельямина Рутского, составленное митр. Рафаилом Корсаком, и сочинение Рутского об улучшении внутреннего строя униатской церкви* // Христианское чтение. № 8-9. С. 1089–1108.
2. Лисейчиков, Д. В. (2020). «Окрестихъ раба Божяго Ежсефата». *Практика именная наречения в честь Иосафата Кунцевича как маркер самоидентификации Униатской Руси ВКЛ XVII-XVIII вв.* // Религия и русь, XV–XVIII вв. М.: Политическая энциклопедия. С. 256-269
3. Маха, Й. (2014). *Объединение церквей. Теоретические основания и разбор частных случаев из истории латино-византийских отношений.* Новосибирск: Манускрипт. 456 с.
4. Петрушко, В. И., Калининченко, Е. В., Курышева, М. А. (2004). *Василиане* // Православная энциклопедия. Т. 7. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия». С. 17-27
5. Турук, Ф. (1916). *Униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский (1613-1637) и его значение в истории Униатской Западной русской церкви.* Петроград: Сенатская типография. 41 с.
6. Харлампович, К. (1898). *Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века.* Казань: Типо-литография Императорского университета. 524 с.
7. Верамееў, С. Ф. (2018). *Мітрапаліт Іосіф Вельямін Руцкі і яго роля ў гістарычным развіцці Беларусі* // Літаратура та Культура Полісся: зб. наук. прац. Вып. 92. № 10. С. 37-48
8. Лісейчыкаў, Д. (2010). *Мітрапаліт Іосіф Вельямін-Руцкі і яго тастамент* // Асоба і час. Беларускі біяграфічны альманах. Вып. 2. С. 33-49
9. Лісейчыкаў, Д. (2020). «Пяць галоўных штурмаў...»: духоўны тастамент мітрапаліта Кіеўскага, Галіцкага і Ёсёй Русі Іосіфа Вельяміна-Руцкага 1627 года // Беларускі гіст. часопіс. № 3. С.13-20
10. Марозава, С. У. (2001). *Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гады).* Гродна: ГрДУ. 352 с.
11. Саверчанка, І. (1994). *Апостал яднання і веры: Язэп Руцкі.* Мн.: Навука і тэхніка. 67 с.
12. *Уніяцкія царквы Вялікага Княства Літоўскага XVII ст.: матэрыялы генеральных візітацый* / уклад. Д.В. Лісейчыкаў (2021). Мінск: НГАБ. 320 с.
13. *Виклад одного Русина про виправлення устрою в грецькому обряді (2017).* // Записки ЧСВВ. Рим-Львів. С. 371-380
14. Гудзяк, Б. (2000). *Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат і тенева Берестейської унії* / під ред. О. Турія. Львів: Інститут Історії Церкви. 426 с.

15. Добощ, О. (2009). *Унія в особистостях її найвизначніших діячів – митрополита Йосифа Вельяміна Рутського та Йосафата Кунцевича* // Труды Київської Духовної Академії. № 10. С. 175-194
16. *Літопис Самовидця*. (1971). Київ: Наукова думка. 207 с.
17. Підручний, П. (1992). *Василіяньський Чин від Берестейського з'єднання (1596) до 1743 року* // Нарис історії Василянського Чину Святого Йосафата. Рим: Видавництво ОО. Василян. С. 96-182
18. Підручний, П., П'єтнотко Б. (2017). *Василіяньські генеральні капітули від 1617 по 1636 рік*. Т. 1. Рим–Львів. 512 с.
19. *Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації (1623-1628 рр.). Катекизм, укладений Йосафатом Кунцевичем. Правила і конституції, написані святим Йосафатом для своїх священиків* (2010). Жовква: Місіонер. 324 с.
20. *Examen Obrony, to jest odpis na script, Obrona Verificatij nazwany, w ktorым sie zgromadzenie Wilenskie Zejscia Ducha iustificuie, ze nie popadlo w Sowita Wine sobie zadana* (1914) // Архив Юго-Западной России. Ч. I, Т. VIII. Вып. 1. Киев: Лито-типогр. Акц. Об. Г.Т. Корчак-Новицкого. С. 562-596. (in Polish).
21. «*Sowita wina*», сочинение, изданное латино-униатами в 1621 г. (1887) // Архив Юго-Западной России. Киев: Лито-тип. Акц. Об. Н.Т. Корчак-Новицкого, 1887. Ч. I. Т. VII. С. 443–510. (in Polish).
22. *Vita Josephi Velamini Rutski conscripta latine ab eius successore Raphaelae Korsak metropolita Rhussiae eiusdemque verbis hic transcripta ex manuscript quod haberi potuit, alicubi mutilo, nec absolute* (1963) // *Analecta Ordinis S. Basilii Magni*. Vol. IV(X). Fasc. 1-2. Romae. С. 144-182

References

1. Zhukovich, P. N. (1909). *Zhizneopisanie mitr. Iosifa Vel'yamina Rutskogo, sostavlennoe mitr. Rafailom Korsakom, i sochinenie Rutskogo ob uluchshenii vnutrennego stroya uniatskoy tserkvi* [Biography of Metr. Joseph Velyamin Rutsky, compiled by Metr. Rafail Korsak, and Rutsky's essay on improving the internal structure of the Uniate Church] in *Khristianskoe chtenie*. № 8-9, 1089–1108. (in Russian).
2. Liseychikov, D. V. (2020). «*Okrestikh raba Bozhago Ezhefata*». *Praktika imyana-recheniya v chest' Iosafata Kuntsevicha kak marker samoidentifikatsii Uniatskoy Rusi VKL XVII-XVIII vv.* [«Baptized the servant of God Ezhefat». The practice of naming in honor of Iosafat Kuntsevich as a marker of self-identification of Uniate Rus' in the GDL of the XVII-XVIII centuries] in *Religiya i rus', XV–XVIII vv.* Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 256-269. (in Russian).
3. Makha, Y. (2014). *Ob"edinenie tserkvey. Teoreticheskie osnovaniya i razbor chastnykh sluchaev iz istorii latino-vizantiyskikh otnosheniy* [The unification of churches. Theoretical foundations and analysis of particular cases from the history of Latin-Byzantine relations]. Novosibirsk: Manuscript. (in Russian).
4. Petrushko, V. I., Kalinichenko, E. V., Kurysheva, M. A. (2004). *Vasiliane* [Basilians] in *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Т. 7. М.: TsNTs «Pravoslavnaya Entsiklopediya», 17-27. (in Russian).
5. Turuk, F. (1916). *Uniatskiy mitropolit Iosif Vel'yamin Rutskiy (1613-1637) i ego znachenie v istorii Uniatskoy Zapadnoy russkoy tserkvi* [Uniate Metropolitan Joseph Velyamin Rutsky (1613-1637) and his significance in the history of the Uniate Western Russian Church]. Petrograd: Senatskaya tipografiya. (in Russian).

6. Kharlampovich, K. (1898). *Zapadnorusskie pravoslavnye shkoly XVI i nachala XVII veka* [Western Russian Orthodox schools of the 16th and early 17th centuries]. Kazan': Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta. (in Russian).
7. Verameeŭ, S. F. (2018). *Mitrapalit Iosif Vel'yamin Rutski i yago rolya ŭ gistarychnym razvitstsi Belarusi* [Metropolitan Joseph Velyamin Rutsky and his role in the historical development of Belarus] in *Literatura ta Kul'tura Polissya: zb. nauk. prats. Vip. 92. № 10*, 37-48. (in Belarusian).
8. Liseychykaŭ, D. (2010). *Mitrapalit Iosif Vel'yamin-Rutski i yago tastament* [Metropolitan Joseph Velyamin-Rutski and his testament] in *Asoba i chas. Belaruskі biyagrafichny al'manakh. Vyp. 2*, 33-49. (in Belarusian).
9. Liseychykaŭ, D. (2020). "Pyats' galoŭnykh shturmaŭ...": *dukhoŭny tastament mitrapalita Kieŭskaga, Galitskaga i Ŭsey Rusi Iosifa Vel'yamina-Rutskaga 1627 goda* ["Five main assaults...": the spiritual testament of Metropolitan of Kyiv, Galicia and All Rus' Joseph Velyamin-Rutsky in 1627] in *Belaruskі gist.chasopis. № 3*, 3-20. (in Belarusian).
10. Marozava, S. U. (2001). *Uniyatskaya tsarkva ŭ etnakul'turnym razvitstsi Belarusi (1596-1839 gady)* [The Union Church in the ethno-cultural development of Belarus (1596-1839)]. Grodna: GrDU, 2001. (in Belarusian).
11. Saverchanka, I. (1994). *Apostal yadnannya i very: Yazep Rutski* [Apostle of Unity and Faith: Joseph Rutsky]. Mn.: Navuka i tekhnika. 67 s. (in Belarusian).
12. *Uniyatskiya tserkvy Vyalikaga Knyastva Litoŭskaga XVII st.: materyyaly general'nykh vizitatsyy* [Union churches of the Grand Duchy of Lithuania of the 17th century: materials of general visitations] / uklad. D.V. Liseychykaŭ (2021). Minsk: NGAB. 320 s. (in Belarusian)
13. *Viklad odnogo Rusina pro vipravlennya ustroyu v grets'komu obryadi* (2017) [The exposition of one Ruthenian about correcting the system in the Greek rite] in *Zapiski ChSVV. Rim-L'viv*, 371-380. (in Ukrainian).
14. Gudzyak, B. (2000). *Kryza i reforma: Kiivs'ka mitropoliya, Tsargorods'kiy patriarkhat i reneza Beresteys'koï unii* [Crisis and reform: Kyiv Metropolitanate, Tsargorod Patriarchate and the genesis of the Union of Brest] / pid red. O. Turiya. L'viv: Institut Istorii Tserkvi. (in Ukrainian).
15. Dobosh, O. (2009). *Uniya v osobistostyakh ii nayviznachnishikh diyachiv – mitropolita Yosifa Vel'yamina Ruts'kogo ta Yosafata Kuntsevicha* [The Union in the personalities of its most prominent figures – Metropolitan Joseph Velyamin Rutskyi and Yosaphat Kuntsevich] in *Trudi Kiivs'koï Dukhovnoï Akademii. № 10*, 175-194. (in Ukrainian).
16. *Litopis Samovidtsya.* (1971) [Chronicle of Samovidets]. Kiiv: Naukova dumka. (in Ukrainian).
17. Pidruchniy, P. (1992). *Vasiliyan'skiy Chin vid Beresteys'kogo z'ednannya (1596) do 1743 roku* [The Basilian Order from the Brest Union (1596) to 1743] in *Naris istorii Vasiliyan'skogo Chinu Svyatogo Yosafata.* Rim: Vidavniststvo OO. Vasiliyan, 96-182. (in Ukrainian).
18. Pidruchniy, P., P'etnochko B. (2017). *Vasiliyans'ki general'ni kapituli vid 1617 po 1636 rik* [Basilian General Chapters from 1617 to 1636.]. T. 1. Rim-L'viv. (in Ukrainian).
19. *Svyatyy Yosafat Kuntsevich: dokumenty shchodo beatifikatsii (1623-1628 rr.). Katekhizm, ukladeniy Yosafatom Kuntsevichem. Pravila i konstitutsii, napisani svyatim Yosafatom dlya svoikh svyashchenikov* (2010) [Saint Josaphat Kuntsevich: documents regarding beatification (1623-1628). Catechism compiled by Yosaphat Kuntsevich. The rules of its constitution, written by Saint Josaphat for his priests]. Zhovkva: Misioner. (in Ukrainian).
20. *Examen Obrony, to jest odpis na script, Obrona Verificatij nazwany, w ktorым sie zgromadzenie Wilenskie Zejscia Duchu iustificuie, ze nie popadlo w Sowita Wine sobie zadana* (1914) [Examen of Defense, this is a copy of the script, Defense Verification called, in which the Vilnius Assembly of the Descent of the Spirit proves that it did not fall into the Sowita Blame im-

posed on itself] in *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii*. Ch. I, T. VIII. Vyp. 1. Kiev: Lito-tipogr. Akts. Ob. G.T. Korchak-Novitskogo, 562-596

21. «*Sowita wina*», *sochinenie, izdannoe latino-uniatami v 1621 g.* (1887) [«*Sowita wina*», composition, published by Latin-Uniate in 1621] in *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii*. Kiev : Lito-tip. Akts. Ob. N.T. Korchak- Novitskogo, 1887. Ch. I, T. VII, 443–510.

22. *Vita Josephi Velamini Rutski conscripta latine ab eius successore Raphaelae Korsak metropolitae Rhussiae eiusdemque verbis hic transcripta ex manuscripto quod haberi potuit, alicubi mutilo, nec absolute* (1963) [The life of Joseph Velamini Rutski, written in Latin by his successor Raphael Korsak, Metropolitan of Rus', and here transcribed in the same words from a manuscript that could be had, somewhere mutilated, and not absolutely] in *Analecta Ordinis S. Basilii Magni*. Vol. IV(X). Fasc. 1-2. Romae, 145-146. (in Latin).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-77-91>
УДК 94(47).047+033

РАЗВИТИЕ ТОРГОВОГО ПРОЕКТА И ЕГО РОЛЬ В РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НАЧАЛА 1680-Х ГГ.

Даниил О. Манин

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 620002, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются проблемы развития русско-французских переговоров об организации торговли между Россией и Францией в первой половине 1680-х гг. **Материалы и методы.** Уникальности исследования способствует использование дипломатических материалов как российских (Российский государственный архив древних актов), так и французских архивов (Archives du ministère des affaires étrangères), ранее широко не вовлеченных в научный оборот. Благодаря комплексному использованию документов обеих сторон исследование уточняет детали происходивших в посольствах событий и особенности их восприятия русскими и французскими придворными. Анализ переговоров, их подготовки и обеспечения проведен в контексте методологии новой дипломатической истории с целью установления роли торгового вопроса в развитии дипломатических связей между Россией и Францией. **Результаты.** Результаты исследования показывают существенную роль русско-французского торгового проекта в установлении прямых связей между Россией и Францией, независимых от изменений политики обеих стран в отношении Речи Посполитой и Швеции. В контексте русской придворной политики начала 1680-х гг. показано, что в сближении с Францией были заинтересованы как сторонники противостояния со Швецией, так и их противники, ориентированные на участие России в антиосманской коалиции. При этом подготовка торгового проекта приводила к аналитической работе в обеих странах, расширявшей их представления друг о друге, к интенсификации контактов между представителями обоих государств, а также возникновению сопряженных внешнеполитических проектов. **Заключение.** Работа дополняет сложившиеся в историографии представления об организации русских дипломатических миссий во Францию, сведения о роли в этом процессе руководства Посольского приказа, а также направляемых во Францию посланников и переводчиков, и их собственные представления о своем месте в этом процессе.

Ключевые слова: русско-французские отношения XVII в., кн. В. В. Голицын, история дипломатии, Посольский приказ, дипломатия Людовика XIV

Для цитирования: Манин Д.О. Развитие торгового проекта и его роль в русско-французских отношениях начала 1680-х гг. // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 77-91, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-77-91>

Статья поступила: 14.04.2023

Статья принята в печать: 29.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Манин Д., 2023

DEVELOPMENT OF THE TRADE PROJECT AND ITS ROLE IN RUSSIAN-FRENCH RELATIONS IN THE EARLY 1680s

Daniil O. Manin

*First President Yeltsin Ural Federal University,
st. Mira, 19, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation*

Abstract

Introduction. The article considers the problems of Russian-French negotiations on the organization of trade between Russia and France in the first half of the 1680s. **Materials and methods.** The uniqueness of the study is facilitated by the use of materials from both Russian (Russian State Archive of Ancient Documents) and French archives (Archives du ministère des affaires étrangères), which have not previously been widely used in research. Thanks to the comprehensive use of documents from both sides, the study clarifies the details of the events that took place in the embassies and the specifics of their perception by the Russian and French courtiers. The analysis of the negotiations, their preparation and their procurement is conducted in the context of the methodology of new diplomatic history in order to establish the role of the trade question in the development of diplomatic relations between Russia and France. **Results.** The results of the study show the essential role of the Russian-French trade project in establishing direct connections between Russia and France, independent of changes in both countries policies towards the Polish-Lithuanian Commonwealth and Sweden. In the context of Russian court politics of the early 1680s, it is shown that both supporters of confrontation with Sweden and their adversaries, focusing on Russian participation in the anti-Ottoman coalition, were interested in rapprochement with France. At the same time, the preparation of the trade project led to analytical work in both countries that broadened their perceptions of each other, intensified contacts between representatives of both states, and led to the emergence of conjugate foreign policy projects. **Conclusion.** The work supplements the established in historiography conceptions of the organization of Russian diplomatic missions to France, the information about the role of the management of the Ambassador's office in this process, as well as the envoys and interpreters sent to France and their own perceptions of their place in this process.

Keywords: Russian-French relations in the 17th century, V. V. Golitsyn, history of diplomacy, Russian Ambassador's Office, diplomacy of Louis XIV

For citation: Manin D. Development of the trade project and its role in Russian-french relations in the early 1680s // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 77-91, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-77-91>

Received: 14.04.2023

Revised: 29.08.2023

Published: 22.09.2023

© Manin D., 2023

1. Введение

Одним из наиболее значимых элементов межгосударственных связей в раннее Новое время была торговля. Проекты организации и поддержания торговли развивались как в странах Западной Европы, так и в России. Именно торговые вопросы считались исследователями основными для франко-русского сближения в XVI – первой половине XVII вв. [36, р. 36–38; 3, с. 1], но их значение во второй половине XVII в. сохранялось и даже возрастало, несмотря на то что роль торгового проекта изменялась и переосмыслялась.

Интерес к русско-французским дипломатическим связям в 1680-х гг. возникал у исследователей в конце XIX в. и отчасти был связан с формированием русско-французского союза в этот период. Публикация части архива министерства иностранных дел Франции, посвященной отношениям с Россией, была произведена французским архивистом А. Н. Рамбо, им же были даны комментарии к изданным источникам, которые складывались в первичную историографическую картину [36, р. 39–90]. Также в 1892 г. вышла монография П. В. Безобразова, во многом основанная на публикации А. Н. Рамбо и материалах, ранее собранных С. М. Соловьевым в многотомной Истории России [3, с. 1–32], наконец в 1904 г. была издана работа Н. Н. Бантыш-Каменского, упорядочивающая информацию о русских посольствах во Францию на основе материалов главного архива Министерства иностранных дел [2, с. 78–85]. В дальнейшем обращение к истории русско-французских дипломатических связей происходило чаще всего при подготовке исторического комментария к публикациям источников, это направление начиналось со сборников РИО [25, с. 1–19, 399–408] и далее проявлялось при публикации статейного списка посланника П. И. Потемкина за 1668 г. [26, с. 227–318], а также переписки русских царей с королями Франции до начала XVIII в. [6, с. 10–59]. Во франкоязычной историографии контакты с Россией второй половины XVII в. изучались как часть дипломатии Людовика XIV, особое внимание в последних работах получают вопросы дипломатической репрезентации и особенностей посольских практик [32, р. 38–38; 38, р. 323–336], реже Россия рассматривалась как одно из направлений французской торговли в странах Северной Европы [31, р. 156–204; 34], но это направление может быть существенно дополнено привлечением русскоязычных источников. Другой историографической тенденцией стало рассмотрение контактов с Францией этого периода в контексте русско-польских отношений, достижения такого взгляда на русско-французские связи представлены в работах Е. Е. Замысловского, И. Б. Грекова и Б. Н. Флори [11; 10; 28, с. 139–146]. Впрочем, это направление остается достаточно перспективным для изучения благодаря богатству источниковой базы и, в целом, сложно отрицать что все русские посольства второй половины XVII в. во Францию касались прежде всего проблем русско-польских отношений. Тем не менее вопросы развития торговли стоит рассматривать как отдельный сюжет русско-французского взаимодействия, который в перспективе мог стать основной для регулярных дипломатических связей между Россией и Францией, качественно отличной от сложившейся системы ситуативных связей, продолжавших польскую и балтийскую политику обоих государств. Изучение того, как русские посланники и французские министры выстраивали обсуждение вопросов торговли, может значительно расширить знания об экономических и внешнеполитических представлениях сторон в XVII в. и продемонстрировать как существовавшие возможности к русско-французскому сближению, так и факторы ему противодействовавшие.

2. Материалы и методы

Данная статья посвящена проблемам истории русской дипломатии, в контексте контактов с Францией в первой половине 1680-х гг. В основе исследования лежит методология новой дипломатической истории, которая позволяет отойти от государство-центричного подхода и сфокусироваться на роли социальных отношений и творческом потенциале акторов системы [33, р. 4–7; 38].

В основу источниковой базы исследования вошли материалы архива Министерства иностранных дел Франции [30] и Российского государственного архива древних актов [19; 20; 21; 22; 23; 24]. Эти материалы включают в себя французские источники о приеме русских посольств: отчеты о дипломатическом церемониале, записки придворных об особенностях поведения русских посланников, а также аналитические выписки подготовленные для короля и министра иностранных дел Франции с целями изучения основных предложений русских посланников и их применения во французской внешней политике. Среди российских архивных материалов выделяются посольские книги, содержащие как написанные

посланниками статейные списки, отчеты об их миссии, так и аналитические материалы, привлеченные для подготовки посольств и допросные речи, содержащие комментарии со стороны посланников отдельных эпизодов их миссия, показавшимися спорными для сотрудников Посольского приказа. Обилие источникового материала позволяет прийти к широким выводам, с учетом множественных точек зрения разных участников изучаемых событий.

3. Результаты

Торговые проекты как при русском, так и при французском дворах рассматривались как неотъемлемая часть внешней политики государства и занимали в 1660-х гг. особое место в программах Ж.-Б. Кольбера и А. Л. Ордина-Нащокина [27, с. 208; 34, р. 11]. Именно благодаря их инициативе торговый проект активно развивался в конце 1660-х гг. С русской стороны решающее значение имело заключение в 1667 г. Андрусовского перемирия, когда А. Л. Ордина-Нащокиным, возглавившим Посольский приказ, были направлены посольства в большинство европейских стран, в т.ч. во Францию, для их уведомления о подписании перемирия и для реализации внешнеполитической программы А. Л. Ордина-Нащокина. Эта программа включала в себя развитие торговых связей с западными странами: Испанией и Францией [27, с. 208], которые ранее не были регулярно вовлечены в дипломатические контакты с Россией.

Предложение русского посольства развить торговлю между странами было тепло воспринято при французском дворе, в эпоху фактического господства генерального контролера финансов Франции Ж.-Б. Кольбера во французской политике [4, с. 266–267], т.к. его собственная экономическая программа включала в себя конкуренцию с Голландией на всех направлениях ее торговли, в т.ч. и в торговле с Россией [18, с. 30].

Среди деятельности Ж.-Б. Кольбера особую значимость для дальнейшего развития торгового вопроса сыграл проект торгового договора, который был представлен русскому послу П. И. Потемкину в 1668 г. Проект состоял из 13-и статей, они включали в себя декларацию мирных, дружеских и союзных отношений между странами (в терминах «*paix*», «*confederation*», «*amitié*» и «*alliance*»), свободу в торговле русских во Франции с уплатой стандартных для иностранцев пошлин, свободу в найме складов, беспрепятственную транспортировку товаров водными путями через Францию, освобождение от пошлин за перегрузку товаров на другое судно, свободу в продаже любых товаров, возможность назначения приказчиков (*commis*), управляющих (*directeurs*) и консулов (*consuls*) с судебными полномочиями, а также свободу вероисповедания для русских купцов [30, fol. 34–35]. Предполагалось распространить положения этих статей на французских подданных, торгующих во владениях царя и также оказывать им содействие (*assistance*) в организации торговли с Персией. Исходя из особенностей перевода двух последних статей в русском статейном списке, обе переведены как вопросы о возможности такой организации французской торговли [26, с. 273], можно предположить, что подразумевалось их дальнейшее обсуждение. Помимо этого, в проекте предполагалось установить для французских подданных особый пошлинный режим, в половину от тех пошлин, которые были наложены на прочих иностранцев в России, а также запретить изымать у французов их товары, что сделало бы подданных французского короля привилегированной корпорацией, по аналогии с положением английской Московской торговой компании до середины XVII в. [8, с. 50] или французских подданных в Османской империи.

Ознакомившись с переводом договора, посланник П. И. Потемкин отметил, что не уполномочен принимать такой документ, а французской стороне для его обсуждения стоит направить ответное посольство [26, с. 275]. Представители парижских цехов были им предупреждены о запрете ввоза в Россию табака и крепкого алкоголя и получили в устной

форме разрешение торговать в городах России, в частности, в Архангельске¹. К следующему году цеха, согласно сообщениям Курантов, уже подготовили к отправке первые 6 кораблей [26, с. 277]. Вероятно, что во Франции к концу 1660-х гг. закрепилось представление о необходимости установления русско-французской торговли исключительно в Архангельске, без основания торговых постов во внутренних городах России, что отразилось в наиболее популярном трактате о коммерции Ж. Савари [37, р. 100]².

Дальнейшему развитию франко-русского торгового проекта мешало открытое военное столкновение между Францией и Голландией в 1672–1676 гг., как из-за нехватки ресурсов для организации амбициозного торгового проекта, так и из-за доминирования голландской торговли в северных морях и на территории России [8, с. 50–51]. Также этому способствовал упадок влияния Ж.-Б. Кольбера при французском дворе связанный, с одной стороны, с конкуренцией с маркизом де Лувуа и его клиентелой, а с другой – с утратой королевского доверия [4, с. 442; 16, с. 202–203]. Вероятно, что Ж.-Б. Кольбер не стремился форсировать противостояние с Голландией, и его контрагенты в России также настаивали на необходимости сотрудничества с голландскими предпринимателями, уже закрепившимися в торговле с Россией, для успешной деятельности французской Северной торговой компании на ее территории [34, р. 25]. В целом, и в России глобальные международные проекты в 1670-х гг., после отставки А. Л. Ордина-Нащокина, уступили место региональной политике с целью закрепления на Украине [13, с. 237], в контексте которых сближение с Францией имело значительно меньший потенциал.

Возвращение к торговому проекту произошло в начале 1680-х гг. Наиболее подробно внешнеполитическую ситуацию, сложившуюся накануне посольства 1680–1681 гг. рассмотрел Б. Н. Флоря. С его точки зрения решение об отправлении посольства было связано с заключением между странами Западной Европы Нимвегенского мира (1676 г.) и русскими планами по международному противостоянию Османской империи [28, с. 140–141], укрепившей в 1670-х гг. свое присутствие на Украине. Также вероятно, что на курс Посольского приказа влияли действия польского короля Яна Собеского, предпринимавшего в 1679 г. попытки заручиться поддержкой Франции в противостоянии с османами, о которых в России было известно [14, с. 47]. Показательно, что посольству предшествовали переговоры русских послов с маркизом де Бетюном, французским чрезвычайным посланником в Речи Посполитой, посвященные возможности включения Франции в антиосманскую коалицию после заключения русско-польского союза [28, с. 145]. Несмотря на то что маркиз отверг проект договора, предложенный ему 10 мая 1680 г. [28, с. 145], в июне к нему была направлена верительная грамота Людовика XIV, уполномочивавшая де Бетюна, в статусе чрезвычайного посланника вести переговоры с русскими представителями о возможности французского посредничества для заключения мирного договора между Россией и Речью Посполитой [36, р. 66]. Возможно, де Бетюну даже удалось посетить Москву, но, к сожалению, сохранилось лишь фрагментарное описание этой миссии, посвященное русским посольским церемониям, установить достоверность которого затруднительно [36, р. 67]. Основываясь на материалах статейного списка П. И. Потемкина о посольстве 1680–1681 гг. можно предположить, что переговоров о торговле до прибытия П. И. Потемкина во Францию не происходило, т.к. по-

¹ С точки зрения Б.Н. Флори русско-французский торговый проект мог быть частью стратегии А.Л. Ордина-Нащокина по дипломатической изоляции Швеции и приближению России к прямой балтийской торговле [27, с. 211–212].

² Савари был одним из приближенных Ж.-Б. Кольбера и, вероятно, что в его сочинении отразилась официальная позиция близких к генеральному контролеру финансов кругов. Представление о возможности транзитной торговли через Волгу с Персией во Франции также существовало благодаря сочинению А. Олеария и в 1660-х гг. было отражено в работе французского негоданта Ж.-Б. Тавернье [см. 39, р. 300–329].

сланник подчеркивал, что после 1668 г. в Москву не прибывал представитель короля Франции для обсуждения торгового договора [23, л. 83об].

Тем не менее, при подготовке посольства стольника П. И. Потемкина и дьяка С. Полкова во Францию, Испанию и Англию в Посольском приказе вновь обратились именно к торговому проекту. Наказ посольству 1680–1681 гг. подразумевал заключение договора на следующих условиях: московским купцам предоставлялась вольная морская и сухопутная торговля во Франции, возможность свободно нанимать дворы, амбары и погреба, пошлины французские власти должны были брать только с продаваемых русскими купцами товаров (а не с покупаемых), русским предоставляли в стране торгового агента и консула для ведения суда, наконец, им должна быть предоставлена свобода богослужения. Взамен же, испанским¹ и французским купцам разрешалось вольно приезжать к Архангельску без заповедных товаров (табака и крепленого вина), уплачивая пошлины по Новоторговому уставу 1667 г.: уточнялось что пошлина с «весчих товаров» (которые возможно взвесить) составит 10 денег с рубля, а с остальных – 8 денег, отдельно расписывались пошлины для разных сортов вина [20, л. 3–9]. Также, согласно наказу, посланники должны были подчеркнуть, что посредническая торговля русскими товарами через других иностранцев для французов невыгодна и им следует развить собственную прямую торговлю в Архангельске [22, л. 118а]. Сравнение проекта 1681 г. с французским предложением 1668 г. показывает, что основная часть французских формулировок была принята в Посольском приказе и в развитии этого проекта происходило уточнение, а не переосмысление, отдельных положений возможного договора.

Рассмотренная часть наказа, посвященная вопросам торговли во Франции, совпадала с аналогичными инструкциями для Испании, но представляется, что французская часть миссии была более значима, т.к. в поминки посланникам было выдано 5 тыс. рублей соболями, в то время как для Испании и Англии поминки не были предусмотрены [19, л. 2].

О том что торговый вопрос был важной частью миссии посольства во Францию может свидетельствовать то, что уже после отправления посольства ему через почту были направлены дополнительные инструкции о необходимости поднять вопрос о пропуске французских торговцев в Персию. В отличие от предыдущих пунктов, это условие было уникальным для французской стороны, в переговорах с Испанией оно не предполагалось. Условиями проезда французских купцов в Персию была оплата ими пошлин как на ввозе товаров в Архангельске, так и на вывозе их из Астрахани; также запрещалось везти табака более чем 20 фунтов на человека, для личного употребления; нельзя было вывозить из России в Персию драгоценные металлы, а вывозить из Персии разрешалось только шелк-сырец, чтобы не лишать Москву ценных товаров; также при продаже шелка в России следовало платить дополнительную пошлину [19, л. 16–18].

Ко времени прибытия П. И. Потемкина во Францию, которое произошло 28 марта 1681 г., расстановка сил при французском дворе кардинально изменилась. Фактическое всевластие Ж.-Б. Кольбера 1660-х гг. сменилось противостоянием различных придворных фракций [4, с. 442]. Многие торговые проекты Ж.-Б. Кольбера оставались полноценно не реализованы, в т.ч. и проект Северной торговой компании, но их реализация могла способствовать продвижению сохранившемуся клану Кольберов. Основным представителем этого клана при дворе был министр иностранных дел Франции Ш. Кольбер де Круасси, младший брат Ж.-Б. Кольбера. Посланники пытались настоять на высоком ранге переговоров: назначить им 3-х советников, провести переговоры в королевском дворце, но Людовик XIV согласился лишь дать им дополнительно отпускную аудиенцию перед отъездом [25, с. 8–10]. 19 апреля 1681 г. де Круасси провел переговоры с посланниками в Париже, на которых

¹ Эта часть наказа распространялась и на Испанию, и на Францию, т.е. на основе французского проекта 1668 г. планировалось сближение и с Испанией.

П. И. Потемкин, согласно его статейному списку, подтвердил готовность предоставить Франции транзитный путь в Персию [23, л. 91]. Вероятно, что именно с деятельностью де Круасси посланники связывали возможности дальнейших успехов переговоров, т.к. ему были выданы поминки «сорок соболей во сто в десять рублей ... для того, чтоб в королевской грамоте великого государя, его царского величества, именованье и титула написано было сполна и чтоб он в делах великого государя всяково добра хотел» [24, л. 18об].

Несмотря на то, что договор вновь не был заключен, вместе с возвращавшимся русским посольством царю была отправлена официальная грамота от Людовика XIV. В ней король подтвердил ряд статей договора, включая положение о свободной торговле французских поданных в России и русских – во Франции, а также отдельно оговаривалась свобода вероисповедания для русских купцов на французской земле. В дополнение к этому в своей грамоте король указывал что получил известие от торгующих в Северной Европе французов, подтверждавших возможность прибыльной коммерческой деятельности, в случае привилегированного статуса французских поданных по отношению к прочим иностранцам, возвращая вопрос о создании привилегированного положения для французов. Продолжить обсуждение проекта король, согласно грамоте, намеревался в Москве, отправив ответное посольство для заключения договора [20, л. 2–2об]. Грамота была доставлена в Россию с возвращением посольства в мае 1682 г., но, возможно, что она была сдана в Посольский приказ вместе со статейным списком только 8 апреля 1683 г. [19, л. 71], из-за стрелецкого восстания в столице. Дальнейший разбор итогов посольства происходил в России уже в 1684 г.

Несмотря на то, что для обсуждения торгового проекта в 1681 г. русские посланники встретились только с Ш. Кольбером де Круасси, проект не остался без внимания со стороны французского правительства. Русские посланники покинули Францию в мае 1681 г., а уже в июле 1681 г. к де Круасси от неназванного резидента в Москве было отправлено письмо о перспективах франко-русской торговли, которое было получено в Париже 20 августа¹. Резидент, согласно его письму, нанес визит некоему князю (М. Кнеес), одному из основных государственных министров. После поздравления его с заключением Бахчисарайского мира резидент предложил поставить во главу угла вопрос торговли с королем Франции и отмену обременительных для этой торговли пошлин. В ответ неназванный князь подчеркнул, что главным положением подготовленного договора является разрешение провоза через Россию шелка, о котором король Франции ранее просил московское правительство². Все же, несмотря на обсуждение с князем, французский корреспондент, основываясь на своих разговорах с прочими русскими людьми, не считал возможным заключение договора, т.к. основным поводом к нему, с их точки зрения, была необходимость посреднической роли Франции в отношениях России с Польшей и Швецией, что более России не требуется в связи с заключением русско-турецкого мира, также и различия в нравах (*humeurs*) между русскими и французами казались резиденту слишком непреодолимыми чтобы договор мог долго существовать [30, fol. 144–144r]³. Возможно, что разговор французского резидента происходил с князем В. В. Голицыным⁴, впоследствии активно участвовавшим в продвижении рус-

¹ Письмо было опубликовано в одном из сборников РИО, но было неверно идентифицировано как инструкция маркиза де Круасси к резиденту в Москве, в связи с чем под «князем» издатели понимали посланника П. И. Потемкина, с которым де Круасси вел переговоры в Париже. Тем не менее, Потемкин не имел княжеского титула, а в тексте письма нет указаний на отправление этого письма из Парижа [25, с. 399–401]. На наш взгляд, более удачно документ был идентифицирован в его французской публикации [36, р. 74].

² Вероятно, этим прошением можно считать французский проект 1668 г., содержащий пункт о свободном проезде французов в Персию.

³ Интересно, что такая точка зрения появилась несмотря на активно развивавшуюся в XVII веке франко-османскую торговлю.

⁴ Эту точку зрения выдвинул А. Н. Рамбо, опубликовавший это известие из Москвы [См.: 36, р. 74]

ско-французского торгового проекта и занимавшего в царствование Федора Алексеевича достаточно высокое положение, чтобы считаться «одним из основных Министров этой страны» («un des principaux Ministres de ce pays-ci») [30, fol. 144–144r]. В любом случае, даже несмотря на затруднения в установлении достоверности известий резидента из Москвы, сам факт их наличия может служить показателем заинтересованности министра иностранных дел Франции в развитии торгового проекта, вопреки точке зрения о его отчуждении от этого вопроса, закрепившейся в историографии [25, с. 399–400; 3, с. 27]. Вероятно, что следствием заинтересованности французов в отправлении ответного посольства стала неформальная встреча французского посла в Стокгольме с присланным в Швецию подьячим Н. Алексеевым. Интерес к миссии подьячего проявлял сам Людовик XIV. Встретившись с Н. Алексеевым, французский посол стремился получить информацию о положении дел в Москве после стрелецкого восстания, при этом он ссылаясь на наличие у него известий из Нарвы и Риги [12, с. 125–127]. Таким образом, вновь проявлялась заинтересованность французов в положении дел в России, которой способствовало наличие информации из Прибалтики.

Благодаря сохранившимся дипломатическим инструкциям можно уверенно утверждать, что именно обсуждение торгового проекта должно было стать поводом для визита в Россию первого официального французского чрезвычайного посланника (*envoyé extraordinaire*) де ла Пикетьера в 1683 г.¹ Предполагалось, что ему будет вручена записка французских купцов, торгующих на Севере, но основной целью его визита должно было стать обсуждение вступления России в антишведскую коалицию вместе с Данией и Бранденбургом [30, fol. 147r–148]. Посланнику необходимо было действовать в Москве по ситуации и после прибытия направить королю отчет о состоянии двора и проявленном царем расположении к посланнику. Пересылать зашифрованный отчет следовало через французских резидентов в Копенгагене, Гамбурге, либо в Польше [30, fol. 148–148r]. Для своей миссии де ла Пикетьеру было предписано действовать, тесно сотрудничая с дипломатами Дании и Бранденбурга. В свою очередь, о сближении Франции с Данией и Бранденбургом было известно в Посольском приказе и, согласно известиям датского посла в Москве Г. фон Горна, именно у него возглавивший Посольский приказ кн. В. В. Голицын интересовался о причинах, по которым Москву так и не посетил французский посланник [29, с. 91]. Исходя из дальнейшей политики кн. В. В. Голицына можно предположить, что уже на этом этапе он мог быть заинтересован в прибытии посланника из Франции.

В контексте русско-датских отношений проект торгового договора России с Францией также имел свое значение. На одном из обсуждений возможности вступления России в антишведскую коалицию в Москве, согласно записям фон Горна был поднят вопрос о потенциальных проблемах торговли России с Англией и Голландией, союзниками Швеции, в случае начала войны. Касательно этой проблемы датский посланник заметил, что англичан и голландцев будут готовы заменить французские торговцы [29, с. 90]. Возможно, что переданная де ла Пикетьеру записка французских купцов могла бы служить подтверждением этой возможности. Таким образом, развитие русско-французской торговли, с одной стороны, наделялось датским посланником конкретным практическим содержанием, переставая быть исключительно поводом для развития двусторонних дипломатических связей, а с другой – создавало еще более перспективный образ развития отношений России с Францией, позволивших бы балансировать между французами и другими группами торговцев из европейских стран в осуществлении внешней политики России.

Вероятно, что в 1683 г. вопрос об организации дипломатических связей с Францией существовал не только в разговорах между кн. В. В. Голицыным и датским посланником.

¹ В инструкциях де ла Пикетьеру отсутствует дата, вероятно, они были составлены вместе с официальной грамотой к царю, которая датирована июлем 1683 г. [См.: 30, fol. 152].

Фон Горн, со своей стороны, находил при русском дворе целую продатскую партию, заинтересованную в сближении с Данией, Бранденбургом и Францией. Он отмечал активность сторонников Нарышкиных, в лице кн. В. А. Голицына, который в июле 1683 г. просил фон Горна направить письмо к датскому королю Кристиану V для организации поддержки царю Петру со стороны Франции, Англии и Бранденбурга. С другой стороны, датский дипломат упоминал что в ходе секретных переговоров с думным дьяком Е. Украинцевым, фактически вторым лицом в Посольском приказе, тот предлагал ему проект союза России с Данией, Бранденбургом и Францией против Швеции, рекомендуя продолжить обсуждение с кн. В. В. Голицыным [7, с. 144]. Достоверность этой части известий фон Горна подтвердить затруднительно, но сложно отрицать что отношения с Францией теперь были актуализированы не только антиосманским проектом, но и борьбой между сторонниками мира со Швецией и его противниками, среди которых фон Горн в разных формах продвигал не только продатские, но и профранцузские проекты. Впрочем, де ла Пикетьер так и не прибыл в Россию, что фон Горн связывал с официальным подтверждением Кардисского мира между Россией и Швецией, которое произошло весной 1684 г. и продемонстрировало отказ руководства Посольского приказа от участия в антишведской коалиции [7, с. 149].

Тем не менее, интерес к организации контактов с Францией в русском внешнеполитическом ведомстве не пропадал. В 1684 г., накануне отправления во Францию посольства С. Е. Алмазова, в Посольском приказе под руководством кн. В. В. Голицына и дьяка Е. Украинцева был проведен допрос посланника П. И. Потемкина вернувшегося из Франции в мае 1682 г. Миссия Потемкина, по всей видимости, имела особое значение для кн. В. В. Голицына. Так в своем письме к Е. Украинцеву, которое по датировке В. И. Буганова появилось ранее 30 мая 1682 г., князь писал: «А Петра Потемкина к руке до моего приезде к Москве не ставь, хотя и укажут ставить» [9, с. 67]. Несмотря на то, что сохранившиеся материалы допросных речей П. И. Потемкина датированы 1682 г. [19, л. 85], тот факт, что в них упоминаются события 1683 и 1684 гг. представляются основанием для датировки окончательного текста речей 1684 г. Вопреки тому, что французская пресса оценивала П. И. Потемкина как наиболее компетентного человека во всей Московии для ведения переговоров во Франции [35, р. 234], допросные речи демонстрируют неудовлетворенность в Посольском приказе итогами миссии. Наиболее серьезным недочетом в деятельности посланника во Франции стало принятие грамоты с неправильным царским титулом, в ней отсутствовал титул «великий государь». Отмечалось, что получение грамоты было первостепенной задачей миссии, что «послан он был к тем государем только с поздравлением, а не для иных каких дел» [19, л. 85]. Тем не менее, в вину посланнику также вменялось, что во Франции и Испании он не поднял вопрос о возможности транзитной торговли их подданных с Персией через территорию России, отмечалось, что «то дело надобное, и естли б то дело пришло до договору и от того б было государеве казне пополнение многое» [19, л. 93]. В свою очередь, П. И. Потемкин утверждал, что в его наказе вопроса о транзите в Персию не было [19, л. 93], вероятно, что он ссылаясь на первую версию наказа, вопреки тому, что им были получены дополнения к ней. В целом, несмотря на то что формально торговый проект не был основной целью посольства, в Посольском приказе видели целесообразность его развития и даже отмечали его возможную экономическую выгоду.

Неудачные для Посольского приказа результаты посольства П. И. Потемкина, выявленные в допросных речах, должно было скорректировать отправленное в 1684 г. посольство стольника С. Е. Алмазова и дьяка С. Иполитова. Эта дипломатическая миссия наименее освещена в историографии среди русских посольств во Францию второй половины XVII в. [38, р. 232–336], но представляется, что она должна была иметь серьезное значение для внешней политики кн. В. В. Голицына. С. Е. Алмазов был опытным дипломатом, как и П. И. Потемкин, ранее отправляемый в Данию, в т.ч. вместе с коллегой П. И. Потемкина по его французскому посольству 1668 г. дьяком С. Румянцевым [22, л. 30б]. Также он являлся

сводным братом бывшего главы Посольского приказа А. С. Матвеева [13, с. 293], что способствовало его карьере в 1670-х гг. и стимулировало его активную вовлеченность в дипломатические службы.

Подготовка к новому посольству, направленному исключительно к королю Франции, была проведена более основательно. Она началась в конце 1684 г. и в декабре был издан царский указ о направлении посланников [22, л. 1]. Отдельно об отправлении посольства был уведомлен украинский гетман [22, л. Хоб], вовлеченный во внешнеполитическую программу кн. В. В. Голицына. Для уточнения финансирования посольства в приказе была использована информация о всех предшествующих посольских миссиях во Францию, начиная с посольства И. Кондырева 1615 г. [22, л. 13]. Помимо учиненного допроса П. И. Потемкину из материалов посольской книги видно, что для подготовки миссии привлекли сведения о реальной торговле французов на территории России. В марте 1685 г. кн. В. В. Голицын удовлетворил просьбу графа Ф. де Комменжа¹ о его свободном проезде в Персию, с него полагалось не брать пошлин с драгоценностей и 30-и ведер вина, которые, по заявлению де Комменжа, требовались для собственного употребления из-за дальности пути [21, л. 5–8]. Несмотря на то, что путешествие де Комменжа не состоялось, он заболел по дороге в Казань, а на следующий год застрелился [1, с. 9], это был важный прецедент для Посольского приказа, который подтверждал интерес французских подданных к транзитной торговле с Персией.

Заинтересованность русского дипломатического ведомства в результатах этой миссии также может подтверждать назначение в качестве переводчика И. Тяжкогорского, наиболее многоязычного и достаточно востребованного переводчика Посольского приказа [15, с. 77; 22, л. 21об], несмотря на то, что традиционным считалось отправление во Францию переводчиков средней статьи [22, л. 17]. Стоит подчеркнуть, что И. Тяжкогорский среди прочего считался компетентным переводчиком с французского языка², вопреки закрепившейся в историографии точки зрения о том, что русские дипломаты во Франции не имели собственных переводчиков с французского [5, с. 340]. В качестве толмача с посольством был отправлен И. Сидоров, специализировавшийся исключительно на французском языке [22, л. 21–22]. Для успеха дипломатической миссии в Посольском приказе провели аналитическую работу по вопросу написания царского титула во Франции, который ранее становился камнем преткновения между сторонами и препятствовал ведению переговоров. Благодаря этому в наказе посланникам были подробно определены стратегии защиты верного написания титула [22, л. 44об].

Одной из основных целей посольства С. Е. Алмазова, определенной наказом, было напоминание об обещании короля прислать в Россию послов для заключения договора, однако торговая составляющая договора в наказе более не выходила на первый план. Прежде всего рассматривались вопросы уведомления короля о русско-польских мирных переговорах, привлечение Франции к антитурецкой коалиции и защиты верного написания царского титула [22, л. 96]³. Тем не менее, о самом проекте торговли посланникам предписывалось начать разговор в любом случае, при наличии инициативы с французской стороны или без нее, условия оставались аналогичны проекту, предложенному П. И. Потемкиным в 1681 г., для этого в наказ посланникам была включена копия наказа 1681 г., посвященная торговому проекту [22, л. 112об]. Отдельно подчеркивалось, что если французская сторона попросит о

¹ Филипп де Комменж был католиком французского происхождения, проживавшим в немецкой слободе [См.: 1, с. 9].

² Сам И. Тяжкогорский, исходя из его челобитной, считал себя значительно более опытным чем ранее отправляемые во Францию переводчики, в связи с чем просил большее жалование, которое ему было назначено в 170 рублей, вместо изначальных 70-и [22, л. 34–34об].

³ Показательно, что ранее русские дипломаты не раз делали заявления об обязательности включения Франции в антитурецкую коалицию для ведения дальнейших переговоров о Вечном мире [См.: 14, с. 159, 181].

предоставлении права транзитной торговли с Персией, то оно будет им предоставлено [22, л. 119], но никакие пошлины отменены не будут [22, л. 124]. Если французы будут готовы заключить договор, посланникам следовало через почту направить письмо в Москву и дожидаться царского указа [22, л. 122об–123].

4. Заключение

Несмотря на то, что посольство С. Е. Алмазова не привело к заключению торгового договора, а в дальнейших посольствах стали преобладать вопросы организации антиосманской коалиции, сам проект, существовавший во второй половине XVII в. и достигший своего наивысшего развития в России в первой половине 1680-х гг., имел основополагающее значение для русско-французских дипломатических отношений. Развитие проекта вело к более частым контактам России с Францией, а его реализация могла привести к установлению регулярных связей между странами. Возможно, что наличие французов в России, таких как граф Ф. де Комменж, могло рассматриваться в Москве как причина для назначения в Россию французского торгового представителя, по аналогии с представителями англичан, голландцев, датчан и шведов [см. 17, с. 11], что также способствовало значительному упрощению контактов московского правительства с дипломатами Людовика XIV.

Для разных акторов русской дипломатии установление регулярных связей с Францией имело разное значение, эти контакты могли быть использованы для вовлечения Франции в русские внешнеполитические проекты: в решение балтийского вопроса, в регулирование отношений с Речью Посполитой и в противостояние с Османской империей. В условиях отсутствия регулярных связей для этих целей необходимо было подготавливать дорогостоящие и часто длительные посольские миссии или пользоваться неформальными контактами через посредничество дипломатов других стран или французских представителей в странах Восточной и Северной Европы. В целом, сближение с Францией оказывалось не только частью внешнеполитической программы кн. В. В. Голицына и царевны Софьи, но было продиктовано вовлечением России в польские, шведские и османские дела, в которых французская дипломатия играла значительную роль.

Развитие проекта в 1680-х гг. имело и некоторое социально-профессиональное значение: в Посольском приказе к 1685 г. специалисты по французскому языку получили назначение в посольскую миссию и дополнительные денежные оклады. Во Франции, в свою очередь, также возникла потребность в переводчиках с русского языка, а образы прибывавших русских посланников использовались придворным церемониалом для демонстрации всемирного значения короля Франции, подчеркивая его внешнеполитический престиж [33, р. 66–67].

Вопреки существенной роли торгового проекта для развития русско-французских связей, изучение восприятия в России его экономических перспектив затруднительно. По материалам посольских книг можно отметить привлечение свидетельств о реальной торговле французов в России только при подготовке посольства С. Е. Алмазова и С. Ипполитова. При этом материалы касались организации экспедиции в Персию, а не конкретных случаев товарообмена. Возможно, что торговля с Францией могла рассматриваться частью русских придворных как альтернатива связям с Англией и Голландией, какой ее пытался показать датский резидент фон Горн. Однако наиболее вероятным представляется, то, что торговый проект к середине 1680-х гг. имел прежде всего внешнеполитическое, а не экономическое значение, связанное со стремлением развить сотрудничество с Францией в условиях конфликта с Османской империей, переговоров о Вечном мире с представителями Речи Посполитой и возможного столкновения со Швецией. Несмотря на то, что содержание самого русского предложения после 1681 г. не изменялось и не развивалось, именно торговый проект должен был создавать коммуникативное пространство для дальнейших русско-французских контактов.

Список источников и литературы

1. Андреев, А. Н. (2017). *Московская римско-католическая община в конце XVII в.: формирование, состав и конфессиональная жизнь* // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 17. № 4. С. 6–16.
2. Бантыш-Каменский, Н. Н. (1902). *Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть 4. (Пруссия, Франция, Швеция)*. Москва: Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства Иностранных дел. 463 с.
3. Безобразов, П. В. (1892). *О сношениях России с Францией*. Москва: Университетская типография. 468 с.
4. Блюш, Ф. (1998). *Людвиг XIV*. Москва: Ладомир. 815 с.
5. Борисов, Ю. В. (1991). *Дипломатия Людовика XIV*. Москва: Международные отношения. 378 с.
6. «Брату нашему Лудвигу...»: переписка русских царей с королями Франции в конце XVI – начале XVIII в. (2021) / под ред. С. М. Каштанова. Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг. 272 с.
7. Бушкович, П. (2009) *Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725)*. Москва: Дмитрий Буланин. 542 с.
8. Велувенкамп, Я. В. (2006). *Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785*. Москва: Российская политическая энциклопедия. 312 с.
9. *Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов (1976)* / под ред. В. И. Буганова. Москва: Наука. 348 с.
10. Греков, И. Б. (1987). *Московский договор 1686 г. о «Вечном мире»* // Сотрудники Института славяноведения РАН. № 3. С. 101–102.
11. Замысловский, Е. Е. (1888). *Сношения России с Польшей в царствование Феодора Алексеевича*. Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева. 90 с.
12. Казаков, Г. М. (2018). *Поездка подъячего Никиты Алексева в Швецию и Данию в 1682 г.* // Российская история. № 3. С. 121–133.
13. Козляков, В. Н. (2022). *«Ближние люди» первых Романовых*. Москва: Молодая гвардия. 343 с.
14. Кочегаров, К. А. (2008). *Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире*. Москва: Индрик. 504 с.
15. Майер, И. (2019). *Откуда был родом переводчик Иван Тяжкогорский? Историко-графические и лингвистические аргументы* // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Москва. С. 76–82.
16. Малов, В. Н. (1991). *Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество*. Москва: Наука. 167 с.
17. Опарина, Т. А. (2007). *Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии*. Москва: Прогресс-Традиция. 384 с.
18. *Первое заседание Совета торговли под председательством короля 3 августа 1664 г. (1925)* // Старый порядок во Франции. История в источниках. Москва; Ленинград: Госиздат. С. 29–31.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 93. Оп. 1. 1680–1682 гг. Д. 1.
20. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1680–1682 гг. Д. 2.
21. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1685 г. Д. 1.
22. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 11.
23. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 7.
24. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 9.

25. *Сборник русского имп. исторического общества* (1881) / под ред. А. А. Половцова. Санкт-Петербург: Типография Имп. Академии Наук. Т. 34. 563 с.
26. *Статейный список П. И. Потемкина (Франция)* (1954) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / под ред. Г. И. Зикеева. Москва; Ленинград: Наука. С. 227–318.
27. Флоря, Б. Н. (2013). *Внеинеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления*. Москва: Индрик. 448 с.
28. Флоря, Б. Н. (2018). *Проект русско-французского союза 1680 года против османов* // Средние века. Вып. 79(2). С. 139–146.
29. Форстен, Г. В. (2014). *Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века*. Москва: Директ-Медиа. 197 с.
30. АМАЕ, СР, Russie. Vol. 01.
31. Boissonnade, P., Charliat, P. (1929). *Colbert et la Compagnie de Commerce du Nord* // Revue d'histoire économique et sociale. Paris, 1929. Vol. 17. № 2. P. 156–204.
32. Flassan, G. (1811). *Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française*. Paris: Lenormant, 1811. 533 p.
33. Hennings, J. (2016). *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*. Cambridge: Cambridge University Press. 297 p.
34. Kraatz, A. (1993). *La Compagnie Francaise de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siecles*. Paris: Ed. François Bourin. 212 p.
35. *Mercure galant*, Du mai 1681.
36. *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la revolution française. T. VIII* (1890). Paris: Ancienne librairie G. Bailliére et cie F. Alcan. 500 p.
37. Savary, J. (1675). *Le Parfaite Negociant. Paris: Les freres Estienne*. Pt. II. 488 p.
38. Schaub, M.-K. (2009). *Comment régler des incidents protocolaires? Diplomates russes et français au XVIIe siècle // L'incident diplomatique (XVIe-XVIIIe siècle)*. Paris: éditions A. Pédone. P. 323–336.
39. Tavernier, J.-B. (1676). *Les Six Voyages de Jean Baptiste Tavernier*. Paris: Gervai Clouzier et Claude Barbin. 756 p.

References

1. Andreev, A. N. (2017). *Moskovskaja rimsko-katolicheskaja obshhina v konce XVII v.: formirovanie, sostav i konfessional'naja zhizn'* [The Moscow Roman Catholic community at the end of the 17th century: formation, composition and confessional life]. in Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki», t. 17, 4, 6–16. (in Russian).
2. Bantysh-Kamenskij, N. N. (1902). *Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god). Chast' 4. (Prussija, Francija, Shvecija)* [An overview of Russia's foreign relations (to 1800). Part 4 (Prussia, France, Sweden)]. Moscow: Komissija pechatanija gosudarstvennyh gramot i dogovorov pri Moskovskom glavnom arhive Ministerstva Inostrannyh del. (in Russian).
3. Bezobrazov, P. V. (1892). *O snoshenijah Rossii s Franciej* [On Russia's relations with France]. Moscow, Universitetskaja tipografija. (in Russian).
4. Bljush, F. (1998). *Ljudovik XIV* [Louis XIV]. Moscow: Ladomir. (in Russian).
5. Borisov, Ju. V. (1991). *Diplomatija Ljudovika XIV* [Diplomacy of Louis XIV]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija. (in Russian).
6. «*Bratu nashemu Ludvigu...*»: *perepiska russkih carej s koroljami Francii v konce XVI – nachale XVIII v.* (2021) ["To our brother Ludwig...": correspondence between the Russian tsars

and the kings of France in the late 16th and early 18th centuries], redactor S. M. Kashtanov. Moscow; Berlin, Directmedia Publishing. (in Russian).

7. Bushkovich, P. (2009). *Petr Velikij. Bor'ba za vlast' (1671–1725)* [Peter the Great. Struggle for power (1671–1725)]. Moscow, Dmitry Bulanin. (in Russian).

8. Veluvenkamp, Ja. V. (2006). *Arhangel'sk. Niderlandskie predprinimateli v Rossii. 1550–1785* [Arkhangelsk. Dutch entrepreneurs in Russia. 1550–1785]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija. (in Russian).

9. *Vosstanie v Moskve 1682 goda: Sbornik dokumentov.* (1976) [Uprising in Moscow in 1682: Collection of documents], redactor V. I. Buganov. Moscow, Nauka. (in Russian).

10. Grekov, I. B. (1987). *Moskovskii dogovor 1686 g. o «Vechnom mire»* [The Moscow Treaty of 1686 on the "Eternal Peace"] in *Sotrudniki Instituta slavyanovedeniya RAN*, 3, 101–102 (in Russian).

11. Zamyslovskij, E. E. (1888). *Snoshenija Rossii s Pol'shej v carstvovanie Feodora Alekseevicha* [Relations between Russia and Poland during the reign of Theodore Alexeevich]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva. (in Russian).

12. Kazakov, G. M. (2018). *Poezdka pod'jachego Nikity Alekseeva v Shveciju i Daniju v 1682 g.* [Official Nikita Alekseev's visit to Sweden and Denmark in 1682] in *Rossijskaja istorija*. 3, 121–133. (in Russian).

13. Kozljakov, V. N. (2022). «*Blizhnie ljudi*» *pervyh Romanovyh* [«Blizhnie ljudi» of the first Romanovs]. Moscow, Molodaya Gvardiya. (in Russian).

14. Kochegarov, K. A. (2008). *Rech' Pospolitaja i Rossija v 1680–1686 godah: Zakljuchenie dogovora o Vechnom mire* [The Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia in 1680-1686: Conclusion of the Eternal Peace Treaty]. Moscow, Indrick. (in Russian).

15. Majer, I. (2019). *Otkuda byl rodом perevodchik Ivan Tjazhkogorskij? Istoriograficheskie i lingvisticheskie argumenty* [Where was the translator Ivan Tyazhkorski from? Historiographical and linguistic arguments] in *Perevodchiki i perevody v Rossii konca XVI – nachala XVIII stoletija: materialy mezhdunar. nauch. konf.* Moscow. 76–82. (in Russian).

16. Malov, V. N. (1991). *Zh.-B. Kol'ber. Absolutistskaja bjurokratija i francuzskoe obshchestvo* [J.-B. Colbert. Absolutist bureaucracy and French society]. Moscow, Nauka. (in Russian).

17. Oparina, T. A. (2007). *Inozemcy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th-17th centuries. Essays on historical biography and genealogy]. Moscow, Progress-Tradicija. (in Russian).

18. *Pervoe zasedanie Soveta trgovli pod predsedatel'stvom korolya 3 avgusta 1664 g.* (1925) [First meeting of the Board of Trade presided over by the King, 3 August 1664], redactor S. D. Skazkin. in *The Old Order in France. History in sources.* Moscow; Leningrad, Gosizdat. 29–31. (In Russian).

19. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 93. Op. 1. 1681. D. 1. (in Russian).

20. RGADA. [RGADA]. F. 93. Op. 1. 1681. D. 2. (in Russian).

21. RGADA. [RGADA]. F. 93. Op. 1. 1685. D. 1. (in Russian).

22. RGADA. [RGADA]. F. 93. Op. 1. D. 11. (in Russian).

23. RGADA. [RGADA]. F. 93. Op. 1. D. 7. (in Russian).

24. RGADA. [RGADA]. F. 93. Op. 1. D. 9. (in Russian).

25. *Sbornik russkogo imperatorskogo istoricheskogo obshchestva* (1881) [Collection of the Russian Imperial Historical Society], redactor A. A. Polovtsov. T. 34. St. Petersburg, Tipografiya Imp. Akademii Nauk. (in Russian).

26. *Stateinyi spisok P. I. Potemkina (Frantsiya)* (1954) [Article List of P. I. Potemkin (France)] in *Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv.: Stateinye spiski*, redactor G. I. Zikeev. Moscow; Leningrad, Nauka, 227–318. (in Russian).

27. Florja, B. N. (2013). *Vneshnopoliticheskaja programma A. L. Ordina-Nashhokina i popytki ee osushhestvlenija* [A. L. Ordin-Nashchokin's foreign policy programme and attempts to implement it]. Moscow, Indrik. (in Russian).
28. Florja, B. N. (2018). *Proekt rusko-francuzskogo sojuza 1680 goda protiv osmanov* [Project of the 1680 Russo-French alliance against the Ottomans] in *Srednie veka*. 79(2), 139–146. (in Russian).
29. Forsten, G. V. (2014). *Datskie diplomaty pri moskovskom dvore vo vtoroj polovine XVII veka* [Danish diplomats at the Moscow court in the second half of the 17th century]. Moscow, Direkt-Media. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-92-104>
УДК 94(47).04

GRAFFITI DRAWINGS OF THE SMOLENSK FORTRESS: STATEMENT OF A QUESTION

Irina V. Pashkova

St. Petersburg State University,

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract

Introduction. The Smolensk fortress, which was created in 1596-1602, is a monument not only of military art, but also part of the cultural space of the city. For centuries, the inhabitants of the city and its defenders have left their graffiti on the fortress, some of these graffiti is characterized as quite archaic and finds analogies among the medieval graffiti of other cities. Previously, graffiti of the Smolensk Fortress were not studied, and all research was concentrated either on church frescoes or on graffiti of particular churches. The publication of graffiti of the Smolensk Fortress is happening for the first time. **Materials and methods.** The material for this study was 9 graffiti drawings located on lime blocks. They are made in the basement part of the wall at an accessible height of 45-100 cm, applied with a sharp object that leaves thin traces. The study of images was carried out by the method of micro-examination of graffiti. Results. The main features of graffiti are revealed: the location on the inside of the fortress and mainly in the furnaces (chambers of the lower battle) on white lime blocks. Among them there is an image of crosses, as well as people: warriors, a horseman, a woman. The theme of Smolensk graffiti correlates with the theme of wall paintings and graffiti in other cities of Russia and Belarus. It can be assumed that they were left by people from the middle and lower strata of the city, as well as the garrison of the fortress wall itself, which was closest to it. **Conclusion.** These graffiti are an additional source of information about the social and ethnic composition of the population of Smolensk, expand ideas about the folk culture of the XVII century.

Keywords: Smolensk, Smolensk fortress, graffiti, culture, XVII century

For citation: Pashkova I. Graffiti drawings of the smolensk fortress: statement of a question // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 92-104, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-92-104>

Received: 02.05.2023

Revised: 30.08.2023

Published: 22.10.2023

© Pashkova I, 2023

РИСУНКИ-ГРАФФИТИ СМОЛЕНСКОЙ КРЕПОСТИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Ирина В. Пашкова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., д. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. Смоленская крепость, которая была создана в 1596-1602 годах, является памятником не только военного искусства, но и частью культурного пространства города. На протяжении столетий на крепости жители города и его защитники оставляли свои граффити, часть этих граффити характеризуется как достаточно архаичная и находит аналогии среди средневековых граффити других городов. Ранее граффити Смоленской крепости не изучались, а все исследования были сконцентрированы либо на церковных фресках, либо на граффити отдельных церквей. Публикация граффити Смоленской крепости происходит впервые. **Материалы и методы.** Материалом для данного исследования послужили 9 рисунков-граффити, расположенных на известковых блоках. Они выполнены в цокольной части стены на доступной высоте в 45-100 см, нанесены острым предметом, оставляющим тонкие следы. Изучение изображений осуществлялось методом микроисследования граффити. **Результаты.** Выявлены основные черты граффити: расположение на внутренней стороне крепости и преимущественно в печурах (камерах нижнего боя) на белых известковых блоках. Среди них присутствует изображение крестов, а также людей: воинов, всадника, женщины. Тематика смоленских граффити соотносится с тематикой настенных рисунков и граффити в других городах России и Белоруссии. Можно предположить, что их оставляли выходцы из средних и низших слоев города, а также гарнизон самой крепостной стены, который был к ней наиболее близок. **Заключение.** Данные граффити представляют собой дополнительный источник информации о социальном и этническом составе населения Смоленска, расширяют представления о народной культуре XVII века.

Ключевые слова: Смоленск, Смоленская крепость, граффити, культура, XVII век

Для цитирования: Пашкова И.В. Рисунки-граффити Смоленской крепости: постановка вопроса // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 92-104, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-92-104>

Статья поступила: 02.05.2023

Статья принята в печать: 30.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Пашкова И., 2023

1. Введение

Граффити представляют собой рисунки или надписи, которые процарапывали на стенах различных архитектурных сооружений. Данных исторических памятников достаточно много, их изучение в нашей стране ведется с начала XX века. Однако в исследовании граффити больше внимания уделяется надписям, в то время как рисунки до сих пор изучены в меньшей степени. В основном надписи и рисунки находятся на стенах церквей, монастырей и уже более редко, на стенах военных строений, в частности, в крепостях. В Смоленске изучением граффити специально не занимались. Н. Н. Воронин посвятил свою книгу «Смоленская живопись 12-13 веков» фрескам древнерусских церквей в Смоленске [5]. В монографии «Зодчество Смоленска XII-XIII веков» Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт [6] лишь упоминают наличие граффити, например, в церкви Петра и Павла в Смоленске, но подробно не рассматривают. Отдельные статьи посвящены граффити в Соборе на Протоке, археологическое изучение которого было проведено в 60-е годы XX века. Рисунки и надписи из собора опубликовал Н. Н. Воронин [7], анализ надписи «о врагах игуменах» сделал Б. А. Рыбаков [14]. Часть штукатурки с надписями из Собора на Протоке оказалась в Новгородском музее, их публикацию осуществили А. А. Гиппиус и С. М. Михеев [9]. Найденные граффити весьма немногочисленны и относятся к ранней истории Смоленска, в этой связи весьма интересны находки рисунков и надписей на Смоленской крепостной стене. Ни в одном специальном исследовании Смоленской крепости нет упоминания о наличии на крепостных стенах граффити. Данная работа является первой публикацией граффити Смоленской крепости.

Смоленская крепость является памятником начала XVII века. Указ о строительстве крепости был подписан царем Федором Ивановичем в декабре 1595 года, сама стройка началась в 1596 году. Окончание строительства крепости приходится на 1602 год. На протяжении XVII века Смоленская крепость неоднократно выдерживала осады и штурмы: с 1609 по 1611 гг. проходила осада крепости польско-литовскими войсками короля Сигизмунда III, в период с 1632 по 1634 год под Смоленском стояли уже русские войска, что пытались вернуть город, в 1654 году царь Алексей Михайлович в последний раз за XVII век осадил Смоленск. Эпоха XVII века была для Смоленска чрезвычайно трудной, поскольку после осады 1609-1611 годов Смоленск вошел в состав Речи Посполитой, в городе осталось около 10% от прежнего населения. Новую городскую элиту составили польские дворяне – шляхта, что получали свои надель в Смоленском уезде. Город подвергся сильному разорению [11, с. 339]. В то же время посадские люди, смоленские купцы и ремесленники, продолжали проживать в черте городских стен. С появлением в городе довольно большого количества поляков и литовцев изменилась культурная ситуация, которая постепенно стала характеризоваться как ополячивание городских верхов. После вхождения Смоленска в состав России культурная ситуация стала разворачиваться с обратную сторону, храмы снова переделывались по православному обряду. Однако еще в XVIII веке смоленское дворянство поддерживало связь с польским дворянством, говорило с сильным польским акцентом, предпочитало в одежде костюм польского образца, часто получало образование в Мстиславле или Витебске и были случаи тайного исповедования католичества [2, с. 26]. Однако если ситуация со смоленским дворянством относительно ясна по сохранившимся документам, в том числе личного происхождения, то городское население и его культура изучены в значительно меньшей степени. Граффити являются одним из исторических источников, что могут расширить представления о городской культуре Смоленска эпохи позднего средневековья.

2. Материалы и методы

В данной статье использовался метод микроисследования граффити, который включает в себя ряд этапов: первичного чтения, фиксации, вторичного чтения, прорисовки, изучения и использования граффити как полноценного исторического источника. В рамках ис-

следования используется междисциплинарный подход, что позволяет привлечь разнообразные методы и знания как из исторических, так и неисторических научных дисциплин.

Материалом исследования выступили 9 рисунков-граффити, выполненных на известковых блоках в цокольной части Смоленской крепостной стены, на доступной высоте в 45-100 см, и нанесённых острым предметом, оставляющим тонкие следы.

3. Результаты

На крепостной стене Смоленска имеются граффити разного временного периода, поскольку стена существует непрерывно уже на протяжении четырех столетий и несет себе культурный отпечаток прошедших времен и поколений. Среди рисунков и надписей резко выделяются современные граффити, они достаточно легко отличимы, как по своему содержанию, так и по технике и характеру исполнения. Значительно меньше рисунков и надписей относится к XIX – началу XX века, дополнительно они содержат датировку.

Однако часть имеющихся граффити в крепости выполнена совсем по-другому. Визуальный осмотр свидетельствует в пользу из архаичности, нанесения каким-то острым предметом, причем линии проводились один раз, как правило, без многочисленного процарапывания. Граффити выполнены на поверхности старых известковых блоков, поэтому некоторые из них плохо сохранились и читается не весь рисунок, а только отдельные фигуры. Рисунки находятся достаточно низко, преимущественно на высоте 45-100 см от поверхности. Все представляющие интерес граффити находятся на внутренней стороне крепостной стены, в основном в печах нижнего боя, в то время как современные надписи присутствуют как внутренней, так и на внешней стороне крепости. Архаичность образов и их схожесть со средневековыми граффити других городов, свидетельствует о том, что они не являются современными рисунками. Стоит также отметить, что те места крепости, которые подверглись ремонту во второй половине XX века, подобных надписей и рисунков не имеют вовсе, как например, фрагмент стены на площади Победы (башня Маховая с пряслами). Другая проблема Смоленской крепости состоит в плохой сохранности некоторых участков. Осмотр северной части крепости по улице Студенческой показал, что известковые блоки, составляющие нижнюю цокольную часть стены, сильно выветрились, а потому понять, содержали ли они рисунки или надписи, уже не представляется возможным.

На протяжении XVII века стена представляла собой военную крепость со своим гарнизоном, на которой несли караульную службу стрельцы, а в период осад к обороне города привлекались посадские люди. Особенностью Смоленской крепости является ее значительная протяженность – 6,5 км. Постоянно пребывать на всем периметре военным людям, вероятно, было затруднительно. В документах осады Смоленска 1609-1611 годов упоминается, как житель города, что не имел дома, ночевал в печуре крепости: «Пришод деи тои дитина к Пятницким вратам в городню в нижней бой лег неведомо для чево...» [15, с. 99]. Таким образом, доступ к стене для горожан был как во время осады, так и в мирное время. Если печи были относительно доступны, то башни всегда были с гарнизоном, поэтому осмотр сохранившихся башен (те, что доступны для свободного входа), на данный момент не выявил наличия граффити. Таким образом, граффити на Смоленской стене не могли появиться ранее начала XVII века. В то же время традиция оставлять рисунки и надписи на стенах заканчивается с XVII веком [3]. Наибольшее количество граффити в других городах Древнерусского государства относится к XI-XII векам, и значительно меньшее количество – к XVII веку [8, с. 132]. Затем наступает период угасания традиции процарапывания надписей и рисунков на общественных зданиях.

Сравнивая с другими известными памятниками, которые содержат граффити, в частности, с церквями Новгорода, Киева или Полоцка, можно заключить, что надписи в них преобладают над рисунками. В то время как в Смоленской крепости ситуация обратная: на данный момент самостоятельных надписей найдено только две, в то время как рисунков более двух десятков. Стены многих церковных построек испещрены надписями и исследова-

тели сталкиваются с проблемой гипернасыщенности письменного пространства – граффити часто пересекаются и накладываются друг на друга [10, с. 192]. В то же время в Смоленской крепости число граффити на общую протяженность стены крайне невелико, рисунки располагаются на расстоянии друг от друга. В зависимости от состояния известкового блока (он может быть, как сильно поврежден от времени, так и, напротив, уже быть новым) в печурах может не быть ни одного изображения, в то время как в соседней несколько. Стоит отметить, что в некоторых местах граффити располагаются не изолировано друг от друга, а представляют собой целые композиции. С чем связана разряженность крепостных граффити, можно только предположить. Возможно причина кроется в значительных размерах самой крепости, что предполагало большое поле для изображений и не было смысла их концентрировать где-то в одном месте.

Авторство данных рисунков установить довольно проблематично. Можно судить только на основе косвенных данных. В частности, рисунки всегда располагаются на нижних блоках, в доступности как для взрослых, так и для детей. Авторов рисунков делят на профессионалов и на любителей, основываясь на качестве рисунка [3]. Б. Г. Васильев считает, что наличие хорошо прорисованных рисунков говорит о высокой степени развития художественной среды в городе. Смоленские крепостные граффити выполнены, в основном, прямыми линиями, очень просто, даже схематично, что объединяет их между собой и заставляет отнести к одному периоду появления. Примитивизм рисунков заставляет предположить, что их могли нанести дети, однако сложность некоторых сюжетов заставляет в этом усомниться. Внимательное изучение рисунков свидетельствует, что они выполнены разной рукой, и если всадника на коне действительно мог оставить ребенок, то воина со щитом, вероятнее всего, изобразил взрослый человек. Можно предположить, что авторами могли быть смоленские горожане, относящиеся к низшему или среднему слою населения, плохо знающим грамоту, отсюда обилие рисунков и небольшое количество надписей. Буквы, составлявшие надписи возле рисунков, выполнены на русском языке, является свидетельством того, что авторы относились к русскому этносу.

На данный момент выявлено более двух десятков граффити на Смоленской крепостной стене, однако изучение крепости еще не закончено. Все рисунки нанесены на старые известковые блоки, местами рисунок плохо читается из-за повреждения самого блока. Граффити имеются на значительной части крепости, располагаясь на ее южных, восточных и северных фрагментах. При изучении граффити делались фотографии с разных ракурсов, фотографии изучались при увеличении, затем производилась прорисовка. Стоит отметить, что при наличии более качественного оборудования и применения методов компьютерной обработки, считаем, результаты могут быть более объемными.

Представим некоторые рисунки-граффити с разных участков крепости.

На 29 прясле Смоленской крепости (юго-западная часть) присутствует изображение всадника (рис 1). Граффити нанесено на известковый блок не в печуре, а на самом прясле в цокольной части. Хорошо видна дорога, по которой скачет лошадь. Человек одной рукой держится за лошадь (рука сливается с уздечкой лошади), вторая рука поднята вверх, возможно, в руке у него оружие (арбалет?), всадник слегка развернулся и смотрит назад. Хорошо прорисован пышный хвост у лошади. Длина 18 см, ширина 15 см. Сюжет рисунка, как и простота исполнения, делает его похожим на рисунки мальчика Онфима XIII века [1, с. 21].

*Рис. 1. Всадник на коне. Фотография и прорисовка автора.
Illustration 1. A rider on a horse. Photo and drawing of the author.*

В Смоленской крепости довольно много изображений крестов. Им присуща разная степень глубины линий, так и разный размер. У башни Зимбулки (южная часть крепости) в печуре на стене через два блока выбит большой процветший крест (Рис. 2). Длина креста – 40 см, ширина – 29 см. При увеличении видно, что в правой части от креста процарапаны маленькие кресты. Хорошо заметны широкие полосы от креста слева и справа, одна горизонтальная, другая – наклонная. Возможно, это недоделанная надпись «IX».

*Рис. 2. Большой крест. Фотография автора.
Illustration 2. The big cross. Photo of the author.*

На восточном участке крепости на 7 прясле выбито изображение креста в рамке (Рис. 3). Длина рисунка 11 см, ширина 8 см. Кресты являются едва ли не наиболее часто встречающимся изображением на каменных зданиях. А. А. Мединцева связывала начертание крестов с малой грамотностью людей, их оставлявших. Рисунки имеют своей целью не художественное изображение того или иного объекта, а символическое. С. В. Пасынков считает, что изображение крестов относится к погребению [12, с. 44]. Начертание креста могло передавать поминовение усопших воинов или, напротив, означать молитву во спасение собственной души. С.Н. Вахтанов, описывающий граффити на Золотых воротах во Владимире, считает, что кресты рисовались на стенах как молитвенное обращение к Богу за защитой и благословением [4].

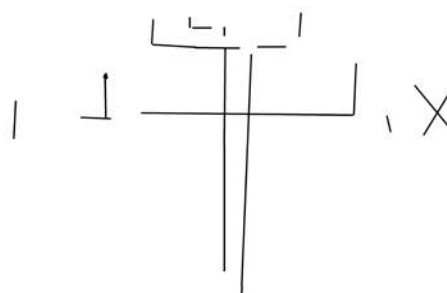
Рис. 3. Крест в рамке. Фотография автора.

Illustration 3. A cross in a frame. Photo of the author.

Еще один крест выполнен в виде шестиконечного креста (рис. 4) на восточном участке стены. Верхняя часть креста плохо сохранилась, не видно окончание креста. Однако хорошо видны буквы I и X по сторонам от креста. Длина рисунка 8 см, длина (с буквами) – 12 см. Крест находится на высоте 45 см.

*Рис. 4. Шестиконечный крест. Фотография и прорисовка автора.
Illustration 4. A six-pointed cross. Photo and drawing of the author.*

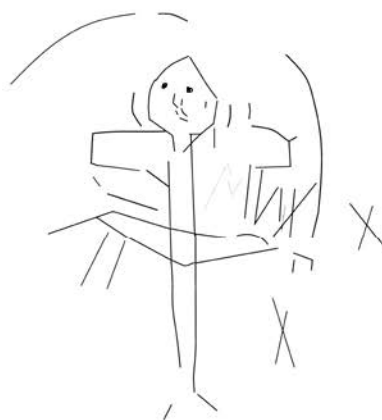
К церковной тематике следует также отнести рисунок с изображением церквей (Рис. 5). Он расположен на восточном участке крепости на 8 прысле в печуре, которая выходит на улицу Тимирязева. На граффито три здания, увенчанных крестами. Расположенная на высоком холме, с крепости открывается вид на Успенский собор, Георгиевскую церковь и церковь Покрова Богородицы, которая совсем рядом с крепостной стеной. Это не первый случай изображения церквей в граффито. На Золотых воротах Владимира присутствует рисунок шатрового храма [4]. Также известно изображение храмовых построек в Благовещенском соборе Московского кремля.

*Рис. 5. Изображение церквей. Фотография и прорисовка автора.
Illustration 5. Image of churches. Photo and drawing of the author.*

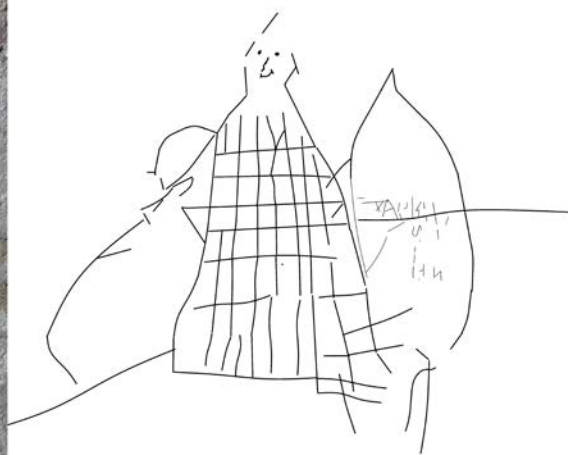
Крестообразным способом изображен человек (рис. 6). Расположен рисунок в печуре на 14 прысле крепости (южная часть стены). Длина изображения 11 см, ширина 10 см. Граффито выполнено достаточно просто: крест в основе фигуры, голова в виде неправильного круга с заострением в верхней части. Вокруг головы остатки полукружья. Фигура была заключена в рамку в виде арки, за самим изображением человека следы прямоугольной рамки. В правой части изображения прорисованы буквы «И» и «Х», первая буква плохо читается, но можно предположить, что это «М», тогда начало надписи звучит как «МИХ». Вероятно, перед нами начало имени автора или того, кого попытались изобразить на стене.

*Рис. 6. Изображение человека. Фотография и прорисовка автора.
Illustration 6. The image of a person. Photo and drawing of the author.*

По классификации С. А. Высоцкого, изображения людей относятся к бытовой группе рисунков, однако следующее граффито, вероятнее всего, имеет отношение к почитанию выбранных святых. На южном участке крепостной стены в печуре 13 прясла присутствует граффито с изображением человека (рис. 7). Длина 12 см, ширина 12 см. Фигура выполнена в виде трапеции, которая перечеркнута штриховкой, что напоминает пластинчатый доспех. Голова заканчивается острым конусом – шлемом. Прорисована только одна ступня из-под одеяния, правой ступни нет. В целом, фигура передает изображение воина. В левой руке у него щит, на котором видны следы надписи. Правая рука держит длинное оружие, вероятнее всего, меч. За правой рукой идут линии, которые по форме напоминают крылья. Наличие крыльев дает основание предположить, что, возможно, перед нами изображение архангела Михаила. Архангел Михаил в русской православной культуре почитается как защитник воинов, а также тех, кто сражается за правое дело. В Смоленске ему был посвящен один из наиболее ранних храмов – церковь Архангела Михаила, она же Свирская. Однако точно ответить, его ли это изображение, может только последующее исследование надписи.

*Рис. 7. Изображение воина со щитом. Фотография и прорисовка автора.
Illustration 7. The image of a warrior with a shield. Photo and drawing of the author.*

Еще одна фигура, выполненная схожим образом, имеется на следующем 15 прясле также в печуре. Изображенный человек (рис. 8) имеет шапку, которая заканчивается перьями, фигура перечеркнута штриховкой, что создает впечатление надетого пластинчатого доспеха.

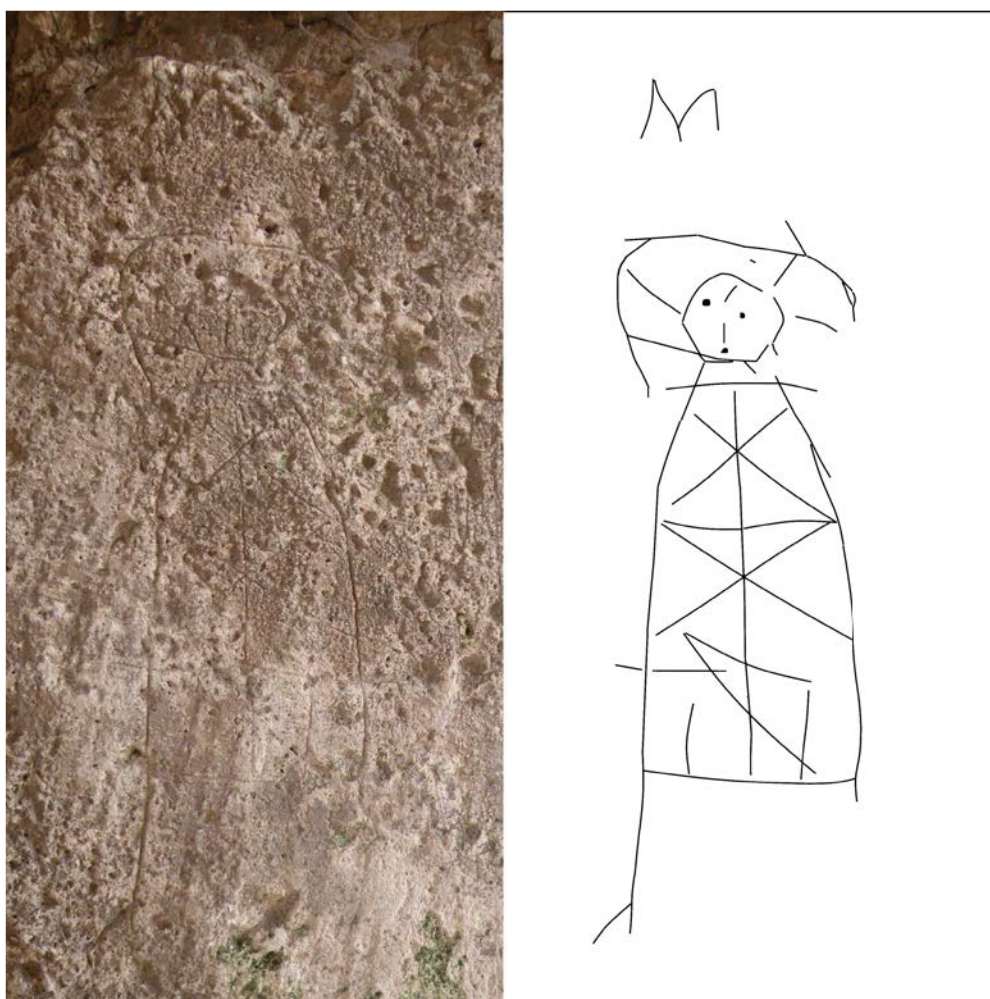
*Рис. 8. Изображение воина с поврежденным лицом. Фотография и прорисовка автора.
Illustration 8. The image of a warrior with a damaged face. Photo and drawing of the author.*

Левая рука согнута в локте и упирается в бок, более тонкая линия показывает контур щита. Правая рука вытянута в сторону. Фигура плохо сохранилась. Часть блока утрачена и понять, что же было в руке, уже невозможно. Под рукой имеется некая вытянутая фигура. Данное граффити целенаправленно пытались уничтожить, о чем говорят повреждения в районе головы (из-за этого лицо не сохранилось), а также левой руки. Видно, что наносились удары каким-то острым предметом, от которого оставались на известковом блоке глубокие царапины и выбоины. Рисунок довольно большой: длина 18 см, ширина 14 см. Каких-либо надписей или их следов вокруг граффито не обнаружено.

В Смоленской крепости присутствует интересное граффито с изображением женщины. Расположено оно в печуре на восточном участке крепости на 8 прясле (рис. 9). Граффито нанесено на плохо сохранившийся известняк, линии не везде глубокие. Фигура достаточно длинная – 17 см, но узкая – по ширине 4,5 см. Вокруг головы имеется полукруг, возможно головной убор. Длиннополая одежда украшена штриховкой, похожей по форме на треугольники. Возможно, таким образом автор пытался показать узор ткани или ее складки. Низ верхнего одеяния расходится. Рук и ног у фигуры не видно. Над головой сохранились следы буквы М. Рядом с ней расположена другая фигура, которая из-за плохой сохранности блока практически не читается. Можно утверждать, что вторая фигура ниже первой женской. Головной убор в виде схожего полукруга и штриховку на одеждах уже встречалась в граффити, в частности, во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике хранится пластина с изображением человека с заштрихованными одеждами, датируемая XII-XV веком [13, с. 11].

*Рис. 9. Изображение женщины. Фотография и прорисовка автора.
Illustration 9. Image of a woman. Photo and drawing of the author.*

Рисунки-граффити являются ценным свидетельством развития культуры на Смоленщине. Рисунки могут показать нам социальный и этнический состав населения города. Данный материал может являться важным дополнением к народной символике XVII века. Их исполнение в нижней части стены было продиктовано как доступностью по высоте, так и тем, что именно нижняя цокольная часть выложена из белых известковых блоков, которые являются более мягким материалом и более подходящим для нанесения граффити. Кроме того, символика рисунков, как и их расположение по большей части внутри печур, показывает, что они носили личный характер и не имели цели привлечь внимание, они не выставлялись на всеобщее обозрение.

Считаем важным отметить, что граффити Смоленской крепости должны быть не только исследованы, но и сохранены. К сожалению, проходящая реставрация не всегда учитывает необходимость сохранения уникальных данных.

4. Заключение

Таким образом, Смоленская крепостная стена, являющаяся памятником начала XVII века, имеет граффити, которые можно отнести к раннему периоду ее существования. Рисунки, в том числе кресты, имеются на значительном количестве участков, нанесены на старые известковые блоки в цокольной части стены, а потому местами плохо сохранились. Рисунки и граффити представляют собой дополнительный источник информации о социально и этническом составе населения Смоленска, расширяют представления о народной

культуре XVII века. Более точную датировку граффити сможет дать дальнейшая работа по исследованию как самостоятельных надписей, так и тех, что содержат рисунки. Сам факт обнаружения граффити весьма знаменателен, поскольку граффити являются историческим источником, расширяющим представления о народной культуре и социальном составе Смоленска.

Список источников и литературы

1. Арциховский, А. В., Борковский, В. И. (1963). *Новгородские грамоты на бересте. 1956-1957 гг.* Москва: Издательство Академии наук СССР. 327 с.
2. Богословский, М. М. (1899). *Смоленское шляхетство в XVIII веке* // Журнал министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Часть CCCXXII. С. 25-62.
3. Васильев, Б. Г. (1997). *Древнерусские настенные рисунки-граффити (к постановке вопроса)* // Новгород и Новгородская земля. № 11. С. 292-304.
4. Вахтанов, С. Н. (2010). *Граффити Золотых ворот во Владимире* // Материалы исследований. Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Вып. 16. Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. С. 41-47.
5. Воронин, Н. Н. (1977). *Смоленская живопись 12-13 веков.* Москва: «Искусство». 182 с.
6. Воронин Н. Н, Раппопорт П. А. (1979). *Зодчество Смоленска XII – XIII вв.* Ленинград: «Наука». 414 с.
7. Воронин, Н. Н. (1964). *Смоленские граффити* // Советская археология. № 2. С. 171-179.
8. Высоцкий, С. А. (1985). *Киевские граффити XI-XVII вв.* Киев: Наукова думка. 210 с.
9. Гишпиус А. А., Михеев С. М. (2013). *Надписи-граффити смоленского Собора на Протоке из фондов Новгородского музея* // Вопросы эпиграфики. Вып. VII. Ч. 2. С. 175-183.
10. Калечиц И. Л. (2014). *Методика исследования граффити полоцкой Спасо-Преображенской церкви* // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 9 / рэд.кал.: С. М. Ходзін (адк.рэд.). Мінск: БДУ. С. 190-198.
11. Мальцев, В. (1940). *Борьба за Смоленск.* Смоленск: Смоленское областное государственное издательство. 356 с.
12. Пасынков, С. В. (2012). *Граффити-кресты на белом камне от церкви Святой великомученицы Параскевы Пятницы Толтинской* // Рязанский богословский вестник. №6 (1). С. 40-57.
13. Рисунки-граффити на предметах X-XVIII веков из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника (2017). Составитель А.М. Королева. Владимир: Владимиро-Суздальский музей заповедник. 56 с.
14. Рыбаков, Б. А. (1964). *Смоленская надпись XIII в. «о врагах игуменах»* // Советская археология. № 2. С. 179-188.
15. Смутное время Московского государства. 1604-1613 гг. Вып. 6: Памятники обороны Смоленска. (1609-1611 гг.) / Под ред. Ю. В. Готье. Москва: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те. 1912. 282 с.

References

1. Arcihovskij, A. V., Borkovskij, V. I. (1963). *Novgorodskie gramoty na bereste. 1956-1957 gg.* [Novgorod letters on birch bark. 1956-1957]. Moskva, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (in Russian).

2. Bogoslovskij, M. M. (1899). *Smolenskoe shljahetstvo v XVIII veke* [Smolensk gentry in the XVIII century] in Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. Sed'moe desjatiletie. Chast' CCCXXII. Sankt-Peterburg. 25-62. (in Russian).
3. Vasil'ev, B. G. (1997). *Drevnerusskie nastennye risunki-graffiti* (k postanovke voprosa) [Ancient Russian wall drawings-graffiti (to raise the question)] in *Novgorod i Novgorodskaja zemlja. № 11*, 292-304.
4. Vahtanov, S. N. (2010). *Graffiti Zolotyh vorot vo Vladimire* [Graffiti of the Golden Gate in Vladimir] in *Materialy issledovanij. Gosudarstvennyj Vladimiro-Suzdal'skij istoriko-arhitekturnyj i hudozhestvennyj muzej-zapovednik*. 16, Vladimir, Gosudarstvennyj Vladimiro-Suzdal'skij muzej-zapovednik, 41-47. (in Russian).
5. Voronin, N. N. (1977). *Smolenskaja zhivopis' 12-13 vekov*. [Smolensk painting' 12-13 centuries]. Moskva, «Iskusstvo». (in Russian).
6. Voronin N. N, Rappoport P. A. (1979). *Zodchestvo Smolenska XII – XIII vv.* [Smolensk architecture of the XII – XIII centuries]. Leningrad, Nauka. (in Russian).
7. Voronin, N. N. (1964). *Smolenskie graffiti* [Smolensk graffiti] in *Sovetskaja arheologija*. 2, 171-179. (in Russian).
8. Vysockij, S. A. (1985). *Kievskie graffiti XI-XVII vv.* [Kiev graffiti XI-XVII centuries]. Kiev, Naukova dumka. (in Russian).
9. Gippius A. A., Miheev S. M. (2013). *Nadpisi-graffiti smolenskogo Sobora na Protoke iz fondov Novgorodskogo muzeja* [Graffiti inscriptions of the Smolensk Cathedral on the Bayou from the funds of the Novgorod Museum] in *Voprosy jepigrafiki*. VII, 2, 175-183. (in Russian).
10. Kalechic I. L. (2014). *Metodika issledovanija graffiti polockoj Spaso-Preobrazhenskoj cerkvi* [The methodology of the study of graffiti of the Polotsk Transfiguration Church] in *Krynicaznajstva i specyjal'nyja gistorychnyja dyscypliny: navuk. zb., 9 / rjed.kal.*: S. M. Hodzin. Minsk, BDU, 190-198. (in Russian).
11. Mal'cev, V. (1940). *Bor'ba za Smolensk* [The Struggle for Smolensk]. Smolensk, Smolenskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. (in Russian).
12. Pasyнков, S. V. (2012). *Graffiti-kresty na belom kamne ot cerkvi Svjatoj velikomuchenicy Paraskevyy Pjatinicy Tolpynskoj* [Graffiti crosses on a white stone from the Church of the Holy Great Martyr Paraskeva Pyatnitsa Tolpynskaya] in *Rjazanskij bogoslovskij vestnik*. 6 (1), 40-57. (in Russian).
13. *Risunki-graffiti na predmetah X-XVIII vekov iz arheologicheskikh kollekcij Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeja-zapovednika* (2017). [Graffiti drawings on objects of the X-XVIII centuries from the archaeological collections of the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve]. Sostavitel' A.M. Koroleva. Vladimir, Vladimiro-Suzdal'skij muzej zapovednik. (in Russian).
14. Rybakov, B. A. (1964). *Smolenskaja nadpis' XIII v. «o vragah igumenah»* [Smolensk inscription of the XIII century "about the enemies of the hegumens"] in *Sovetskaja arheologija*, 2, 179-188. (in Russian).
15. *Smutnoe vremja Moskovskogo gosudarstva. 1604-1613 gg. Vyp. 6: Pamjatniki oborony Smolenska. (1609-1611 gg.)* (1912) [The time of Troubles of the Moscow state. 1604-1613 Issue 6: Monuments of the defense of Smolensk. (1609-1611)] / Pod redakciej Ju. V. Got'e. Moskva, Imp. o-vo istorii i drevnostej ros. pri Mosk. un-te.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ /
TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-105-115>
УДК 94 (497.17)

**ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕЛЕЦКОГО УЕЗДА
ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.**

Николай А. Жиров

ул. Коммунаров, д. 28, Елец, 399770, Российская Федерация

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются особенности хозяйственного освоения и экономического развития, а также произведен анализ социально-демографических изменений в Елецком уезде Орловской губернии в рассматриваемый хронологический период. Данный уезд входил в исторический регион бывшей Белгородской черты и находился долгое время в зоне южнорусского фронта. **Материалы и методы.** Данная работа является результатом изучения статистических источников, относящихся к последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. В качестве основных источников были взяты материалы «Экономических примечаний к планам Генерального межевания» конца 1780-х и середины 1790-х гг., «Экономическое камеральное описание Елецкого уезда 1832 г.», а также сведения по поземельной статистике Елецкого уезда за 1828-29 гг.. Методы математического анализа и статистической обработки стали основными при работе с данными источниками. **Результаты.** Материалы «Экономических примечаний к планам Генерального межевания» и «Экономическое камеральное описание Елецкого уезда» имели похожий формулярный вид, что позволило в едином ключе рассмотреть динамику хозяйственного развития уезда, а также уловить социально-демографические тенденции рассматриваемого периода. В первую очередь это касалось изменений в соотношении пашенных угодий, лесных, пастбищных и луговых пространств региона. Кроме того источники фиксировали количество дворов и численность населения по отдельным категориям жителей (однодворцы, владельческие и однодворческие крестьяне и т.д.) как по отдельным населенным пунктам, так и в целом по уезду. **Заключение.** Хозяйственное освоение исторического региона Белгородской черты в территориальных рамках исследуемого Елецкого уезда Орловской губернии в конце XVIII в. еще не подошло к своему логическому завершению. Продолжали сохраняться анклавы целинной земли, которые были введены в сельскохозяйственный оборот только в первой трети XIX в. За исследуемый период времени был зафиксирован существенный прирост населения, особенно увеличилась доля владельческого крестьянства. Это способствовало ускорению развития местной экономики и окончательному превращению некогда фронтальной зоны в житницу Российской империи.

Ключевые слова: социально-демографическое развитие, статистические методы, однодворцы, крестьянство, Елецкий уезд

Для цитирования: Жиров Н.А. Динамика социально-экономического развития Елецкого уезда Орловской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. // История: факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 112-120, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-112-120>

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

Конфликт интересов. Н.А. Жиров является научным сотрудником учредителя журнала – ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина». Учредитель не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования.

Статья поступила: 10.05.2023

Статья принята в печать: 29.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Жиров Н., 2023.

DYNAMICS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE YELETS DISTRICT OF THE ORYOL PROVINCE AT THE END OF THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES

Nikolay A. Zhiron

Bunin Yelets State University,

st. Kommunarov, 28, Yelets, 399770, Russian Federation

Abstract

Introduction. The article discusses the features of economic development and economic development, as well as an analysis of socio-demographic changes in the Yelets district of the Oryol province in the chronological period under consideration. This county was part of the historical region of the former Belgorod line and was for a long time in the zone of the southern Russian frontier. **Materials and methods.** This work is the result of a study of statistical sources relating to the last quarter of the 18th – the first half of the 19th centuries. As the main sources, materials were taken from the “Economic Notes to the General Land Survey Plans” of the late 1780s and mid-1790s, “Economic cameral description of the Yelets district in 1832”, as well as information on the land statistics of the Yelets district for 1828-29. The methods of mathematical analysis and statistical processing have become the main ones when working with these sources. **Results.** The materials of the “Economic Notes to the General Land Survey Plans” and “Economic Cameral Description of the Yelets Uyezd” had a similar form, which made it possible to consider the dynamics of the economic development of the county in a unified way, as well as to catch the socio-demographic trends of the period under review. First of all, this concerned changes in the ratio of arable land, forest, pasture and meadow spaces in the region. In addition, the sources recorded the number of households and the population for certain categories of residents (odnodvortsy, owning and single-dwelling peasants, etc.) both for individual settlements and for the county as a whole. **Conclusion.** Economic development of the historical region of the Belgorod line within the territorial framework of the studied Yelets district of the Oryol province at the end of the 18th century. has not yet reached its logical conclusion. Enclaves of virgin land continued to be preserved, which were introduced into agricultural circulation only in the first third of the 19th century. During the period under study, a significant increase in the population was recorded, especially the share of the owner-owning peasantry increased. This contributed to the acceleration of the development of the local economy and the final transformation of the once frontier zone into the granary of the Russian Empire.

Keywords: socio-demographic development, statistical methods, odnodvortsy, peasantry, Yelets district

For citation: Zhiron N. Dynamics of social and economic development of the Yelets district of the Oryol province at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries // History: facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 105-115, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-105-115>

Acknowledgement: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 21-18-00024) on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University"

Conflict of interest. Nikolay Zhiron is a researcher of the founder of the journal - Bunin Yelets State University. The founder has nothing to do with the decision to publish this article. The article passed the peer review procedure adopted in the journal.

Received: 10.05.2023

Revised: 29.08.2023

Published: 22.10.2023

© Zhiron N., 2023.

1. Введение

Освоение российским государством лесостепных пространств современного Центрального Черноземья было тесным образом связано со строительством в конце XVI – начале XVII вв. городов-крепостей. Заселение и хозяйственное освоение данного региона на протяжении долгого времени было осложнено как из-за военной угрозы, исходившей от степняков, и поэтому возведение Белгородской черты – линии фортификационных сооружений различного типа, предназначенной для охраны южных рубежей России от набегов, дало новый толчок для мирного освоения края. В правление Екатерины II Елецкий уезд приобрел окончательные административные границы, сохранявшиеся до конца существования империи, а хозяйственное освоение вступило в окончательную фазу и завершилось при Николае I.

Цель данного исследования заключается в анализе социально-экономического развития Елецкого уезда на стадии завершения его освоения в исследуемую эпоху.

Изучением социально-экономических процессов и тесно с ними связанных демографических аспектов на исследуемой территории Центрального Черноземья занимался ряд крупнейших отечественных историков, в первую очередь Я. Е. Водарский, В. М. Кабузан, И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов и другие [2; 3; 11; 13; 16; 17].

Процессом колонизации края и его освоения занимались и продолжают активно работать в этом направлении воронежские, липецкие и тамбовские историки [1; 8; 10; 12; 15].

Стоит отметить плодотворную работу в изучении социально-демографических тенденций на Юге России в XVII-XIX вв. елецких исследователей Д. А. Ляпина [7; 14].

Несмотря на обилие трудов посвященных данной тематике, в силу ее обширности и слабой изученности значительных пластов исторических источников, продолжение исследований колонизационных процессов остается актуальным и востребованным историческим сообществом России.

2. Материалы и методы

Основными источниками по изучению социально-экономического развития Елецкого уезда в исследуемый период времени являются различные массовые статистические документы. В первую очередь это «Экономические примечания к планам Генерального межевания» конца 1780-х и середины 1790-х гг., «Экономическое камеральное описание Елецкого уезда 1832 г.», а также сведения по поземельной статистике Елецкого уезда за 1828-29 гг.

[4, 5, 6, 18, 19]. Их источниковедческий анализ и информационные возможности уже освещались автором в ряде публикаций и дополнительного описания не требуют [8, 9].

Вследствие схожего формулярного вида и единой логики изложения информации «Экономических примечаний к планам Генерального межевания» и «Экономического камерального описания Елецкого уезда» стало возможно применение проблемно-хронологического метода. Кроме того нами были применены методы математического анализа и статистической обработки, ставшие основными при работе с данными источниками.

Использование историко-системного метода представляется довольно актуальным, так с его помощью, можно определить изучаемую историческую реальность, например выбранного Елецкого уезда, как части целой системы, в данном случае – Российского государства в XVIII-XIX вв.

3. Результаты

Одним из первых подробных описаний Елецкого уезда, сохранившимся в фондах РГВИА, является «Топографическое описание Орловского наместничества», появившееся не позднее 1787 г., так как на титульной странице есть указание, что это копия, списанная с книги Петра Ивановича Новосельцева, полученная в 1787 г. [20]. Данный источник написан каллиграфическим почерком своей эпохи, текст читабелен и не имеет повторных черновых правок, что лишним раз подтверждает, что это прекрасно сохранившаяся копия оригинального сочинения.

В данном источнике была изложена краткая историческая справка о прошлом города Ельца и его округа, приведены сведения о географическом положении, почвах, водных пространствах, растительном и животном мире. Наиболее подробно описан облик самого города, а именно количество административных, жилых и хозяйственных построек, церквей, монастырей, заводов и т.д. Указаны точные даты постройки церквей, на какие средства они возведены и кем. Все постройки посчитаны по материалу, из которого построены – каменные или деревянные, а в отношении жилых домов произведена градация по сословной принадлежности их хозяев.

Важной информацией являются сведения о количестве сел, деревень и иных поселков и общая численность населения по последней ревизии по сословиям. К сожалению, в источнике нет информации, о какой именно ревизии податного населения идет речь, но по косвенным фактам можно предположить, что речь идет о переписи 1763 г. На это указывает, во-первых, количество дворов по городам, которое значительно меньше, чем по первым «Экономическим примечаниям», как по Ельцу, так и по соседним Ливнам. Тоже касается и численности населения. В Топографическом описании количество жителей города Ливны составляет 2814 человек, в первом варианте Экономических примечаний уже 6977 человек, а во втором, где население фиксировалось по данным 5 ревизии, число жителей Ливен со слободами составило 12952 человека. Таким образом, мы можем предположить, что сведения о населении в Топографическом описании Орловского наместничества, скорее всего, относятся к 3 ревизии 1763 г.

Согласно источнику в Елецком уезде насчитывалось 39 сел, 50 селец, 15 деревень и 60 хуторов принадлежащих помещикам, в которых проживало 12214 крепостных крестьян. Число однодворческих поселений было немного меньше: 30 сел, 37 деревень, 15 хуторов, в которых по последней ревизии находилось 11926 человек. Кроме того, однодворцы имели 408 крестьян. За иными ведомствами числились несколько поселков: экономического ведомства – 2 деревни с 149 крестьянами, за дворцовой канцелярией 1 деревня и 2 малороссийских поселения с 566 жителями. Помимо того крепостные крестьяне в мизерном количестве были у священнослужителей и малороссиян – по 3 человека.

Таким образом, основная часть населения Елецкого уезда на момент ревизии 1763 г. была представлена крепостным крестьянством, из которых только 3,2% были однодворческими. Сами однодворцы составляли чуть менее половины всех сельских жителей уезда.

К сожалению, в источнике не всегда прописано количество жителей в городах или в целом по уезду. Например, численность городского населения Ельца не указана и наоборот, дается число жителей соседнего города Ливны и нет информации о населении уезда, ограничиваясь количеством поселений разного типа и принадлежности ведомствам, помещикам и однодворцам.

Нам не известны причины отсутствия или неполноты информации о населении, что немного снижает значимость источника в плане освещения демографии и социальных процессов.

Сведения об экономическом развитии края в представленном документе изложены кратко. Основное занятие населения – это хлебопашество, а также торговля на местных базарах и ярмарках продукцией сельского хозяйства и ремесла. Среди горожан было много ремесленников, а также функционировал небольшой металлургический завод.

В источнике не указана площадь пашенных или иных угодий уезда, но о высоком плодородии почв и небольшой степени распашки земли говорит следующий факт «...земледелец собирает плоды своих трудов с сугубым награждением и ни когда менее не родит как сам 5, а иногда и в восемь раз больше. Причина сему урожаю ощутительна ибо земля чернозем и в своем роде самая лучшая, а при том еще и малообработанная по множеству степей окружающих город» [20, л. 15].

Материалы Экономических примечаний по Елецкому уезду хранятся в РГАДА в фонде 1355 и представлены 4 документами, три из которых относятся к изначальному варианту межевания 1780-х гг., а одно является оригиналом повторного межевания, проведенного не ранее 1795 г., так как в нем есть прямое указание, что население г. Ельца и Елецкого уезда записано по итогам V ревизии, состоявшейся в 1795 г. Данные источники были подробно изучены автором, и основные фактические сведения уже публиковались ранее [9], но в целях построения картины социально-экономического развития уезда в хронологической последовательности, повторим основные положения.

В данных источниках впервые приводятся точные цифры по степени освоения земельного фонда Елецкого уезда в сочетании с численностью жителей.

В Ельце по ревизии 1782 г. проживало чуть более 5000 человек. Общая численность податного населения уезда составляла почти 51000 жителей со средней людностью двора в 6,4 человека. Общая численность всего населения уезда на момент 4 переписи составила около 57000 человек.

Таким образом, численность податного населения между 3 и 4 ревизиями выросла в уезде фактически в 2 раза. Соотношение доли владельческого крестьянства и однодворцев сохранилось в прежней пропорции, что указывает на стабилизацию внешнего притока населения в регион.

К началу XIX в. поселенческая сеть в Елецком уезде претерпела существенные изменения по сравнению с серединой XVIII в. Количество сел сократилось с 69 до 62, но в отношении других населенных пунктов произошел кратный прирост: число селеч увеличилось с 50 до 156 (в 3 раза), деревень с 52 до 195 (почти в 4 раза), появились 144 пустоши, большая часть которых со временем превратится в полноценные деревни. Рост селеч и деревень частично произошел за счет изменения статуса хуторов и их превращения в более многолюдные поселки, но изменения не столь существенны – вместо 75 хуторов по переписи 1795 г. было зафиксировано 11.

В целом, между созданием «Топографического описания Орловского наместничества» и вторым вариантом «Экономических примечаний» общее число поселков в уезде (без городских слобод) увеличилось почти в два раза с 246 до 424.

Численность населения в Елецком уезде по переписи 1795 года составила 92925 человек, а вместе с г. Ельцом – 102405 человек. Средняя людность 1 сельского двора дошла примерно до 9 человек. Таким образом, даже по сравнению с 4 ревизией численность жите-

лей уезда выросла более чем на 40%, при этом увеличилась и людность двора в среднем чуть более чем на 2 человека.

По итогам 5 ревизии доля крестьянства в уезде по отношению к однодворцам изменилась в пользу первых – примерно 60% на 40%. Скорее всего, это стало следствием усиления скупки земли крупными землевладельцами и заселением поместий крепостным крестьянством в 1780-1790-е гг.

Всего в уезде проживало 36335 однодворцев, имевших во владении 811 крестьян, а численность крестьянства составляла 52463 человека обоего пола.

О характере экономического развития, в первую очередь сельского хозяйства, свидетельствуют данные о распределении земельных угодий в уезде. В соответствии с первым вариантом экономических примечаний без учета г. Ельца и городской округи в Елецком уезде значилось 418749 дес. общей площади земли, из которой пашня составляла 261279 дес. (62,3%), сенокосы и выгонная земля – 78377 дес. (18,6%), леса – 59901 дес. (14,3%).

Во втором варианте примечаний (рубеж XVIII-XIX вв.) общая площадь уезда немного больше – 426295 дес. 1455 саж., с городской землей 430194 дес. 426 саж. [19, л.85]. Доля пашни составила 273238 дес. 995 саж., сеного покоса – 74441 дес. 2267 саж., леса 57814 дес. 1350 саж. Таким образом, произошло увеличение доли введенной в сельскохозяйственный оборот земли за счет сокращения площади лесов и луговых пастбищных и сенокосных пространств.

«Экономическое камеральное описание Елецкого уезда 1832 г.», по внутреннему содержанию было создано в стиле классического экономического описания к планам Генерального межевания. В нем приводится количество дворов по населенным пунктам и численность населения по 7 ревизии. Эта графа фиксировала мужское и женское население уезда по отдельным сословным группам (однодворцы, владельческие и однодворческие крестьяне) без учета духовенства и помещиков. Кроме того, в документе фиксировалось деление земельной дачи: усадебная земля, пашня, покос, лес строевой, лес строевой и дровяной, лес дровяной, неудобная земля, общая площадь угодий.

Согласно документу по 7 ревизии (1816 г.) в Елецком уезде проживало 58706 мужчин и 57207 женщин, всего 115913 человек. Совместно с г. Ельцом и городской округой численность населения доходила до 131674 жителей.

По сравнению с переписью 1795 г. население уезда увеличилось фактически на 20%, то есть сохранило высокий темп прироста 1% в год.

Земельный фонд уезда распределялся следующим образом: пашня – 263676 дес., сенные покосы и пастбищные выгоны – 72655 дес., лес строевой – 1659 дес., лес строевой и дровяной – 16551 дес., лес дровяной – 39450 дес. (общая площадь лесов – 57660 дес.).

В конце 1830-х гг. в Орловской губернии была проведена дополнительная работа по созданию нового статистического сборника по земледелию и землевладению по всем уездам губернии, в том числе и по Ельцу. Свидетельством данной работы стал документ «Статистические сведения о количестве земли под городами и уездами: под домами, садами, огородами, лугами лесами и прочее», появившийся примерно в 1836-1837 гг. [3, Д.979. Л.36].

Данный источник аккумулирует в себе сведения по распределению земельного фонда Елецкого уезда с 1829 г. по 1836 г., при этом в источнике все сведения 1829 г. остаются неизменными и актуальными по сравнению с 1829 г. Этот факт может указывать на то, что вся работа статистическому описанию землевладения во всех уездах Орловской губернии могла быть произведена еще в 1829 г., но только по Елецкому уезду она дошла в виде черновых записок. В Государственном архиве Липецкой области в фонде Елецкой земской управы (Ф.138) нами было обнаружено описание поземельной статистики Елецкого уезда за 1828-29 гг. [4]. В источнике представлена подробная информация о количестве усадебной площади, пашни, лесных и сенокосных угодий, а также неудобной земли для всех категорий

владельцев, для каждого отдельно взятого населенного пункта. К сожалению, сведения о земельных угодьях обобщены для однодворцев и крупных землевладельцев, вместе с крестьянской землей, что не дает полной картины по структуре землевладения в уезде.

По остальным уездам черновые материалы, скорее всего, не сохранились, во всяком случае, они не были обнаружены в фондах ГАОО.

Отличительной чертой данного документа является его шаблонная форма, а также в нем приводятся основные сведения по земельному фонду (пашенные и сенокосные угодья, леса, водные ресурсы, неудобные земли) с градацией по группам землевладельцев: помещиков, духовенства, однодворцев и различных категорий крестьянства. К сожалению, вследствие того, что большая часть помещичьих владений не была отмежевана от однодворческих, то это не дает полной картины распределения угодий по сословным группам.

Общая площадь уезда согласно источнику составляла 417615 дес. земли, из которой пашня – 263670 дес., под лугами 73064 дес., под лесами – 57704 дес.

В целом, приведенные цифры примерно совпадают с данными экономических примечаний и камерального описания 1832 г. Из этого следует, что возможно в основе сведений по земельному распределению угодий в уезде лежат цифры XVIII в. с небольшой корректировкой, так как в источниках встречаются правки графитным карандашом. Возможен и иной вариант, когда реальная площадь угодий была посчитана только в XIX в., а материалы экономических примечаний могли немного не соответствовать действительности. В любом случае, распределение обрабатываемой земли к остальным угодьям еще не нарушало баланс предельно допустимого уровня распашки.

Заключение

Хозяйственное освоение исторического региона Белгородской черты в территориальных рамках исследуемого Елецкого уезда Орловской губернии к концу XVIII в. еще не подошло к своему логическому завершению. Сохранившиеся анклавов целинной земли были введены в сельскохозяйственный оборот только в конце первой трети XIX в. Согласно дошедшим источникам к 1830-м гг. доля пашни не превышала 65% территории Елецкого уезда, что не нарушало экологического баланса. Леса и луговые угодья сохранились в достаточном количестве, но их площадь сокращалась пропорционально росту пашни.

За исследуемый период времени был зафиксирован существенный прирост населения, особенно увеличилась доля владельческого крестьянства в период правления Екатерины II. Именно при ней в уезде сложилось соотношение однодворцев (будущих государственных крестьян) и владельческих крестьян в пропорции 40% на 60%. Это соотношение населения в уезде сохранится вплоть до конца существования Российской империи.

В целом, население уезда с 1763 по 1816 гг. увеличилось более чем в 2 раза, что способствовало ускорению развития местной экономики и окончательному превращению некогда фронтальной зоны в житницу Российской империи.

Список источников и литературы

1. Важинский, В. М. (1974) *Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке: (По материалам юж. уездов России)*. Воронеж: Воронежский Педагогический институт. 237 с.

2. Водарский, Я. Е. (1988). *Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в.* Москва: Наука. 300 с.

3. Водарский, Я. Е. (1977). *Население России в конце XVII – начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение)*. Москва: Наука. 263 с.

4. Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. 138. Оп. 1. Д.1. Л.18.

5. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 592. Оп.1. Д.979. Л.65.

6. ГАОО. Ф.592. Оп. 2. Д. 69. Л.88.

7. Жиров, Н. А., Ляпин, Д. А. (2023). *Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII-XVIII веках* // Научный диалог. Т. 12. № 4. С. 432-450. DOI:10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450.

8. Жиров, Н. А. (2021). *Информационные возможности статистической документации первой половины XIX в. по социально-экономической истории территорий бывшей Белгородской черты* // История: факты и символы. № 4 (29). С. 72-82. DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-72-82

9. Жиров, Н. А. (2022). *Социально-экономическое развитие территории бывшей Белгородской черты по материалам «Экономических примечаний» к планам Генерального межевания Елецкого уезда Орловской губернии* // Вопросы истории. №. 9-1. С.76-84. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi10

10. Жуков, Д. С., Лямин, С. К., Канищев, В. В. (2013). *Фронтир и фрактал: результаты компьютерного моделирования динамики южно-российского фронта в середине XVII – XVIII вв.* // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 10 (126). С. 6-16.

11. Кабузан, В. М. (1963). *Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий*. Москва: Наука. 157 с.

12. Камараули, Е. В. (2018). *Формирование поселенческой структуры в южных уездах Рос-сии в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда)* // История: факты и символы. № 3 (16). С. 10-102. DOI 10.24888/2410-4205-2018-16-3-97-105.

13. Ковальченко, И. Д. (1959). *Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в.* Москва: Изд-во Моск. ун-та, 276 с.

14. Ляпин, Д. А., Жиров, Н. А. (2020). *Динамика социального состава населения Черноземья во второй половине XVII – первой трети XVIII вв. (на примере Елецкого уезда)* // История: факты и символы. № 3 (24). С. 72-82. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-24-3-72-82

15. Мизис, Ю. А., Кащенко, С. Г. (2011) *Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии* // Вестник Санкт-Петербургского университета. № 1. С. 9-16.

16. Милов, Л. В. (1998) *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. Москва: РОССПЭН. 573 с.

17. Милов, Л. В. (1965). *Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.)*. Москва: Изд-во Моск. ун-та. 312 с.

18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 971.

19. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 972.

20. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 18903.

References

1. Vazhinsky, V. M. (1974). *Zemlevladieniye i skladyvaniye obshchiny odnodvortsev v XVII veke: (Po materialam yuzh. uyezdov Rossii)* [Land ownership and the formation of a community of odnodvoretts in the XVII century: (Based on the materials of the South. counties of Russia)]. Voronezh, Voronezh Pedagogical Institute Publ. (in Russian).

2. Vodarskiy, YA. E. (1988). *Dvoryanskoye zemlevladieniye v Rossii v XVII – pervoy polovine XIX v.* [Noble landownership in Russia in the 17th – the first half of the 19th centuries]. Moscow, Nauka. (in Russian).

3. Vodarskiy YA. E. (1977). *Naseleniye Rossii v konce XVII – nachale XVIII veka: (CHislennost', soslovno-klassovyy sostav, razmeshcheniye)* [Population of Russia at the end of the

XVII – beginning of the XVIII century: (Number, class composition, location)]. Moscow, Science, (in Russian)

4. Gosudarstvennyy arkhiv Lipeckoy oblasti (GALO). F.138. Op 1. D. 1. (in Russian).

5. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO) [State archive of the Oryol region (GAOO)]. F. 592. Op 1. D. 979. JI.65. (in Russian).

6. GAOO. [GAOO]. F. 592. Op 2. D. 69. (in Russian).

7. Zhiron, N. A., Lyapin, D. A. (2023). *Evolutsiya sotsial'nogo povedeniya sel'skogo obshchestva Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVII-XVIII vekakh* [The evolution of the social behavior of the rural society of the Central Chernozem region in the XVII-XVIII centuries] in *Nauchnyy dialog*, 12, (4), 432-450. DOI:10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450. (in Russian).

8. Zhiron, N. A. (2021). *Informacionnye vozmozhnosti statisticheskoy dokumentatsii pervoy poloviny XIX v. po social'no-ekonomicheskoy istorii territorij byvshej Belgorodskoy cherty* [Information possibilities of statistical documentation of the first half of the XIX century on the socio-economic history of the territories of the former Belgorod line] in *History: facts and symbols*. 4 (29). P. 72-82. DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-72-82. (in Russian).

9. Zhiron, N. A. (2022). *Social'no-ekonomicheskoe razvitie territorii byvshej Belgorodskoy cherty po materialam «Ekonomicheskikh primechanij» k planam General'nogo mezhevaniya Eleckogo uezda Orlovskoy gubernii* [Socio-economic development of the territory of the former Belgorod line based on the materials of the "Economic Notes" to the plans of the General survey of the Yelets district of the Oryol province] in *Questions of history*. 9-1. P.76-84. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi10. (in Russian).

10. Zhukov, D.S., Lyamin, S.K., Kanishchev, V.V. (2013). *Frontir i fraktal: rezul'taty komp'yuternogo modelirovaniya dinamiki yuzhno-rossijskogo frontira v seredine XVII – XVIII vv. //* [Frontier and fractal: results of computer modeling of the dynamics of the southern Russian frontier in the middle of the XVII – XVIII centuries.] in *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanitarian Sciences*. 10 (126), P. 6-16. (in Russian)

11. Kabuzan, V. M. (1963). *Narodonaseleniye Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX v.: Po materialam reviziy* [Population of Russia in the 18th - the first half of the 19th century: Based on the materials of revisions]. Moscow, Nauka. (in Russian).

12. Kamarauli, E. V. (2018). *Formirovanie poselencheskoj struktury v yuzhnyh uezdah Rossii v pervoy polovine XVII v. (na primere Voronezhskogo uezda)* [Formation of the settlement structure in the southern uyezds of Russia in the first half of the XVII century. (on the example of the Voronezh district)] in *History: facts and symbols*. 3 (16). P. 101. (in Russian)

13. Koval'chenko, I. D. (1959). *Krest'yane i krepostnoe hozyajstvo Ryazanskoj i Tambovskoj gubernij v pervoy polovine XIX v.* [Peasants and serfdom of the Ryazan and Tambov provinces in the first half of the XIX century] Moscow, Moscow State University Publishing House. (in Russian).

14. Lyapin, D. A., Zhiron, N. A. (2020). *Dinamika social'nogo sostava naseleniya Chernozem'ya vo vtoroj polovine XVII – pervoj treti XVIII vv. (na primere Eleckogo uezda)* [Dynamics of the social composition of the population of the Chernozem region in the second half of the XVII - first third of the XVIII centuries . (on the example of Yelets county)] in *History: facts and symbols*. №3 (24). C. 72-82. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-24-3-72-82 (in Russian)

15. Mizis, Yu. A., Kashchenko, S. G. (2011) A., Kashchenko, S. G. (2011) *Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. v otechestvennoj istoriografii* [The problem of the formation of the Russian frontier in the south of Russia in the 16th - first half of the 18th centuries in Russian historiography] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 1, 9-16. (in Russian).

16. Milov, L. V. (1998). *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian plowman and the peculiarities of the Russian historical process], Moscow, ROSSPEN. (in Russian).

17. Milov, L. V. (1965). *Issledovanie ob «Ekonomicheskikh primechaniyah» k General'nomu mezhevaniyu (K istorii russkogo krest'yanstva i sel'skogo hozyajstva vtoroj poloviny XVIII v.)*. Research on "Economic Notes" to the General Land Survey (On the History of the Russian Peasantry and Agriculture in the Second Half of the XVIII century) Moscow, Moscow State University Publishing House. (in Russian).
18. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 1355. Op. 1. D. 971. (in Russian).
19. RGADA. [RGADA]. F. 1355. Op. 1. D. 972. (in Russian).
20. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). [Russian State Military Historical Archive (RGVIA)]. F. 846. Op. 16. D. 18903. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-115-126>

УДК 94 (571) 16/18

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ.

Алёна Р. Мельникова

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
ул. Коммунаров, д. 28, Елец, 399770, Российская Федерация*

Аннотация.

Введение. В статье рассматриваются социально-экономические вопросы локальной истории Центрального Черноземья в XVIII – первой четверти XIX вв. Исследуются демографические процессы, которые происходили в с. Паниковец Елецкого уезда и д. Пикалово Ливенского уезда. Приводится половозрастная характеристика сельского социума, а также статистические данные о формах организации семейно-родовых групп. **Материалы и методы.** Данная статья является результатом изучения массовых источников, относящихся к XVIII – первой четверти XIX вв. Материалами для работы послужили ландрадская книга 1716 г., ревизские сказки 1782 и 1811 гг., а также «Экономические примечания к планам Генерального межевания» (1795 и 1832 гг.) [3, 4, 5, 16, 17]. Аналитическое сопоставление сведений из вышеуказанных источников является основной задачей исследования. **Результаты.** Предметом статьи выступили аспекты социального развития двух крупных поселений современной Липецкой области. Автор приходит к выводу, что убыль жителей с. Паниковец в петровскую эпоху превышала рождаемость. В дальнейшем были зафиксированы стабильные улучшения демографических показателей как в с. Паниковец, так и в д. Пикалово. Существенный прирост населения наблюдался на протяжении второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. **Заключение.** Преобладающей социальной группой как в с. Паниковец, так и в д. Пикалово являлись однодворцы, которые еще в XVII в. заселились на данной территории. Ведение сельскохозяйственной деятельности было затруднено малочисленностью крестьянской категории населения. Упоминание о владельческих крестьянах имеется лишь в источниках конца XVIII в. Удалось установить, что к началу XIX в. в с. Паниковец и д. Пикалово имела тенденция расширения дворов и увеличения численного состава семей. На протяжении ста лет наблюдался рост количества детей в семьях. Местное общество постоянно интегрировалось в социальное-экономическое пространство ближайших поселений. Таким образом, сельский социум представлял собой динамичную социальную организацию.

Ключевые слова: ландрадская перепись, ревизские сказки, социально-демографическое развитие, однодворцы, сельское население, Петровская эпоха

Для цитирования: Мельникова А.Р. Динамика социально-демографического развития сельских поселений региона Центрального Черноземья в XVIII – первой четверти XIX вв. // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 115-126, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-115-126>

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00400) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

Конфликт интересов. А.Р. Мельникова является научным сотрудником учредителя журнала – ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина». Учредитель не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования.

Статья поступила: 15.04.2023

Статья принята в печать: 29.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Мельникова А., 2023

DYNAMICS OF SOCIAL AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RURAL SETTLEMENTS OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE 18TH – FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURIES

Alena R. Melnikova

Bunin Yelets State University,

st. Kommunarov, 28, Yelets, 399770, Russian Federation

Abstract

Introduction. The article deals with socio-economic issues of the local history of the Central Black earth region in the 18th - first quarter of the 19th century. The demographic processes that took place in the village of Panikovets, Yelets district and the village of Pikalovo, Livelynsky district. The gender and age characteristics of the rural society are given, as well as statistical data on the forms of organization of family and clan groups. **Materials and methods.** This article is the result of a study of mass sources relating to the 18th – the first quarter of the 19th centuries. The materials for the work were the Landrad census of 1716, revision lists of 1782 and 1811, as well as “Economic notes on the plans for general land surveying” (1795 and 1832). Analytical comparison of information from the above sources is the main task of the study. **Results.** The subject of the study was aspects of the social development of two large settlements of the modern Lipetsk region. The authors come to the conclusion that the decrease in the inhabitants of the village of Panikovets in the epoch of Peter I exceeded the birth rate. In the future, stable improvements in demographic indicators were recorded in both villages. A significant increase in the population was observed in the second half of the 18th - first quarter of the 19th centuries. **Conclusion.** The predominant social group both in the village of Panikovets, and Pikalovo were *odnodvortsy*, who settled in this area back in the 17th century. The agricultural activities were hampered by the insufficient number of the peasants. The mention of the owner's peasants is found only in the sources of the end of the 18th century. The study made it possible to establish that in the beginning of the XIX century both in Panikovets and in Pikalovo, there was a tendency to expand the yards and increase the number of families. For a hundred years, there was an increase in the number of children in families. The local society was constantly integrating into the socio-economics of the nearest settlements. The rural society was a dynamic social organization.

Keywords: Landrad census, revision lists, socio-demographic development, *odnodvortsy*, rural population, Peter's era

For citation: Melnikova A. Dynamics of social and demographic development of rural settlements of the Central Black earth region in the 18th – first quarter of the 19th centuries // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 115-126, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-115-126>

Acknowledgement: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00400) on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education " Bunin Yelets State University".

Conflict of interest. Alena Melnikova is a researcher of the founder of the journal – Bunin Yelets State University. The founder has nothing to do with the decision to publish this article. The article passed the peer review procedure adopted in the journal.

Received: 15.04.2023

Revised: 29.08.2023

Published: 22.09.2023

© Melnikova A., 2023

1. Введение

Научная значимость исследования обусловлена особым вниманием к локальной истории. Изучением ландрадских переписных книг занимался Я. Е. Водарский [2]. Он использовал критический подход при анализе данных источников и разработал специальную методику работы с подобными документами. П. Н. Милуков установил, что ландрадская перепись не оправдала ожидания государства, и потому было решено отказаться от подворного обложения [15]. Вопрос о достоверности данного исторического источника в историко-графической науке по-прежнему остается открытым.

Историку Ю. А. Мизису удалось выйти на качественно новый уровень в изучении специфики колонизационных процессов на Юге России [13]. Л. В. Милов выявил ряд тенденций, связанных с хозяйственно-экономическим укладом Центрально-Черноземного региона [14]. В область его научных интересов также входит изучение особенностей поведенческой структуры сельских поселений. Весомый вклад в исследовании социально-демографического вопроса также внесли историки Д. А. Ляпин и Н. А. Жиров [6, 7, 10, 11]. В их трудах освещается феномен колонизационных процессов на Юге России в XVII-XIX вв. Исследователи также занимаются анализом своеобразия быта однодворческого населения.

2. Материалы и методы

На примере двух поселений Центрального Черноземья мы можем изучить социально-экономическую трансформацию региона на протяжении 100 лет. В ходе исследования применялся микроисторический подход, то есть изучение и освещение особенностей развития определенных населенных пунктов. Благодаря данному методу выявляются изменения численности и анализируются причины убыли населения. Также нами был применен проблемно-хронологический метод. На примере таких поселений, как с. Паниковец (Богоявленское тож) и д. Пикалово анализируются изменения социальной структуры сельского общества. Метод историзма позволил нам систематизировать полученные данные о развитии региона Центрального Черноземья.

Основными источниками нашего исследования являются ландранская и ревизская переписи (1716 и 1782, 1811 гг.) [3, 4, 16]. Для более полного представления о социально-экономическом состоянии региона XVIII – первой четверти XIX вв. мы обратились к данным из Экономических примечаний по Елецкому уезду за 1795 и 1832 гг. [5, 17]. Мы систематизировали полученный статистический материал и отразили результаты произведенного анализа в диаграммах.

3. Результаты

Образование Елецкого и Ливенского уездов произошло в конце XVI в. и было связано с необходимостью укрепления южных рубежей Российского царства. Елецкий уезд активно осваивался новыми людьми на протяжении XVII в. Это связано с военно-политической трансформацией – появлением фронтального укрепления Белгородской черты

[7, с. 433]. Служилые люди стали интенсивно заселять территории Елецкого уезда. Однако заметим, что с. Паниковец находилось в стороне от южных рубежей и поэтому не имело большого стратегического значения. Данная территория привлекала землевладельцев удобным расположением и благоприятными условиями для ведения хозяйственной деятельности.

Село Паниковец стоит на берегу реки Каменка, которая является правым притоком Дона [11]. Расположено оно к западу от города Задонска. В источнике имеется информация о том, что в селе располагался храм Богоявления Господня.

В петровскую эпоху наблюдалась социальная трансформация общества – однодворческое население стало составлять основную категорию. В переписной книге оно фиксировалось как рейтары, копейщики и городовые. Мы проанализировали ландрадскую книгу по Елецкому уезду. Перепись осуществлялась местными чиновниками по указу Петра I. Учет населения проводился по дворам, включая вдовьи и пустые дворы. Основная цель ландрадской книги – фиксация общего числа налогоплательщиков по конкретному уезду. В источнике представлена информация не только о мужском населении, но и женском. Основное внимание уделялось описанию численности жителей населенных пунктов Елецкого уезда. Источник фиксирует наличное и убылое население. Ландрадская книга представляет собой типичную скоропись первой трети XVIII в. Подчерк понятен и разборчив, потерянных или испорченных страниц нет [10, с. 255].

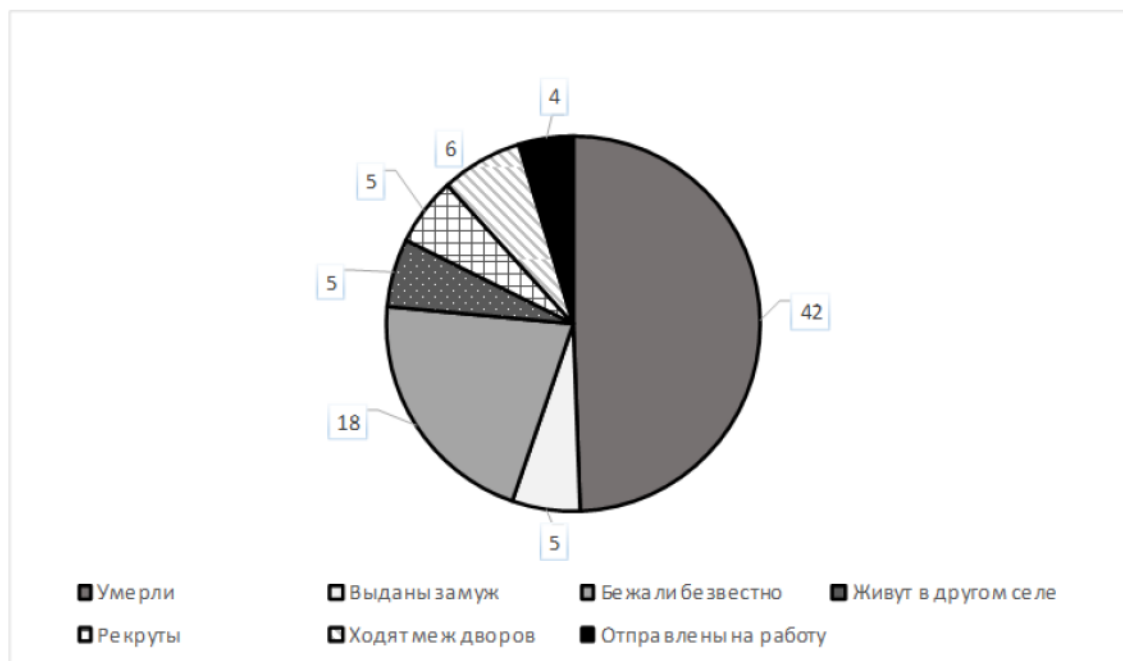
По ландрадской переписи 1716 г. мы имеем описание с. Паниковец, а также близ лежащих деревень Локтево и Панарьино. Зафиксировано следующее примечание о священнослужителях: «по переписи 1710 г. оные попы в перечни не писаны, а написаны в поповом перечне по стану» [16, л. 936]. Исходя из данных, приведенных за 1710 г. в с. Паниковец было 3 поповых двора и 22 двора «работных людей». В селе проживали 10 попов, 90 копейщиков, 49 рейтар и 6 городских обоих полов. В 1716 г. году наблюдалась заметная убыль населения. Так, в с. Паниковец проживало 10 попов, 50 копейщиков и 35 рейтар. Упоминание о городских отсутствует, так как все они «бежали безвестно» [16, л. 929-936]. По произведенным подсчетам удалось выяснить, что основную массу населения составили люди зрелого возраста от 25 до 60 лет (57% от общего числа жителей). Менее всех в с. Паниковец проживало престарелых людей – всего 9%. В некоторых случаях в источнике указывалось о состоянии здоровья человека – «стар, дряхл, увечен в ранах») [16, л. 929-936].

После переписи 1710 г. в с. Паниковец прибыло 32 человека. Семьи были преимущественно нуклеарного типа, то есть в одном дворе в основном проживали только родители и их дети. За 6 лет из села убыло 85 человек. Смертность – основной показатель убыли населения. Выделим также другие причины – это иное место жительства, замужество, отправленные в солдаты и на работу (в основном в Киев), а также ходившие меж дворов и пропавшие безвестно (Diagram 1).

Диаграмма 1. Причины убыли населения Елецкого уезда по данным ландрадской книги 1716 г.

Diagram 1. Causes of population decline of the Yelets district according to the Landrad census of 1716.

Источник: [16].

Перейдем к анализу следующего исторического источника (ревизские сказки), который является результатом переписи подушного населения XVIII-XIX в. Ревизская перепись осуществлялась не только для того, чтобы произвести очередной учет населения, но и для совершенствования системы сбора налогов для содержания армии.

Ревизские сказки составлялись на разные категории населения отдельно от других, например, регистрация однодворцев велась в одних источниках, а владельческие крестьяне фиксировались в других ревизских сказках по владельцам помещикам. В силу сохранности источников нами были изучены только ревизии по однодворцам с. Паниковец, тоже самое касается и ситуации с деревней Пикалово Ливенского уезда.

В источнике производился учет мужчин и женщин с указанием имени, отчества, возраста и степени родства. Также указывалась фамилия главы каждой отдельной семьи. В ревизских сказках имеются примечания о происхождении женщин, то есть о прошлом месте жительства. Фиксировались названия населенных пунктов, куда девушки были выданы замуж [3, 4]. Информация приведена в виде таблицы, состоящей из следующих столбцов: возраст на момент предыдущей переписи (за 1762 г.), причина убыли и возраст по настоящей ревизии (1782 г.). В ревизских сказках производилось деление записей по дворам, из которых можно было понять, как менялся состав семьи и узнать количество родственников [3].

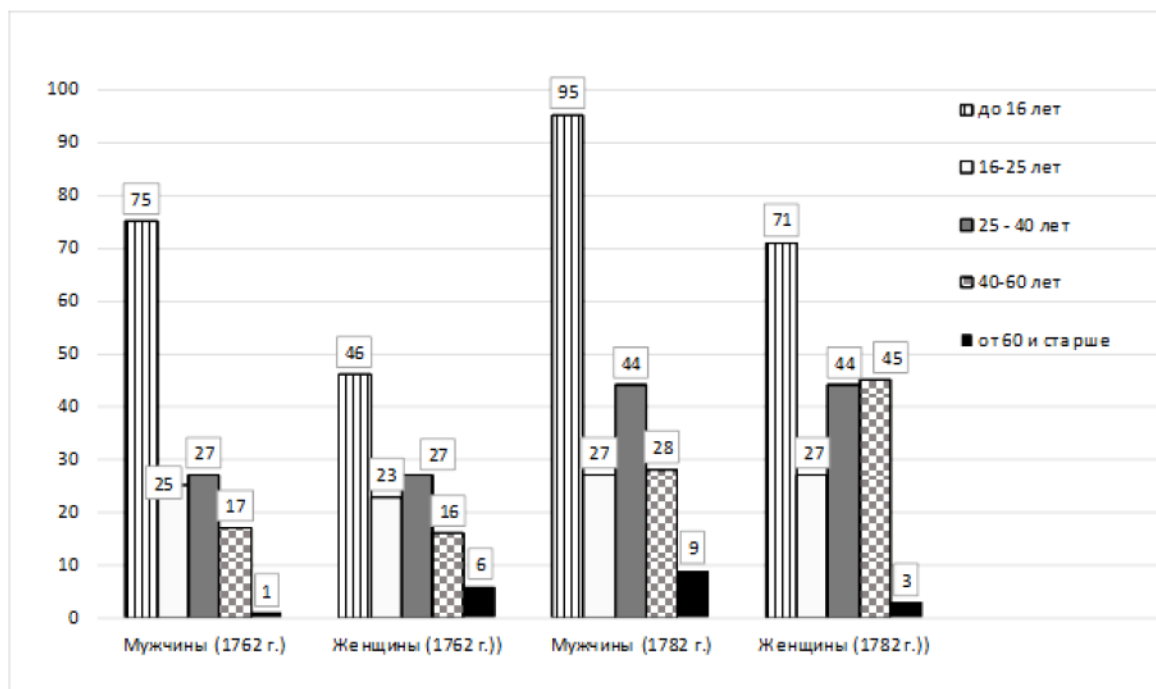
Исходя из статистических данных, представленных в диаграмме можно заметить, что дети и подростки в возрасте до 16 лет составляли большинство от общего числа жителей с. Паниковец. По-прежнему люди старше 60 лет составляли меньшинство (Diagram 2). По сравнению с 1762 г. численность людей среднего возраста увеличилась практически в два раза. Заметим, что к 1782 г. население с. Паниковец значительно возросло (на 33%). Несмотря на видимые оптимистичные результаты все же стоит уделить внимание и другим социальным процессам. За двадцать лет по разным причинам из с. Паниковец убыло 120 человек. Довольно серьезный показатель, учитывая тот факт, что смертность от общего числа убывших людей составила около 58%. Население было мобильным и весьма динамичным. Около 30% покинули пределы села по причине замужества или смены места жительства. Селились преимущественно в близлежащих поселениях: с. Долгуши, с. Казачье,

с. Хмеленец, с. Болховское, д. Колодезное и д. Панарьино). Рождаемость имела высокие показатели – 166 детей обоих полов. Данные результаты свидетельствуют о демографическом росте с. Паниковец в будущем.

Диаграмма 2. Половозрастная характеристика населения по данным ревзий 1762 и 1782 гг.

Diagram 2. Gender and age characteristics according to the revisions of 1762 and 1782.

Источник: [17].

Для того чтобы понять специфику социального преобразования сельского социума второй половины XVIII века рассмотрим подробнее состав семей. Если в начале XVIII в. в с. Паниковец преобладали нуклеарные семьи, то к концу века наблюдается значительное расширение семей. В одном дворе проживало сразу несколько поколений родственников: бабушки, дедушки, тети и дяди, внуки, племянники и т.д. Соответственно прослеживается существенное изменение общей численности членов семьи. В среднем в каждом дворе проживало более 6 человек, большинство из них дети. Количество родственников, проживавших в одном дворе, могло превышать 15 человек. Расширение семей, несомненно, оказывало положительное влияние на интенсивность хозяйственного освоения территорий.

Приступим к анализу данных, которые нам удалось получить из Экономических примечаний Елецкого уезда. Уникальность данного источника в том, что помимо указаний о численности населения, здесь также имеются примечания о ландшафтных и экономических особенностях поселения. По источнику 1795 г. общество разделялось на социальные категории: однодворцев и владельческих крестьян. Так число мужчин однодворцев составляло 202, а женщин 212 человек [17, л. 27 об.]. Владельческих же крестьян было гораздо меньше: мужского пола 59 человек, а женского 61. Бывшие служилые люди все еще преобладали над остальным населением. Данная тенденция характерна не только для Елецкого уезда, но и для других регионов Центрального Черноземья, в частности для Воронежского и Ливенского уездов.

Село Паниковец (Богоявленское) имело территориально выгодное расположение. В источнике имеются примечания о том, что земля плодородна и пригодна для ведения сель-

ского хозяйства. Здесь имеются «плодовитые деревья и регулярные сады» [17]. Недалеко от села расположены лесные массивы, где водилась различная живность. На данной территории производилась регулярная запашка земель. Так, в источнике зафиксировано 885 десятин пашенной земли. К примеру, в деревнях Локтево и Панарьино 254 и 59 десятин соответственно.

Диаграмма 3. Колебание численности жителей с. Паниковец в XVIII – первой четверти XIX вв.

Diagram 3. The number of inhabitants of the village of Panikovets in the 18th – first quarter of the 19th centuries

Источник: [16; 17]

По данным 7 ревизии 1816 г. [5] мы наблюдаем незначительное снижение численности однодворческого населения, при этом наблюдался уверенный рост владельческих крестьян (224 мужчин и 240 женщин). Таким образом, на протяжении XVIII – первой четверти XIX в. наблюдался существенный рост как мужского, так и женского населения. Важно заметить, что ландрадская перепись 1716 г. фиксирует убыль населения относительно 1710 г. Затем бы можем наблюдать существенный, подъем численности жителей ко второй половине XVIII в. (Diagram 3). Это было связано с высоким уровнем рождаемости и динамичностью (люди активно переселялись в с. Паниковец, преимущественно женщины).

Для полного понимания вопроса социально-демографических преобразований региона Центрального Черноземья в XVIII – первой четверти XIX вв. обратимся к еще одному поселению – д. Пикалово Ливенского уезда, входившего до середины XVIII в. в приход с. Навесное. Необходимо внести ясность, что в настоящее время деревня расположена на Юго-западе Липецкой области. Во второй половине XVIII в. в Ливенском уезде наблюдались интенсивные демографические преобразования. Полное освоение данной территории произошло лишь в начале XIX в. Люди селились преимущественно на территориях с выгодным географическим расположением, которые были благоприятны для ведения хозяйственной деятельности. Экономическое развитие уезда напрямую зависело от населявших его людей. Здесь в основном проживали служилые люди и помещики, которые были заняты военным делом [7]. Количество крестьян в правобережной части Ливенского уезда было незначительным, что несомненно оказало негативное влияние на хозяйственное развитие. Де-

ревня Пикалово стала заселяться однодворцами: «вышедшие из села Навесного и поселившиеся вновь после 3 ревизии».

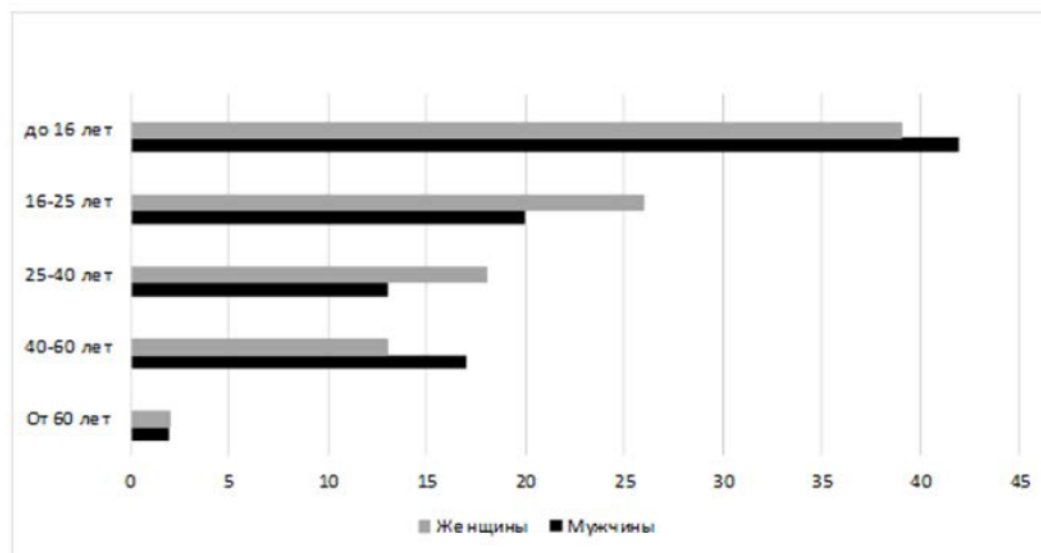
К сожалению, мы не имеем материалов о социальных процессах, происходивших на данной территории в начале XVIII в. Обратимся к 4, 5 и 6 ревизской переписи [4]. В источнике за 1782 г. отсутствуют сведения о предыдущей ревизии. Фиксировались лишь потери населения. Так число умерших составило 26 человек и еще 4 были выданы замуж. В д. Пикалово находятся 24 жилых двора. Половозрастной состав однодворческого населения был примерно равным (98 мужчин и 94 женщины).

Из приведенной ниже диаграммы можно заметить, что дети составили большинство от общего числа жителей (Diagram 4). Следующими по численности были молодые люди в возрасте до 25 лет. Зрелые люди составили 30% от общего количества. В источнике имеются примечания о происхождении женщин. Так из с. Навесное пришли 11 девушек, 3 из с. Покровское, 3 из д. Круглой и 2 из д. Борки. Также в д. Пикалово переселялись из таких населенных пунктов, как г. Ливны, с. Волово, с. Стрелец и с. Гатище.

Диаграмма 4. Половозрастная структура д. Пикалово в 1782 г.

Diagram 4. Gender and age structure of the village of Pikalovo as in 1782

Источник: [17].

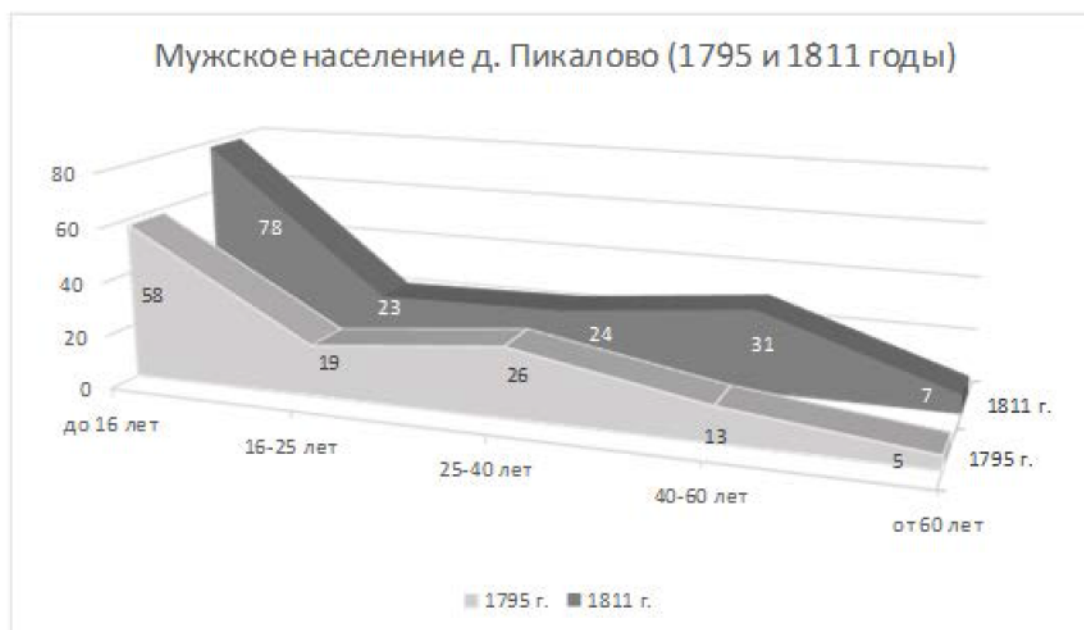

Приступим к оценке состава семей. В основном они были расширенные. В среднем 3 семьи могли проживать в одном доме. Общая численность членов семьи при этом могла достигать до 13 человек, но как правило варьировалась от 5 до 10 человек. Около половины от общего количества семей имели более 4 детей, что несомненно является показателем высокой рождаемости. Всего 10% приходится на семьи, в которых был 1 ребенок. Из 24 дворов лишь в 3 не было детей.

Перейдем к анализу ревизии за 1811 г. В источник включены сведения по предыдущей переписи за 1795 г. (Diagram 4). В отличие от ревизской сказки 1782 года, в переписи 1811 г. были зафиксированы только мужчины [4]. Это было связано с тем, что эта ревизия была не полной и только в ревизии 1816 г. вновь регистрируется все население.

В д. Пикалово в данный период имелось 44 двора, причем как по переписи 1795 г., так и по ревизии 1811 г [4]. Наблюдался заметный прирост численности мужского населения. Пятая ревизия фиксировала 121 человека, а шестая – 162. Однако не стоит забывать и о показателях убыли населения. Среди причин указала смертность – 24 человека и 5 мужчин отданы в рекруты.

Диаграмма 5. Колебания численности мужского населения д. Пикалово в 1795 и 1811 гг.
 Diagram 5. Fluctuations in the male population of the village of Pikalovo in 1795 and 1811
 Источник: [17].

Итак, за 30 лет мужское население увеличилось примерно на 40%. Обратимся к возрастному критерию. Преобладающей группой населения оставались дети и подростки до 16 лет. Число мужчин в возрасте от 40 до 60 лет за данный период возросло более чем в 2 раза. Деревня Пикалово имела удачное географическое расположение. В ее округе было большое количество крупных населенных пунктов. Число жителей в период с 1782 г. по 1811 г. непрерывно возрастало. Местным однодворцам приходилось самостоятельно вести хозяйственную деятельность на данных территориях.

Заключение

Освоения Елецкого и Ливенского уездов было непосредственно связано с процессом заселения однодворцев. Их привлекали комфортные природные условия. Занятие сельскохозяйственной деятельностью было скорее вынужденной мерой, так как бывшее служилое население значительно преобладало по численности над остальными социальными категориями.

Вопрос о достоверности ландрадской книги, как исторического источника все еще остается открытым. Насколько он объективен судить сложно, однако не стоит пренебрегать сведениями из данного документа. Ландрадская книга позволила понять специфику социально-экономических процессов, проходивших в Елецком уезде в эпоху петровских преобразований. Источник отмечает убыль населения по сравнению с XVII в. Работа с разными типами переписей – это ценный опыт, который дает возможность понять уникальность каждого документа и выделить особенности структуры источника.

В ходе исследования по данным ревизской переписи удалось зафиксировать существенный рост числа жителей ко второй половине XVIII в. Это было обусловлено высоким уровнем рождаемости и мобильности общества. По сравнению с петровской эпохой к концу столетия в с. Паниковец значительно увеличился численный состав семьи. Преобладали семьи расширенного типа – в одном дворе проживало в среднем 6-8 родственников. Деревня

Пикалово имела весьма схожие социально-демографические тенденции. Было отмечено преобладание детей над прочими возрастными категориями. Численность мужчин по сравнению с количеством женщин отличалась несущественно, в зависимости от года проведения переписи.

Таким образом, мы имеем результаты о существенном росте количественных показателей социального состава населения к первой четверти XIX в. Так с 1716 г. по 1816 г. число жителей с. Паниковец увеличилось в 3 раза. В д. Пикалово тоже фиксируется рост населения. Количество мужчин с 1782 г. по 1811 г. изменилось практически в 2 раза. Оба поселения интегрировались в социальное пространство ближних сел и деревень. Люди вступали в брак, меняли место жительства, уезжали на работу в уездные города. Данные показатели свидетельствуют о положительной социально-демографической динамике в регионе.

Список источников и литературы

1. Важинский, В. М. (1974) *Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке: (По материалам юж. уездов России)*. Воронеж: Воронежский Педагогический институт. 237 с.
2. Водарский, Я. Е. (1988). *Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в.* Москва: Наука. 300 с.
3. Государственный архив Орловской области ГАОО. Ф. 760. Оп 1. Д. 122.
4. ГАОО. Ф. 760. Оп 1. Д. 291.
5. ГАОО. Ф. 592. Оп. 1. Д. 69.
6. Жиров, Н. А., Ляпин, Д. А. (2017). *Социальная организация и формы поведенческих моделей населения южнорусского общества в контексте урбанизации Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII веков // История: факты и символы. № 4 (13). С. 7-14.*
7. Жиров, Н. А., Ляпин, Д. А. (2023). *Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII-XVIII веках // Научный диалог. № 4. С. 432-450.*
8. Кабузан, В. М. (1963). *Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий.* Москва: Наука. 157 с.
9. Ключков, М. В. (1911). *Население России при Петре Великом по переписям того времени.* Санкт-Петербург: Сенатская типография. 435 с.
10. Ляпин, Д. А. (2021). *Ландратские книги: характеристика источника и его ин-формационный потенциал // Quaestio Rossica. № 9 (1). С. 254-264.*
11. Ляпин, Д. А., Логунова, Н. В. (2023) *Село Паниковец Елецкого уезда: социально-демографическое развитие локальной территории в XVII в. // История: факты и символы. № 2 (35). С. 8-16.*
12. Мельникова, А.Р. (2022) *Посадское население исторического региона белгородской черты в эпоху петровских преобразований (по материалам ландратской книги Ельца 1716 г.) // История: факты и символы. №4 (33). С. 85-92.*
13. Мизис, Ю. А., Кащенко, С.Г. (2011) *Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. № 1. С. 9-16.*
14. Милов, Л. В. (1998) *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса.* Москва: РОССПЭН. 573 с.
15. Милуков, П. Н. (1905). *Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого.* Санкт-Петербург: типография М. М. Стасюлевича. 678 с.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 113.

17. ПГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 972.

References

1. Vazhinsky, V. M. (1974). *Zemlevladieniye i skladyvaniye obshchiny odnodvortsev v XVII veke: (Po materialam yuzh. uyezdov Rossii)* [Land ownership and the formation of a community of odnodvoretts in the XVII century: (Based on the materials of the South. counties of Russia)]. Voronezh, Voronezh Pedagogical Institute Publ. (in Russian).
2. Vodarskiy, YA. E. (1988). *Dvoryanskoye zemlevladieniye v Rossii v XVII – pervoy polovine XIX v.* [Noble landownership in Russia in the 17th - the first half of the 19th centuries]. Moscow, Nauka. (in Russian).
3. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO) [State archive of the Oryol region (GAOO)]. F. 760. Op 1. D. 122. (in Russian).
4. GAOO. [GAOO]. F. 760. Op 1. D. 291. (in Russian).
5. GAOO. [GAOO]. F. 592. Op 1. D. 69. (in Russian).
6. Zhirov, N. A., Lyapin, D. A. (2017). *Sotsial'naya organizatsiya i formy povedencheskikh modeley naseleniya yuzhnorusskogo obshchestva v kontekste urbanizatsii Tsentral'noChernozemnogo regiona v kontse XVI – nachale XVIII vekov* [Social organization and forms of behavioral models of the population of South Russian society in the context of urbanization of the Central Black Earth region in the late 16th – early 18th centuries] in *Istoriya: Fakty i simvoly*, 4 (13), 7-14. (in Russian).
7. Zhirov, N. A., Lyapin, D. A. (2023). *Evolyutsiya sotsial'nogo povedeniya sel'skogo obshchestva Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVII-XVIII vekakh* [The evolution of the social behavior of the rural society of the Central Chernozem region in the XVII-XVIII centuries] in *Nauchnyy dialog*, 4, 432-450. (in Russian).
8. Kabuzan, V. M. (1963). *Narodonaseleniye Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX v.: Po materialam reviziy* [Population of Russia in the 18th - the first half of the 19th century: Based on the materials of revisions]. Moscow, Nauka. (in Russian).
9. Klochkov, M. V. (1911). *Naseleniye Rossii pri Petre Velikom po perepisyam togo vremeni.* [The population of Russia under Peter the Great according to the censuses of that time.]. St. Petersburg, Senatskaya Publ. (in Russian)
10. Lyapin, D. A. (2021). *Landratskiye knigi: kharakteristika istochnika i yego informatsionnyy potentsial* [Landratsky books: characteristics of the source and its information potential] in *Quaestio Rossica*, 9 (1), 254-264. (in Russian).
11. Lyapin, D. A., Logunova, N. V. (2023) *Selo Panikovets Yeletskego uyezda: sotsial'no-demograficheskoye razvitiye lokal'noy territorii v XVII v.* [The village of Panikovets, Yelets district: socio-demographic development of the local territory in the 17th century] in *Istoriya: Fakty i simvoly*, 2 (35), 8-16. (in Russian).
12. Melnikova, A.R. (2022) *Posadskoye naseleniye istoricheskogo regiona belgorodskoy cherty v epokhu petrovskikh preobrazovaniy (po materialam landratskoy knigi Yel'tsa 1716 g.)* [Posad population of the historical region of the Belgorod line in the era of Peter's transformations (based on the Landrat book of Yelets 1716)] in *Istoriya: Fakty i simvoly*, 4 (33), 85-92. (in Russian).
13. Mizis, Yu. A., Kashchenko, S.G. (2011) A., Kashchenko, S.G. (2011) *Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. v otechestvennoy istoriografii* [The problem of the formation of the Russian frontier in the south of Russia in the 16th - first half of the 18th centuries in Russian historiography] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 1, 9-16. (in Russian).

14. Milov, L. V. (1998). *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian plowman and the peculiarities of the Russian historical process], Moscow, ROSSPEN. (in Russian).
15. Milyukov, P. N. (1905). *Gosudarstvennoye khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII v. i reforma Petra Velikogo*. [State economy of Russia in the first quarter of the 18th century and the reform of Peter the Great]. St. Petersburg, M. M. Stasyulevicha Publ. (in Russian).
16. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 350. Op. 1. D. 113. (in Russian).
17. RGADA. [RGADA]. F. 1355. Op. 1. D. 972. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-127-136>
УДК 94 (497.17)

**«ПОТЕРЯВШИ РОДИНУ, ОБРЕЛ ПРИЗНАНИЕ НА ЧУЖБИНЕ...».
ЖИЗНЬ И СУДЬБА РУССКОГО ВОЕННОГО ИНЖЕНЕРА
ВЛАДИМИРА АПОЛЛОНИОВИЧА АНТОНОВА**

Александр Н. Плужников,
Владимир В. Канищев*

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
ул. Интернациональная, д. 33, Тамбов, 392000, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается траектория жизненного пути представителя офицерского корпуса русской императорской армии, военного инженера Владимира Аполлоновича Антонова. Данный выбор объясняется тем, что в последнее время вопросы изучения биографий представителей русской эмиграции стали весьма актуальными. **Материалы и методы.** Авторами статьи было проведено микроисторическое исследование судьбы одного из таких представителей, которое продемонстрировало как типичные, так и особенные эпизоды из его жизни. Основу работы составили данные Адрес-календарей и Памятных книжек Вятской и Тамбовской губерний, материалы Государственного архива Тамбовской области и Российского государственного военно-исторического архива. **Результаты.** В результате изучения разнообразных источников удалось составить описание юношеских лет нашего героя в годы его обучения в Тамбове. Рассмотреть нюансы, связанные с получением военного образования, началом службы, приобретением первого боевого опыта и прохождением обучения в военной академии. Изучив документы периода Первой мировой войны, авторы смогли проследить боевой путь Владимира Аполлоновича, отмеченный несколькими наградами. В «смутный» период Гражданской войны удалось выяснить факт его участия в рядах белого движения и эмиграции. Апофеозом исследования стала судьба В.А. Антонова за границей, где он смог реализовать свое призвание и войти в историю города Куманово. Помимо этого, результатом работы стало уточнение некоторых неточностей и ошибок, допущенных ранее в трудах некоторых исследователей. **Заключение.** Проведение подобных исследований позволяет дать объективную оценку многогранности судеб русской военной эмиграции, которая представляла внушительный пласт наших соотечественников оказавшихся в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

Ключевые слова: образование, военный инженер, Русско-японская война, Первая мировая война, Гражданская война, эмиграция, Королевство сербов, хорватов и словенцев, архитектура.

Для цитирования: Плужников А.Н., Канищев В.В. Межнациональные аспекты дорожной традиции (Россия, XVII–XIX века) // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 127-136, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-127-136>

Статья поступила: 14.05.2023

Статья принята в печать: 29.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

* Ответственный автор.

© Плужников А., Канищев В., 2023

**«“HAVING LOST HIS HOMELAND, HE GAINED RECOGNITION IN A FOREIGN
LAND ...”. LIFE AND FATE OF RUSSIAN MILITARY ENGINEER
VLADIMIR APOLLONOVICH ANTONOV**

*Alexander N. Pluzhnikov,**

Vladimir V. Kanishchev

*Derzhavin Tambov State University,
st. Internatsionalnaya, 33, Tambov, 392000, Russian Federation*

Abstract

Introduction. The article examines the trajectory of the life of a representative of the officer corps of the Russian Imperial Army, military engineer Vladimir Apollonovich Antonov. This choice is explained by the fact that recently the issues of studying the biographies of representatives of Russian emigration have become very relevant. **Materials and methods.** The authors of the article conducted a microhistoric study of the fate of one of these representatives, which demonstrated both typical and special episodes from his life. The basis of the work was the data of Address calendars and Commemorative books of the Vyatka and Tambov provinces, materials of the State Archive of the Tambov region and the Russian State Military Historical Archive. **Results.** As a result of studying various sources, it was possible to compile a description of our hero's youthful years during his studies in Tambov. Consider the nuances associated with obtaining a military education, starting service, acquiring the first combat experience and completing training at the military academy. Having studied the documents of the period of the First World War, the authors were able to trace the combat path of Vladimir Apollonovich, who was awarded several awards. During the "troubled" period of the Civil War, it was possible to find out the fact of his participation in the ranks of the white movement and emigration. The apotheosis of the research was the fate of V.A. Antonov abroad, where he was able to realize his vocation and enter the history of the city of Kumanovo. In addition, the result of the work was the clarification of some inaccuracies and errors made earlier in the works of some researchers. **Conclusion.** Conducting such studies allows us to give an objective assessment of the multifaceted fate of the Russian military emigration, which represented an impressive layer of our compatriots who found themselves in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes.

Keywords: education, military engineer, Russian-Japanese War, World War I, Civil War, emigration, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, architecture

For citation: Pluzhnikov A., Kanishchev V. «Having lost his homeland, he gained recognition in a foreign land...». Life and fate of the russian military engineer Vladimir Apollonovich Antonov // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 121-130, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-127-136>

Received: 14.05.2023

Revised: 29.08.2023

Published: 22.02.2023

* Corresponding author

© Pluzhnikov A., Kanishchev V., 2023

1. Введение

Русская эмиграция в Югославии в первой трети XX в. оставила значительный след в жизни братского славянского народа. Данная тема широко освещена в работах, как российских [28], так и сербских ученых [21]. При этом всесторонне рассматривались вопросы количества эмигрировавших русских в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), их размещение, влияние на архитектурное строительство, культуру (театр, живопись, оперу, литературу), общественно-политическую и научную жизнь [8, с. 325-336; 18; 19].

Несмотря на, казалось бы, достаточную изученность данного вопроса, остаются сюжеты, требующие более детального рассмотрения. Один из них связан с вкладом русских архитекторов в городское строительство Королевства СХС.

В начале 1920-х гг., после окончания Мировой войны и создания триединого королевства существовала большая потребность в архитекторах и строителях, особенно, если учитывать, что сильно разрушенный Белград должен был соответствовать уровню новой столицы [1, с. 61].

Широко известны имена русских зодчих в Сербии, таких как Н. П. Краснова, Р. Н. Верховского, В. В. Сташевского, В. Ф. Баумгартена, А. В. Папкина, Г. П. Ковалевского, В. М. Андросова, Г. И. Самойлова [1, с. 61-62]. Причем ареал их работы и творчества в основном был связан с Белградом. В нем проживало больше всего русских эмигрантов. Исследователями установлено, что русские архитекторы спроектировали и построили около 250 частных домов только в Белграде. Большая часть крупных государственных и общественных сооружений зачастую связана с русскими именами [17, с. 283].

Тем не менее, на наш взгляд, в тени «столичных» зодчих остались достойные внимания русские эмигранты-архитекторы, работавшие на периферии Королевства СХС и также оставившие значительный след в гражданском строительстве. Историком В. И. Косиком была предпринята попытка изучения вклада русских архитекторов, работавших не только в Белграде, но и по всей территории Королевства СХС [17, с. 283 - 300]. Основной упор в работе был сделан именно на столичном наследии русских строителей, и возможно связан с имевшимися в распоряжении автора необходимыми источниками.

2. Материалы и методы

Занимаясь судьбами офицеров российской императорской армии, мы столкнулись с интересной биографией капитана Владимира Аполлоновича Антонова, участника Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, эмигрировавшего в Югославию. Он не только сменил офицерский мундир на гражданский костюм, но и оставил значительный след в городской архитектуре Куманово (современная Северная Македония). Кумановцы по сей день чтут память русского архитектора В. А. Антонова и проводят работу по сохранению его архитектурного наследия.

В данной работе был применен микроисторический метод исследования, позволивший сформировать достаточно подробное описание жизненного пути нашего героя, а также уточнить некоторые неточности, допущенные в различных упоминаниях о нем.

Основу работы составили данные Адрес-календарей и Памятных книжек Вятской и Тамбовской губерний, материалы Государственного архива Тамбовской области (ГАТО) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

3. Результаты

В македонских и российских источниках имеются противоречивые сведения, связанные с В. А. Антоновым. Так, в универсальной интернет-энциклопедии «Википедия», о Владимире Аполлоновиче указывается, что он уроженец Тамбова и родился в 1882 г. [30]. В документе по месту службы было записано, что Владимир Антонов родился в том же году [24, л. 7 об.]. Г. Константиновский в своем сборнике ориентировочно определяет год его рождения – 1885 [16, с. 59].

Различные источники сообщали, что В. А. Антонов в 1900 г. окончил Тамбовское реальное училище. Изучая документы училища, связанные с обучением нашего героя, мы установили, что родился Владимир Антонов в Вятке 11 (23) июля 1881 г. [3, л. 2 об.]. И тут ошибки быть не может, т.к. при зачислении на учебу подавалась метрика, о чем зафиксировано в училищных документах.

Удалось установить, что его отец Аполлон Нестерович, 1857 г. рождения, окончивший школу межевых топографов [11, с. 245], в 1880 г. – служащий Вятской губернии, числился в Вятском отряде по составлению владенных записей старшим топографом в чине коллежского асессора [9, с. 14]. С 1885 г. возглавлял 1-е Вятское съёмочное отделение в чине коллежского советника до 1890 г. [10, с. 247; 12, с. 174].

С 1891 г. он уже не упоминался в списках служащих Вятской губернии [13], а переехал в Тамбов, о чем свидетельствует прошение в январе 1892 г. коллежского советника А. Н. Антонова на имя директора Тамбовского реального училища о надлежном испытании сына Владимира и помещении его в класс, в котором он «по своим знаниям и возрасту, может поступить» [2, л. 1]. Также сообщалось, что Владимир приготовился для поступления в подготовительный класс, получив домашнее образование. Указывался домашний адрес: Тамбов, 3 часть, Солдатская ул., дом Хатунцева [2, л. 1].

При зачислении Владимира в училище отец написал типичное обязательство одевать сына по установленной форме, снабжать всеми учебниками и пособиями, вносить в определенные сроки установленную плату за обучение и не допускать его «до обращения с огнестрельным оружием» [2, л. 2].

При определении Владимира в училище вместе с ним зачислялся на обучение его младший брат Михаил [3, л. 14 об.], а в 1889 г. туда же был зачислен и третий брат Александр [4, л. 4]. Братья обучались «на свой кошт», т.е. стипендий и пособий не получали и воспитывались на средства отца [2, л. 4].

В прошении на имя директора Тамбовского реального училища 2 июля 1899 г. А. Н. Антонов сообщал, что его сын Владимир окончил с отличием курс VI классов и желает продолжить обучение в высшем учебном заведении, поэтому просит выдать документы, подаваемые при поступлении [2, л. 8]. Выпускники шестых классов реального училища имели право поступать в высшие технические заведения, но по желанию могли продолжить обучение в седьмом классе, получив знания по дополнительным предметам.

Возможно, что изменились обстоятельства, тем не менее, А. Н. Антонов уже 30 сентября 1899 г. просил директора Тамбовского реального училища «допустить к продолжению наук в седьмом классе» сына Владимира [2, л. 7].

В свидетельстве, выданном ученику дополнительного класса В. А. Антонову, сообщалось, что обучение в VII классе происходило с 4 октября 1889 г. по 7 июня 1900 г. «при отличном поведении» [2, л. 3]. На основании ст. 90 Устава реального училища, он мог поступить в высшие специальные училища, подвергаясь «только поверочному испытанию» [2, л. 3]. Следует заметить, что отметки «отлично» имелись только по предметам: Закон Божий, тригонометрия и рисование. По остальным предметам – «четыре», а по геометрии – «три» [2, л. 3]. Помня о принципе историзма, наверное, не следует сравнивать систему профессионального образования дореволюционной России с нынешней, если выпускника с такими отметками рекомендовалось принять в технический ВУЗ по собеседованию. Система учебных заведений в России сильно трансформировалась после 1917 г., и попытки проводить сопоставления между дореволюционными гимназиями, советскими «средними» школами и современными профессионально-техническими заведениями ошибочно [28, с. 23].

В опубликованных ранее упоминаниях о Владимире Аполлоновиче нами обнаружены очередные неточности. Так, в работе по русским архитекторам в Югославии В. И. Косик упоминал, что зодчий Владимир Антонов, еще до революции имел опыт постройки церкви Св. Троицы в Куманово в 1899–1901 гг. [16, с. 296]. Но на основании выявленных нами до-

кументом с полной уверенностью можно опровергнуть данный факт. Владимир Антонов никак не мог в то время принимать участие в этом строительстве, т.к. в 1900 г. только закончил Тамбовское реальное училище. В предписании, в какое высшее учебное заведение желают поступить выпускники дополнительного VII класса, указывалось, что Владимир Антонов собирался продолжить обучение в Санкт-Петербургском горном институте [5, л. 15].

На данный момент остаются невыясненными все перипетии обучения В. Антонова в институте. Вероятно, он прервал свое обучение, поскольку уже через два года в нижнем чине был зачислен в Киевское пехотное юнкерское училище, которое закончил в 1904 г. по 1-му разряду [23, л. 7 об.]. Пройти институтский курс за два года он не мог, что послужило основанием прекратить обучение в ВУЗе и поступить в военное училище – неясно. Тем не менее, в списках выпускников горного института В. Антонов не числился [29].

Из Киева по распределению Владимир Аполлонович попал на Дальний Восток во 2-й Заамурский железнодорожный батальон, который был сформирован летом 1903 г. [21]. Владимир Аполлонович прибыл в расположение батальона, как говорится, «с корабля на бал». Россия уже полгода вела войну с Японией и молодому офицеру сразу пришлось отправиться к театру военных действий. По имеющимся данным в делах против неприятеля принимала участие только 12-я рота [21]. К сожалению, мы не располагаем данными, в каком подразделении батальона в тот момент проходил службу В. А. Антонов, однако известно, что за участие в кампании подпоручик Антонов был удостоен своей первой военной награды, ордена святого Станислава III степени [21].

После окончания войны служба В. А. Антонова продолжилась в г. Харбине. В 1907 г. Высочайшим повелением ему было присвоено звание поручика. В том же году батальон был переименован во 2-й Заамурский железнодорожный батальон пограничной стражи [21].

Мы предполагаем, что здесь Владимир Аполлонович женился на дочери будущего генерала Николая Васильевича Подгорецкого [22], с братом которой он, вероятно, служил в одном батальоне [21].

Служба в Харбине продолжалась до 1909 г., после чего Владимир Аполлонович поступил в Николаевскую инженерную академию. В стенах академии В. А. Антонов был произведен в чин штабс-капитана 29 октября 1911 г. В конце мая 1912 г. Владимир Аполлонович получил чин капитана и окончил академию по 1-му разряду, вновь продемонстрировав свои навыки в области точных наук и инженерного дела [23, л. 7 об.].

Новым местом его службы стала Новогеоргиевская крепость, располагавшаяся в Варшавском военном округе в 30 километрах от Варшавы, куда он прибыл в июне 1912 г. и с 21 числа был зачислен на должность младшего производителя работ управления строения крепости. Через год он был представлен к ордену святой Анны III степени [23, л. 7 об.].

В годы Первой мировой войны история Новогеоргиевской крепости стала одной из печальных ее страниц. Мы не хотели бы останавливаться на деталях причин, приведших к столь стремительному падению одной из крупнейших крепостей Российской империи с большим гарнизоном и достаточным количеством артиллерии тем более, что работ этому вопросу было написано достаточно.

Первой наградой Владимира Аполлоновича, заслуженной в годы войны, стал орден св. Станислава II степени. Об этом свидетельствует запись, сделанная в списке штаб и обер-офицеров и класных чиновников, которые были представлены к наградам за боевые отличия комендантом Новогеоргиевской крепости генералом от кавалерии Н. П. Бобырем в ходатайствах от 26 и 29 октября 1914 г.: «инженеру для поручений при штабе 79 пехотной дивизии, капитану Владимиру Антонову» [24, л. 7].

Надо пояснить, что 79-я пехотная дивизия была сформирована из кадра 44-й пехотной дивизии в июле 1914 г. Входила в состав 2-й армии Северо-западного фронта, а позже была включена в Варшавский отряд того же фронта. А. А. Керсновский писал: «79-я пехот-

ная дивизия добросовестно дралась с германским противником в тяжёлых боях при Влоцлавске, у Кутно и по Нареву» [14, с. 201].

Несмотря на падение крепости, в августе 1915 г. В. А. Антонов был удостоен очередной награды ордена св. Анны IV степени с надписью «за храбрость». В деле Высочайших приказов Его Императорского Величества от 3 января 1916 г. отмечено: «военному инженеру Новогеоргиевского крепостного инженерного управления, Владимиру Антонову» [25, л. 55].

Летом 1916 г. последовало еще одно награждение орденом св. Равноапостольного Князя Владимира IV степени с мечами и бантом с формулировкой: «Служившему в Новогеоргиевском крепостном инженерном управлении, ныне исправляющему должность 3-го старшего производителя работ управления начальника инженеров 2-й армии, военному инженеру, Владимиру Антонову» [26, л. 337]. Как известно, 2-я армия после разделения Северо-Западного фронта вошла в его западную часть. С боями она отходила из Польши, Литвы и Курляндии, а в марте 1916 г. принимала участие в Нарочской операции. Возможно, за заслуги, проявленные в этот непростой период, Владимир Аполлонович и был удостоен двух упомянутых наград.

В межреволюционный период февраля – октября 1917 г. о судьбе В. А. Антонова ничего не известно. Однако, благодаря исследованиям доктора исторических наук С. В. Волкова, у нас появилась версия об участии Владимира Аполлоновича в рядах белого движения на юге России. В своей базе данных Сергей Владимирович упоминает некоего Антонова В. А. в рядах Вооруженных сил юга России (ВСЮР), членом Астраханского войскового круга, впоследствии эвакуировавшегося из России на корабле «Дунай» [6, с. 261].

В эмиграции, как мы уже упоминали, Владимир Аполлонович оказался в Королевстве СХС в небольшом городке Куманово, где жил со своей семьей [30].

Именно в Куманово взошла звезда архитектурного таланта нашего героя. Как утверждают македонские источники, правда, с некоторыми неточностями, о которых говорилось выше, именно он первым реализовал градостроительный план, который был подготовлен в 1923 г. чешским инженером Душаном Мирославом [31].

Сербский историк М. Йованович отмечает, что появление большого числа русских интеллектуальных профессионалов различного профиля заполнило вакуум, который образовался в югославском обществе, экономике и культуре в результате гибели огромного числа людей в только что закончившейся войне [19, с. 42 - 43].

В 1925 г. Владимир Аполлонович был допущен к конкурсу на должность муниципального инженера и после утверждения, вместе со своим сыном Николаем, который к тому времени закончил архитектурный факультет в Белграде, приступили к реализации вышеупомянутого плана. Помимо этого, отец и сын занимались подготовкой собственных архитектурных проектов, которые были реализованы в последующие 15 лет. В качестве примера приводятся следующие сооружения: «Дом ремесел» в 1930 г., в период с 1932 по 1933 гг. строились муниципальные объекты, отель «Куманово», частные жилые и деловые здания на улице Октомври, нижний городской парк. Кроме того, были построены дома для ряда известных семей [31]. Так, по проекту В. А. Антонова был возведен дом для известного кумановского фотографа Сифрида Миладинова [13].

Большинство объектов, выполненных В. А. Антоновым, относятся к неоклассицизму. По мнению специалистов, благодаря своему мастерству и славянской широте русские архитекторы внесли неповторимый вклад в городскую архитектуру Королевства СХС, сочетая различные исторические стили. Имея склонность к эклектике, они смягчали строгий академический стиль. Благодаря русскому влиянию сербская архитектура освободилась от провинциального архаизма и приблизилась к европейской культуре [7, с. 330, 333].

Владимир Аполлонович отличался, как и бывает свойственно русскому человеку, большим гостеприимством. У него было много друзей, для которых он регулярно устраивал

вечеринки и посиделки. Был избран президентом общества пожарных и вообще пользовался всеобщей любовью и уважением.

К огромному сожалению, в период бурной творческой деятельности у Владимира Аполлоновича случилось страшное горе. В 1936 г. во время военных учений погиб его сын Николай. Спустя пять лет, в ходе Второй мировой войны, в апреле 1941 г. часть территории Югославии (современная Северная Македония) были оккупированы болгарскими войсками. Новые власти депортировали русского эмигранта, и он вынужден был искать пристанище в русской колонии в Баня Луке, а в 1944 г. перебрался в Нови-Сад, где проживала его невестка. Вернуться в Куманово удалось только после окончания войны в 1946 г., и в этом же году Владимир Аполлонович умер. Похоронен он был на городском кладбище, но, к сожалению, из-за последствий войны, а также начавшейся в 1991 г. гражданской войны и последующего распада Социалистической Федеративной Республики Югославии, данные о месте его захоронения, были утрачены [31].

Однако, как гласит пословица: «Доброе дело без награды не остается». В ноябре 2009 г. в Куманово проходили мероприятия, приуроченные 490-летию первого упоминания о городе. В торжественной обстановке мер муниципалитета Зоран Домьяновски объявил об увековечивании имен пяти самых известных жителей Куманово в XX в. и среди них прозвучало имя русского военного инженера Владимира Аполлоновича Антонова. На сегодняшний день в Куманово ведутся работы по охране и реконструкции старинных зданий, которые во многом пришли в упадок, в том числе и наследие Владимира Аполлоновича Антонова [32].

4. Заключение

Данное исследование дало возможность получить объективное представление о типичных и уникальных аспектах жизненного пути представителя офицерского корпуса русской императорской армии, о котором имелись разрозненные и зачастую недостоверные упоминания. Уникальность подобного рода исследований позволяет восстанавливать память о многочисленных, малоизвестных в России представителях русской эмиграции, сохраняя память о непростых событиях в истории отечества и ее народа.

Список источников и литературы

1. Бондарева, Е. А., Мухачёв, Ю. В. (2015). *Русская эмиграция в Югославии (1920–1945). Прибытие и размещение русских беженцев в Королевстве СХС. Статус и государственная поддержка. Русско-сербские контакты // Русское зарубежье: история и современность*. Сб. ст. Т. Вып. 4. С. 61.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 110, Оп. 15. Д. 9.
3. ГАТО. Ф. 110, Оп. 15. Д. 14.
4. ГАТО. Ф. 110. Оп. 22. Д. 57.
5. ГАТО. Ф. 110. Оп. 23. Д. 145.
6. Волков, С. В. (2016). База данных «Участники Белого движения в России». Буква А. Стр. 261.
7. Кадиевич, А. (2008). *Основные исторические, идеологические и эстетические аспекты архитектуры русской эмиграции в Югославии 1920-1950-х гг.: Исследование, интерпретация, оценка / Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского Зарубежья*. СПб. С. 325-336.
8. Календарь Вятской губернии 1880. Вятка, 1879. С. 14.
9. Календарь Вятской губернии на 1885 год. Вятка. 1884. С. 247.
10. Календарь Вятской губернии на 1886 год. Вятка. 1885. С. 245.
11. Календарь Вятской губернии на 1890 год. Вятка. 1889. С. 174.
12. Календарь Вятской губернии на 1891 год. Вятка 1890.

13. URL: <https://www.kafepauza.mk/film-i-tv/makedonski-filmski-hroniki/> (дата обращения: 18.02.2023).
14. Керсновский, А. А. (1994). *История русской армии*. Т. 4. 1915-1917 гг. М. С. 201.
15. Константиновски, Г. (2001). *Градители во Македонија XVIII–XX век*. Скопје. С. 59.
16. Косик, В. И. (2010). *Русские зодчие в Югославии* // Славянский альманах. С. 283.
17. Косик, В. И. (2022). *Русская эмиграция в Сербии XX–XXI вв.* Москва: Пробел-2000. 284 с.; Косик, В. И. (2007). *Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции. 1920-1950 годы*. Москва: Институт славяноведения РАН. 288 с.
18. Никифоров, К. В. (2021). *Особенности изучения русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии)* // Славяне и Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв.: к 100-летию со дня рождения И. С. Достян (Материалы науч. конф. в рамках X Никитинских чтений, дек. 2020 г., Москва. Москва. С. 502-512.
19. Йованович, М. (1996). *Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования* // Русская эмиграция в Югославии. Москва. С. 42-43.
20. Йованович, М. (2005) *Русская эмиграция в Югославии: 1920-1940*. Москва. 487 с.
21. URL: [https://www.gia1914.info/index.php/2-й_Заамурский_железнодорожный_батальон_\(1\)](https://www.gia1914.info/index.php/2-й_Заамурский_железнодорожный_батальон_(1)) (дата обращения: 20.01.2023).
22. URL: https://www.gia1914.info/index.php/Подгорецкий_Николай_Васильевич (дата обращения: 20.01.2023).
23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 408. Оп. 1. Д. 7831. Л. 7 об.
24. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 2. Д. 113. Л. 7.
25. РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14827. Л. 55.
26. РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14832. Л. 337.
27. *Русская эмиграция в Югославии*. Москва. 1996. 350 с.
28. Сапрыкин, Д. Л. (2009). *Образовательный потенциал Российской Империи*. Москва. С. 23.
29. Список лиц окончивших курс в Горном Институте с 1847 по 1908 год (по выпускам). С.-Петербург. 1908. 121 с.
30. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Антонов,_Владимир_Аполлонович (дата обращения: 15.01.2023).
31. URL: <https://kumanovonews.mk/retrospektiva/ludjeto-delata-gi-krasat>. (дата обращения: 18.02.2023).
32. URL: <https://kumanovonews.mk/retrospektiva/se-vgradija-vo-kumanovskata-vecnost-pet-naj-kumanovci-na-20-vek>. (дата обращения: 18.01. 2023).

References

1. Bondareva, E. A., Muhachjov, Ju. V. (2015). Russkaja jemigracija v Jugoslavii (1920–1945). Pribytie i razmeshhenie russkih bezhencev v Korolevstve SHS. Status i gosudarstvennaja podderzhka. Russko-serbskie kontakty // Russkoe zarubezh'e: istorija i sovremennost'. Sb. st. T. Vyp. 4. S. 61. (in Russian).
2. Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti (GATO). F. 110, Op. 15. D. 9. (in Russian).
3. GATO. F. 110, Op. 15. D. 14. (in Russian).
4. GATO. F.110. Op. 22. D. 57. (in Russian).
5. GATO. F. 110. Op. 23. D. 145. (in Russian).
6. Volkov, S. V. (2016). Baza dannyh «Uchastniki Belogo dvizhenija v Rossii». Bukva A. Str. 261. (in Russian).

7. Kadievich, A. (2008). Osnovnye istoricheskie, ideologicheskie i jesteticheskie aspekty arhitektury russoj jemigracii v Jugoslavii 1920-1950-h gg.: Issledovanie, interpretacija, ocenka / Izobrazitel'noe iskusstvo, arhitektura i iskusstvovedenie Russkogo Zarubezh'ja. SPb. S. 325-336. (in Serbian).
8. Kalendar' Vjatskoj gubernii 1880. Vjatka, 1879. S. 14. (in Russian).
9. Kalendar' Vjatskoj gubernii na 1885 god. Vjatka. 1884. S. 247. (in Russian).
10. Kalendar' Vjatskoj gubernii na 1886 god. Vjatka. 1885. S. 245. (in Russian).
11. Kalendar' Vjatskoj gubernii na 1890 god. Vjatka. 1889. S. 174. (in Russian).
12. Kalendar' Vjatskoj gubernii na 1891 god. Vjatka 1890. (in Russian).
13. URL: <https://www.kafepauza.mk/film-i-tv/makedonski-filmski-hroniki/> (data obrashhenija: 18.02.2023). (in Serbian).
14. Kersnovskij, A. A. (1994). Istorija russoj armii. T. 4. 1915-1917 gg. M. S. 201. (in Russian).
15. Konstantinovskij, G. (2001). Graditelite vo Makedonija XVIII–XX vek. Skopje. S. 59. (in Serbian).
16. Kosik, V. I. (2010). Russkie zodchie v Jugoslavii // Slavjanskij al'manah. S. 283. (in Russian).
17. Kosik, V. I. (2022). Russkaja jemigracija v Serbii HH-HHI vv. Moskva: Probel-2000. 284 s.; Kosik, V. I. (2007). Chto mne do vas, mostovye Belgrada? Oчерki o russoj jemigracii. 1920-1950 gody. Moskva: Institut slavjanovedenija RAN. 288 s. (in Russian).
18. Nikiforov, K. V. (2021). Osobennosti izuchenija russoj jemigracii v Korolevstve SHS (Jugoslavii) // Slavjane i Rossija: vzgljad na Balkany. HVIII-HHI vv.: k 100-letiju so dnja rozhenija I.S. Dostjan (Materialy nauch. konf. v ramkah X Nikitinskih chtenij, dek. 2020 g., Moskva. Moskva. S. 502-512. (in Russian).
19. Jovanovich, M. (1996). Rossija v izgnanii. Granicy, masshtaby i osnovnye problemy issledovanija // Russkaja jemigracija v Jugoslavii. Moskva. S. 42-43. (in Serbian).
20. Jovanovich, M. (2005) Russkaja jemigracija v Jugoslavii: 1920-1940. Moskva. 487 s. (in Russian).
21. URL:[https://www.ria1914.info/index.php/2-j_Zaamurskij_zheleznodoronyj_batal'on_\(1\)](https://www.ria1914.info/index.php/2-j_Zaamurskij_zheleznodoronyj_batal'on_(1)) (data obrashhenija: 20.01.2023). (in Russian).
22. URL:https://www.ria1914.info/index.php/Podgoreckij_Nikolaj_Vasil'evich (data obrashhenija: 20.01.2023). (in Russian).
23. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). F. 408. Op. 1. D. 7831. L. 7 ob. (in Russian).
24. RGVIA. F. 2048. Op. 2. D. 113. L. 7. (in Russian).
25. RGVIA. F. Pечатnye izdanija. Op. Pечатnye izdanija. D. 14827. L. 55. (in Russian).
26. RGVIA. F. Pечатnye izdanija. Op. Pечатnye izdanija. D. 14832. L. 337. (in Russian).
27. Russkaja jemigracija v Jugoslavii. Moskva. 1996. 350 s. (in Russian).
28. Saprykin, D. L. (2009). Obrazovatel'nyj potencial Rossijskoj Imperii. Moskva. S. 23. (in Russian).
29. Spisok lic okonchivshih kurs v Gornom Institute s 1847 po 1908 god (po vypuskam). S.-Peterburg. 1908. 121 s. (in Russian).
30. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Antonov,_Vladimir_Apollonovich (data obrashhenija: 15.01.2023). (in Russian).
31. URL: <https://kumanovonews.mk/retrospektiva/ludjeto-delata-gi-krasat>. (data obrashhenija: 18.02.2023). (in Serbian).
32. URL: <https://kumanovonews.mk/retrospektiva/se-vgradija-vo-kumanovskata-vecnost-pet-naj-kumanovci-na-20-vek>. (data obrashhenija: 18.01. 2023). (in Serbian).

Вклад авторов:

Александр Плужников: получение данных для анализа, анализ полученных данных, написание текста рукописи, обзор публикаций по теме статьи.

Владимир Канищев: получение данных для анализа, анализ полученных данных, написание текста рукописи, обзор публикаций по теме статьи.

Authors' contributions:

Alexander Pluzhnikov: obtaining data for analysis, analyzing the data obtained, writing the text of the manuscript, reviewing publications on the topic of the article.

Vladimir Kanishchev: obtaining data for analysis, analyzing the obtained data, writing the text of the manuscript, reviewing publications on the topic of the article.

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-137-148>

УДК 303.446.4

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1917 г.

Олег О. Сепелёв

*Институт языкознания российской академии наук
Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается проблема обеспечения продуктами питания Московской губернии в 1917 году. Анализ деятельности Московского Губернского продовольственного комитета позволяет проследить особенности продовольственного дела в России, поиск путей выхода из складывающейся ситуации с поставками хлеба и предметами первой необходимости в губернию. Продовольственная политика во все времена является основой национальной безопасности страны, так как включает экономические, социальные, национальные факторы, обеспечивающие основу стабильности государства. Продовольственный кризис, начавшийся в 1916 году, стал катализатором революционных процессов 1917 года в России. Обращаясь к деятельности царского правительства, Временного правительства в области регулирования аграрного вопроса, обеспечения продовольствием армии и гражданского населения можно проследить механизмы политики предложенных реформ, их положительные и отрицательные стороны. **Материалы и методы.** Специальных исследований, посвященных деятельности непосредственно Московского Губернского продовольственного комитета не проводилось, как правило, затрагивались темы поставок продовольствия для Москвы, но не исследовался вопрос снабжения населения губернии. Для анализа материалов мы использовали системно-структурный и системный методы. **Результаты.** Основываясь на архивных материалах, в статье акцентируется внимание на нормотворческой деятельности комитета в сфере регулирования работы местных комитетов, инструкторов, агентов. Показана практическая работа по организации обеспечения продовольствием населения губернии, установлению твердых цен, учету урожая 1917 года и др. **Заключение.** В результате Московский Губернский продовольственный комитет выполнял все возложенные на него временным положением функции, проводил в жизнь закон о хлебной монополии, но непоследовательность принимаемых решений Временным правительством, неэффективность работы системы заготовительного аппарата, не позволили провести намеченные мероприятия в решении продовольственного вопроса.

Ключевые слова: продовольственный кризис, Временное правительство, хлебная монополия, продовольственные комитеты, хлеб, поставки, твердые цены

Для цитирования: Сепелёв О. О. Деятельность Московского губернского продовольственного комитета при осуществлении продовольственной политики временного правительства в 1917 г. // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 137-148, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-137-148>.

Статья поступила: 02.05.2023

Статья принята в печать: 25.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Сепелёв О., 2023

ACTIVITIES OF THE MOSCOW PROVINCE FOOD COMMITTEE DURING THE IMPLEMENTATION OF THE FOOD POLICY OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT IN 1917

Oleg O. Sepelev

Institute of Linguistics

of the Russian Academy of Sciences

Bolshoi Kislovsky lane, 1, building 1, Moscow, 125009, Russian Federation

Abstract

Introduction. The article deals with the problem of providing food to the Moscow province in 1917. An analysis of the activities of the Moscow Provincial Food Committee allows us to trace the features of the food business in Russia, to find ways out of the current situation with the supply of bread and essentials to the province. Food policy at all times is the basis of the national security of the country, as it includes economic, social, national factors that provide the basis for the stability of the state. The food crisis that began in 1916 became the catalyst for the revolutionary processes of 1917 in Russia. Turning to the activities of the tsarist government, the Provisional Government in the field of regulating the agrarian issue, providing food for the army and the civilian population, one can trace the policy mechanisms of the proposed reforms, their positive and negative sides. **Materials and methods.** There were no special studies devoted to the activities of the Moscow Provincial Food Committee directly, as a rule, the topics of food supplies for Moscow were touched upon, but the issue of supplying the population of the province was not investigated. For the analysis of materials, we used system-structural and system methods. **Results.** Based on archival materials, the article focuses on the rule-making activities of the committee in the field of regulating the work of local committees, instructors, and agents. Practical work is shown on organizing the provision of food to the population of the province, setting fixed prices, accounting for the harvest of 1917, etc. **Conclusion.** As a result, the Moscow Provincial Food Committee performed all the functions assigned to it by the provisional regulation, implemented the law on the grain monopoly, but the inconsistency of the decisions made by the Provisional Government, the inefficiency of the system of the procurement apparatus, did not allow the planned measures to be taken in solving the food issue.

Keywords: food crisis, Provisional Government, grain monopoly, food committees, bread, supplies, fixed prices

For citation: Sepelev O. Activities of the Moscow province food committee in the implementation of the food policy of the provisional government in 1917 // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 137-148, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-137-148>

Received: 02.05.2023

Revised: 29.08.2023

Published: 22.09.2023

© Sepelev O., 2023

1. Введение

Продовольственная политика во все времена является основой национальной безопасности страны, так как включает экономические, социальные, национальные факторы, обеспечивающие основу стабильности государства. Продовольственный кризис, начавшийся в 1916 году, стал катализатором революционных процессов 1917 года в России. Обращаясь к деятельности царского правительства, Временного правительства в области регулирования аграрного вопроса, обеспечения продовольствием армии и гражданского населения можно проследить механизмы политики предложенных реформ, их положительные и отрицательные стороны.

Первым на данную проблему обратил внимание товарищ министра продовольствия в последнем составе Временного правительства Н.Д. Кондратьев в работе «Рынок хлебов во время войны и революции» отметив неспособность государственных институтов осуществлять снабжение продовольствием население городов и фронт, что вынудило царское правительство в сентябре 1916 года ввести продовольственную разверстку, а Временное правительство принять закон 25 марта 1917 года о хлебной монополии [19]. Советская историография этот период рассматривала с позиций классовой борьбы крестьянства за землю, состоянием сельского хозяйства, испытывающим экономические потрясения в военные и революционные годы [12; 21]. Н. Е. Хитрина в обобщающем исследовании останавливается на анализе деятельности всех составов Временного правительства, отмечая неудачный опыт в аграрной политике из-за отсутствия коалиции политических сил внутри правительства [26]. Особое внимание привлекает фундаментальная работа Е. А. Вершининой «Продовольственные комитеты Нижегородской губернии в 1917 г.» в которой на фактическом материале рассматриваются продовольственная ситуация в 1917 году, транспортный кризис, падение хлебных запасов, деятельность продовольственных комитетов в губернии по обеспечению населения продовольствием [4]. С. Н. Артемов всесторонне рассматривает деятельность земельных комитетов всех уровней в подготовке аграрной реформы. Опираясь на обширный региональный материал, приходит к выводу, что неудачи аграрной политики обусловлены большим количеством государственных органов участвующих в ее формировании, отсутствии системного анализа разнообразных форм землепользования на территории страны [1; 2]. М. В. Оськин рассматривая продовольственный вопрос в России в 1917 году, отмечает, что одними из причин падения Временного правительства в октябре стали: транспортный кризис, падение хлебных запасов, развал фронта [20]. В целом историография дает негативную оценку этого периода, отмечая рост дороговизны, галопирующую инфляцию, нехватку товаров, катастрофическое ухудшение положения практически всех слоев населения и как следствие продовольственный кризис. Это был кризис распределения и снабжения, а не производства. Каким образом Временное правительство пыталось обеспечить население продовольствием, мы рассмотрим на примере работы Московского губернского продовольственного комитета.

2. Материалы и методы

Данная статья посвящена изучению деятельности продовольственных организаций Московской губернии, через деятельность продовольственных комитетов. Для анализа материалов мы использовали системно-структурный и системный методы. Основными историческими источниками выступили газетные материалы, освещавшие повседневную жизнь населения и отчеты деятельности продовольственных комитетов по обеспечению населения продовольствием.

Анализ архивного материала дает возможность проследить правотворческую деятельность продовольственных комитетов по организации поступления продовольствия в губернию, раскрыть общую картину о состоянии продовольственного дела в стране и Московской губернии в целом.

3. Результаты

Исходя из того, что всю наличность хлебного запаса государство должно было заготовить для нужд армии и населения, Временное правительство объявило весь хлеб принадлежащим государству. Были пересмотрены введенные царским правительством цены на хлеб, с увеличением в среднем на 50%, новые цены устанавливались для урожая 1917 года и прошлых лет. В законе от 25 марта Временное правительство утвердило постановление о передаче хлеба в распоряжение государства и временное положение о местных продовольственных органах. Для заведования производственным делом повсеместно учреждались продовольственные комитеты. Отдельно подчеркивалось, что образуются они до формирования на демократических основах местных органов власти [25, с. 3]. То есть в законе подчеркивалось, что вновь образуемые продовольственные органы носили временный характер, а деятельность их регламентировалась временным положением о местных продовольственных органах.

Меры, предлагаемые правительством для продовольственных комитетов, можно объединить в три основные задачи:

- 1) заготовительные – сбор продуктов, главного из них – хлеба;
- 2) распределительные – равномерное распределение имеющихся в наличии продовольственных запасов и предметов первой необходимости (в качестве обмена на хлеб);
- 3) оказание содействия по организации сельскохозяйственного производства (обеспечение семенным материалом, инвентарем, литературой по организации сельскохозяйственного производства).

Развитие сельского хозяйства на территории Московской губернии не обеспечивало продовольствием не только города, но и саму деревню, то есть губерния относилась к категории «потребляющей». Поэтому перед вновь образованными продовольственными органами сразу встали иные задачи, чем перед продовольственными комитетами «производящих» губерний.

6 апреля 1917 года состоялось первое организационное собрание Московского Губернского продовольственного комитета (далее МГПК), на которое были приглашены представители районных продовольственных организаций, кооперативных организаций, новых образованных органов исполнительных комитетов, представителей от советов рабочих и солдатских депутатов. В своей деятельности собрание опиралось на основные законоположения по организации и регулировке продовольственного дела в государстве. Определяя задачи в области организации сельскохозяйственного производства, собрание приняло решение опираться на существующую в губернии сеть агрономической организации губернского земства, включив ее представителей в состав губернского комитета, также признало необходимым до реорганизации местных самоуправлений на демократических началах образованным продовольственным комитетам «ввиду острой нехватки продуктов у населения, немедленно приступить к снабжению населения предметами первой необходимости» [13, с. 11]. Возникли вопросы и по количественному составу комитета. По закону губернский комитет должен состоять из 35 человек, в состав МГПК были избраны 103 человека. Это произошло за счет включения представителей от 25 районных продовольственных комитетов, советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, кооперативов, московского народного банка и др. Представителям от районных продовольственных комитетов было предоставлено право решающего голоса, а не совещательного (согласно положению от 25 марта), так как на них возлагалась основная задача по выполнению проводимой реформы, они были самыми заинтересованными лицами в плодотворной работе продовольственных организаций в губернии. Вся система распределения в Московской губернии до закона от 25 марта регулировалась кооперацией, которая являлась единственным аппаратом распределения продуктов питания среди населения, поэтому количество представителей от этих организаций было увеличено с 6 до 18 с правом решающего голоса. В результате, состав МГПК превысил норму временного положения практически в 3 раза, это объясняется стрем-

лением повысить авторитет принимаемых решений и опорой на общественные организации при проведении хлебной монополии.

На собрании был утвержден президиум: председатель и четыре товарища председателя, а также Продовольственная управа, в которую кроме президиума вошли 8 представителей от комитета и по 1 от совета рабочих депутатов и от совета крестьянских депутатов. Организационно комитет состоял из 5 отделов: в отдел А) входили комиссии по управлению делами, финансовая, бухгалтерская, эскуперская; Б) организационная, карточной системы, осведомлений; В) снабжения продовольствием, зерновым фуражом и семенами, транспортная; Г) распределительная, статистическая, снабжения первой необходимости; Д) заготовки сельхозпродуктов внутри губернии, содействия сельскому хозяйству [5, д. 60, л. 13-14].

Продовольственная управа и комиссии становились постоянно действующими продовольственными органами, выполняющими текущие дела. Рассматриваемое нами временное положение в статье 43 предусматривало на содержание низовых продовольственных комитетов выделить деньги из средств, предусмотренных Временным правительством. Но организационное собрание МГпк приняло решение, что содержание президиума, комитет со всеми отделами и комиссиями со штатом служащих будет оплачивать из местных источников, для этого предлагалось обложить небольшим процентом продукты, поступающие населению Московской губернии через посредничество МГпк.

Таким образом, при организации МГпк общее собрание вышло за рамки Временного положения:

1. Был значительно увеличен численный состав до 103 представителей вместо 35 человек.

2. Организацию сельскохозяйственного производства продолжала осуществлять губернская агрономическая организация под общим руководством МГпк, то есть было принято решение ее не распускать, а взять на финансирование комитетом.

3. Продовольственные районные комитеты до образования местных самоуправлений должны были заниматься снабжением сельского населения губернии помимо продовольствия, предметами первой необходимости.

4. Финансирование МГпк осуществлялось не из сумм, выделяемых Временным правительством, а из местных источников.

МГпк были организованы курсы по продовольственному делу, большинство избранных представителей в управы временных продовольственных комитетов при раздаточных пунктах не предполагали, как выполнять возложенные на них обязанности. МГпк и Союзом Потребительских обществ в течение 10 дней проводились лекции, на которых присутствовало более 100 человек. Рассматривалось Временное положение о продовольственных комитетах, закон о хлебной монополии, установление твердых цен и определение качества хлеба, подготовка к Всероссийской сельскохозяйственной переписи, организация карточной системы распределения продуктов среди населения, ведение бухгалтерии по производственному делу [14, с. 10-11]. По окончании слушателям выдавались удостоверения, позволяющие заниматься продовольственным делом.

Ежемесячная потребность привозной муки в 1917 году в Московской губернии, кроме урожая 1916 года собранного в самой губернии, составляла 913 тыс. пудов ржаной и 619 тыс. пудов пшеничной муки, из расчета $26 \frac{1}{8}$ фунта (1 фунт равен в точности 0,45359 кг.) ржаной и $15 \frac{2}{3}$ фунта пшеничной муки. В январе в губернию по плану заготовок должно было поступить 1750 вагонов муки, поступило – 918, в феврале – 1800, поступило 1059 вагонов. Всего не подвезли 1573 вагона. Если рассмотреть более точно в пудах (1 пуд = 16,38 кг.) за март не догружено 1384 тонны пуд., за апрель 1686 тонн пуд. В результате из-за отсутствия хлеба в апреле хлебный паек был сокращен до 23 фунтов муки всех сортов в месяц, при этом в некоторых районах Московской губернии он был еще меньше. Усилен-

ным пайком в количестве 35 фунтов наделялись фабрично-заводские, сезонные и сельскохозяйственные рабочие, заработок которых не превышал 150 рублей в месяц, но только при получении всеми остальными 23 фунтов [3, с. 29].

В газетах, листовках МГпк разъяснял населению губернии, что положение с отсутствием подвоза хлеба связано с разрушением старого аппарата и медленным налаживанием нового.

Деятельность продовольственных комитетов в потребляющих губерниях отличалась от комитетов в производящих губерниях. В потребляющих губерниях они были образованы повсеместно, после опубликования закона от 25 марта, сразу приступив к деятельности, распределяя поступающие продукты между населением, организовывали весенне-полевые работы, по возможности, обеспечивали производителя семенным материалом. В производящих губерниях организация продовольственных комитетов, особенно волостных, растянулась на несколько месяцев и после образования они не сразу приступили к работе.

МГпк необходимо было организовать поступление хлебов из производящих губерний, для этого аннулировались все выданные общественными организациями удостоверения частным лицам на закупку и ввоз продовольственных продуктов. По разрешению Министерства продовольствия заготовка передавалась агентам Московского Губернского продовольственного комитета по твердым ценам, также представители управы направлялись в производящие губернии в продовольственные комитеты. Выясняли наличие уездных и волостных комитетов, участвовали в общих собраниях, заключали сделки на поставку продовольствия. В результате за 15 дней мая в губернию продуктов поступило вдвое больше, чем в апреле [6, д. 61, л. 9-11].

Следующей задачей продовольственных комитетов было сбор информации о наличии хлеба (под хлебом понималось – рожь, пшеница, мука всех сортов, крупа, ячмень, овес, растительные масла). Для этого по всей губернии жители, общественные и правительственные учреждения, владельцы торговых и промышленных предприятий должны предоставить данные о наличии продовольствия «не позднее 23 июня» [11, с. 111]. МГпк разработал инструкцию и специальные заявления, отражающие сведения о месте жительства владельца, наличии продуктов, месте хранения, а для лиц, нуждающихся в продуктах питания, сколько человек находится на иждивении или работает на предприятии. Сведения подавались в раздаточные пункты сами владельцами, для тех, кто скрывал запасы, предусматривалось заключение в тюрьме на 6 месяцев или реквизиция продуктов по половинной цене. Согласно инструкции контроль за правильностью заполнения заявления проводился представителем управы, сельским старостой, милиционером и двумя понятыми. Путем осмотра у домохозяйина производился учет заявленных продуктов, обнаруженные излишки изымались. После осмотра всех домохозяйств в волости составлялся акт, утверждался он после обсуждения на сельском сходе. Тяжелое положение с продовольствием в губернии ускорило этот процесс, а общее обсуждение на собраниях с разъяснением закона о хлебной монополии сглаживали напряженную обстановку на местах.

Для проведения работы непосредственно в местных продовольственных органах МГпк создан инструкторский отдел из 8 членов, руководство их деятельности осуществлялось разработанной инструкцией, включающей сведения о работе районных комитетов, мелкорайонных и комитетов при раздаточных пунктах. Инструкторы следили за сбором информации о наличии продуктов питания, численности временного населения, которое постоянно менялось из-за сезонных работ, контролировали распределение продуктов по карточной системе. Архивные документы показывают враждебное отношение местного населения к работе продовольственных комитетов, вызванного недостатком продуктов первой необходимости [7, д. 177, л. 48-48 об.]. Инструкторы на сходах разъясняли, что каждый район в губернии получает, продукты не по потребности населения, а в зависимости от наличия продуктов, поступающих в губернию.

В феврале 1917 года прошла перепись населения, согласно которой в Московской губернии проживало 2243182 человека, однако в раздаточных пунктах данные не отвечали переписи, особенно с началом полевых работ. В районы приехали крестьяне, находившиеся зимой в городах на заработках, а также солдаты, отпущенные с фронта на сельскохозяйственные работы. За апрель-май численность увеличивалась на 5-6 тысяч в каждом районе. Поэтому было сложно наладить карточную систему в губернии. При пересчете продовольственных карточек было обнаружено в Московской губернии до 400 тыс. «мертвых душ» [15, с. 15]. На совещании статистиков продовольственных комитетов настоятельно рекомендовали пересмотреть беспорядочную выдачу карточек и провести единообразную выдачу продуктов продовольствия в губернии для подворных и групповых (артелей, приютов, больниц). «Для правильного распределения продуктов необходимо прикрепление потребителей к определенным раздаточным пунктам по месту жительства» [22].

Для организации сельскохозяйственных работ требовались не только рабочие руки, но и сельскохозяйственное оборудование. 17 июля 1917 года Временное правительство издает временные правила о распределении имеющихся в частных заводских складах сельскохозяйственных машин и орудий и о регулировании цен на них. МГПК издаются обязательные постановления, по которым все владельцы фабрично-заводских, банковских, частных оптовых и розничных магазинов сельскохозяйственных машин и орудий, лица, принявшие их на хранение, должны были сообщить местному продовольственному комитету, сколько у них имеется на 1 июля сельскохозяйственных машин, орудий, запчастей к ним. Губерния была разбита на районы, куда направлялись представители комитета, для инструктирования владельцев при составлении сведений о наличии товара. Отчет фиксировался каждые 7 дней, для выяснения стоимости соответствия твердым ценам и наличию сопроводительных документов МГПК на сельскохозяйственные машины. Отправка орудий производилась исключительно в адрес местных районных комитетов для дальнейшего распределения среди сельхозпроизводителей.

Продовольственные комитеты организовали заготовку сена. Проводилась закупка по твердым ценам 1 р. 25 к. и распределялась между войсковыми частями, расположенными в губернии, фуражными пунктами при станциях для проходящих эшелонов со скотом в г. Москву и Московскому уезду.

Заготовка овощей происходила в двух видах: заготовка сушеных овощей и квашеной капусты. МГПК разработаны огородные карточки, отражающие цель огородничества (производство семян, продажи, хранения), площадь посадки, овощные культуры. Были учтены площади для посева овощей, запрещен вывоз овощей из пределов губернии, организован плановый подвоз овощей к сушильным заводам. Для этого произведен учет запасов урожая 1917 года, утверждены твердые цены: капуста 2 руб. за пуд, картофель 3 руб. 30 коп., лук 4 руб., морковь 3 руб., свекла 2 руб., петрушка 4 руб. 80 коп. [24].

Положение с хлебом резко ухудшилось в конце июля и стало катастрофическим к середине августа. 10 августа в Москве на Всероссийском совещании представителей продовольственных комитетов отмечалось тяжелое положение с продовольственным делом на местах. Председатель МГПК А. В. Выборни сообщал, что «Московскую губернию постиг неурожай и положение с продовольствием населения крайне тяжелое, для притока хлеба необходимо приступить к обмену на мануфактуру и предметы первой необходимости» [16, с. 7].

Посылаемые телеграммы в губернии представителям местных продовольственных комитетов, которые должны были по наряду посылать хлеб в Москву, не имели воздействия, поэтому в губернии направлялись делегаты (около 50 человек) для разъяснения о необходимости сдачи хлеба продовольственным комитетам. Работа агентов, направляемых в производящие районы, регламентировалась разработанной инструкцией, согласно которой агент знакомился с материалами по продовольственному делу, должен был защищать

интересы МГпк, содействовать выполнению нарядов, возложенных на производящую губернию, предоставлять сведения о погрузке в вагоны, о работе железнодорожной линии, о цене и выписке счетов, телеграфировать об отправлении груза в Москву [27, с. 112].

В МГпк с разных мест шли телеграммы о критическом положении с продовольствием, наступало время сбора урожая, поэтому комитет направлял грузы с продовольствием в места, где не было засеянных полей.

Одной из основных операций губернского комитета являлось распределение продовольственных продуктов районным продовольственным комитетам, главным образом хлеба в зерне и муке. Для этого МГпк собирал на начало месяца следующие данные: 1. Наряд, который подготавливало Министерство продовольствия о поступлении хлеба в Московскую губернию из производящих губерний. 2. О количестве хлеба, необходимого для каждого района, в зависимости от проживающего населения. 3. О плане перевозок из производящих губерний в Московскую. Распорядительный отдел собирал текущую информацию, когда и сколько хлеба из производящих губерний было погружено, куда в пределах Московской области он был доставлен. Для этого систематизировались сведения, поступающие от агентов, находящихся в производящих губерниях, но из-за сложностей в работе железнодорожного транспорта груз мог задерживаться.

Распределялся хлеб между районами пропорционально численности населения и установленной нормы пайка, районные комитеты далее распределяли между раздаточными пунктами, далее по карточкам на всех членов семьи и работников в хозяйстве. Распределение хлеба обсуждалось на сельском сходе, так как учитывался запас в семье, чтобы полученный хлеб не составлял «излишек». Местные продовольственные комитеты присылали ежемесячные отчеты о поступлении продовольственных продуктов и отпуску каждому раздаточному пункту, которые в свою очередь предоставляли отчет о выдаче продуктов по карточкам. Поступающий в районы хлеб не покрывал всей потребности населения, что вызывало крайнее недовольство.

МГпк устанавливал и регулировал цены на продукты, производил контроль за их соблюдением согласно требованиям Временного правительства о соблюдении твердых цен. По наряду Министерства продовольствия в июле губерния должна была получить 630 вагонов муки ржаной, 100 вагонов ржи и 600 вагонов муки пшеничной, ряд производящих губерний отказались от выполнения наряда, в итоге получили 771 вагон. В августе вместо 1680 вагонов получали 650 вагонов. После дополнительных обращений в Министерство продовольствия поставки в губернию за июль-август были выполнены на 58% [9, д. 25, л. 44-47].

Анализируя телеграммы губернских продовольственных комитетов, выявляются следующие причины невыполнения поставок продовольствия: 1. Отказ крестьян сдавать хлеб по ценам, которые значительно ниже рыночных. 2. Местные продовольственные комитеты задерживали хлеб под предлогом обеспечения собственного населения. 3. Отсутствие подвоза к станциям, расстройство железнодорожного транспорта. 4. Продажа хлеба приезжим солдатам и крестьянам (ходакам) по завышенным ценам. 5. Задержка платежей продовольственным комитетам производящих губерний, получение продовольствия по вексялям.

Делегат от Подольского уезда докладывал о поездке в Воронежскую губернию по организации поставок хлеба «мужики натравлены против рабочих, в город не дадим и фунта хлеба, только в обмен на мануфактуру, деготь, соль» [22].

На заседании Временного правительства 27 августа утвердили твердые цены на хлеб, повысив их с 1 августа на 100%, куда входили и франко станция или франко пристань, то есть в стоимость входила гужевая доставка хлеба владельцем на пункт приема. МГпк 28 июля из Министерства продовольствия получил телеграмму с категорическим утверждением, что твердые цены сохранятся до полной его сдачи продовольственным комитетам, даже предполагалось для тех владельцев, кто не сдаст в срок, цены будут уменьшаться. Все про-

довольственные комитеты выполняли требования Министерства и распространили листовки по всем волостям. В результате такая деятельность вызвала недоумение и недовольство у населения. По мнению бывшего Министра продовольствия А.В. Пешехонова, «нужен был быстрый эффект, нужно было ускорить сдачу хлеба населению, иначе во многих местах и даже в армии грозил голод» [23]. Повысив механически цены на хлеб, Временное правительство расстроило начавшуюся складываться хозяйственную деятельность продовольственных организаций, так как подрывало и без того их слабый авторитет у местного населения.

В сентябре-октябре МГпк проводилась учетная перепись урожая 1917 года, переписчики из местного населения под наблюдением статистиков с представителями от районного и местного комитетов производили учет общего запаса хлебных продуктов и кормов, наличие скота и птицы, а также свободных остатков, подлежащих отчуждению в пользу государства. Другой задачей переписи было определение общего приходно-расходного баланса хлебных и кормовых продуктов для планирования недостатка продовольствия для обеспечения населения губернии. На каждое хозяйство заводилась карточка, куда вносились данные сельскохозяйственной переписи 1917 года, чтобы была возможность сопоставлять и проверять полученные сведения. В карточку вносились данные о составе семьи, все рабочие и работающие в хозяйстве по найму (вносится раздаточный пункт, где получают паек). Учитывался весь скот и птица, количество запасов хлеба на день опроса в пудах. Карточка включала 4 формы, три для различных форм поселения, четвертая – потребительская карточка для селений сельскохозяйственного типа с 2% наличных хозяйств, где суммировалось общее количество едоков, мужчин, женщин, детей.

Статистический отдел кроме учета урожая составлял отдельные списки всего населения, проверяемого пункта, сверял количество проживающих в семье с записью в продовольственной книжке, для выявления несоответствия. Хлеб выдавался на раздаточных пунктах на всех жителей без учета лиц, которые имели запасы, так как «не располагали сведениями ни о числе сеющих, ни об их запасах» [9, д. 25, л. 11.].

В Москве и Московской губернии было сосредоточено около 40% всей текстильной промышленности страны, ткани и мануфактура стали предметом спекуляции. МГпк производил учет хлопчатобумажных тканей на торговых складах и в магазинах, к каждому куску ткани прикреплялся ярлык с ценой, которая соответствовала предельным ценам, установленным Министерством торговли и промышленности, отпуск тканей производился по удостоверениям районных комитетов для взаимнообмена на продукты питания. Для этого была разработана инструкция районным продовольственным комитетам по учету хлопчатобумажных тканей и по регулированию розничной торговли. Районные продовольственные комитеты, через раздаточные пункты, выдавали местным жителям на специально отпечатанных бланках письменные разрешения о праве на покупку определенного количества ткани. Разрешенное количество ткани соответствовало пошиву одной вещи по норме установленной МГпк [10, д. 19, л. 19].

Деятельность продовольственных комитетов в связи с недостаточной поставкой продовольствия вызывала как протесты населения, так и недовольство Временного правительства. На земском собрании 18 ноября были приняты положения о переходе дел Губернского продовольственного комитета в ведение Московского Губернского Земства. 1 декабря дела сданы продовольственной управе Губернского Земства.

4. Заключение

Таким образом, образовавшийся 6 апреля Губернский продовольственный комитет просуществовал 283 дня, за это время прошло 114 заседаний, среди них общих собраний комитета – 15, Продовольственной управы – 29, Президиума комитета – 61. В кратчайшие сроки организованы районные продовольственные комитеты (25), комитеты при раздаточных пунктах (более 60) и мелкорайонные продовольственные комитеты (более 50). Разрабо-

таны положения для всех видов комитетов, инструкторов, агентов, направляемых в производящие губернии, работников статистического отдела.

Губернским продовольственным комитетом изданы обязательные постановления об учете запасов и кормовых продуктов, об учете сельскохозяйственных машин и орудий, о сборе мешков, правила контроля над перемолом на мельницах зерна, об учете в губернии мануфактуры. Установлены твердые цены на сено, солому, овощи, произведен учет урожая 1917 года и др.

Созывались особые совещания: 17 августа совещание фабрикантов Московского района о предоставлении продовольственному комитету мануфактуры для отправки в производящие губернии с целью обмена на хлеб, 21 августа – представителей районных продовольственных комитетов и кооперативных объединений об установлении единого денежного расчета на продовольственные продукты в губернии, всего их состоялось 9.

Основная задача Губернского продовольственного комитета заключалась в обеспечении населения продовольствием. С 1 мая по 1 ноября были закуплены и распределены между населением зерна пшеницы и муки – 3107168 пудов, ржи и муки – 2929728 пудов, масла подсолнечного – 36149 пудов, масла соленого – 13127 пудов на сумму 956785 руб., яиц 15230 ящиков, 2619979 руб., Мяса 32314 пуд., 918866 руб. [18]. Отпуск продуктов производился за наличный расчет и в кредит, что привело к задолженности организациям, производящих губерний на 1 октября 13000000 руб., а на 1 декабря уже 15700000 руб., в результате задержки платежей и сложившейся политической ситуации в декабре подвоз продовольствия в губернию почти прекратился.

За период работы комитеты добросовестно выполняли функции по обеспечению населения продовольствием, организовывали сельскохозяйственное производство, контролировали проведение закона о хлебной монополии на местах, но непоследовательность принимаемых решений Временным правительством, неэффективность системы заготовительного аппарата, не позволили провести намеченные мероприятия в решении продовольственного вопроса.

Список источников и литературы

1. Артемов, С. Н. (2008) *Земельные комитеты в южных регионах России в 1917 – первой половине 1918 г.: становление и деятельность*: Пятигорск-Невинномысск: НГГТИ. 314 с.

2. Артемов, С. Н. (2012) *Участие земельных комитетов в разработке проекта аграрной реформы в России* // Институт Региональных проблем Российской государственности на Северном Кавказе. № 1. С. 6-15.

3. Быстренко, В. И. (2017) *Аграрный вопрос и роль крестьянства в революционных событиях в России в 1917 году (к 100-летию Февральской революции в России)* // Наука и Мир. Т.2. № 3 (43). С. 27-31.

4. Вершинина, Е. А. *Продовольственные комитеты Нижегородской губернии в 1917 г.* Е. А. Вершинина. URL: <http://www.opentextnn.ru/> (дата обращения – 01.05.2023)

5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф.1783. Оп.6. Д.60. 6.ГА РФ. Ф. 1783. Оп.6. Д.61.

7. ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 177.

8. ГА РФ. Ф. 1783. Оп.1. Д. 32.

9. ГА РФ. Ф. 1783. Оп.1. Д. 25.

10. ГА РФ. Ф. 1783. Оп.1. Д. 19.

11. *Год работы Московского городского продовольственного комитета.* (Март 1917 г. – март 1918 г.). Москва: Продовольственный отдел Московского советского революционного комитета, 1918. 262 с.

12. Дубровский, С. М. (1975) *Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма*. Москва: Наука. 398 с.
13. Известия Московского Губернского Продовольственного комитета. 1917. № 1. 15 мая.
14. Известия Московского Губернского Продовольственного комитета. 1917. № 2. 15 июня.
15. Известия Московского Губернского Продовольственного комитета. 1917. № 2. 15 июня.
16. Известия Московского Губернского Продовольственного комитета. 1917. № 3–4. 15 сентября.
17. Известия Московского Губернского Продовольственного комитета. 1917. № 5. 18 октября.
18. Известия Московского Губернского Продовольственного комитета. 1917. № 1-7.
19. Кондратьев, Н. Д. (1922) *Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции*. М.: Новая деревня. 350 с.
20. Оськин, М. В. (2015) *Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти* // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. № 7 (204). С. 164-171.
21. Першин, П. Н. (1966) *Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции. (1917-1918 гг.)*. М., Т.1. 576с.
22. Московские губернские ведомости. 1917. № 78. 27 мая.
23. Московские губернские ведомости. 1917. № 123. 17 сентября.
24. Русские ведомости. 1917. № 204. 3 сентября
25. *Сборник постановлений и распоряжений общих и местных, регулирующих продовольственное дело в Москве*. Москва: Б. и., 1918-1919. Вып. 1. С. 3.
26. Хитрина, Н. Е. (2001) *Аграрная политика Временного правительства в 1917 г.* Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. 383 с.
27. Швитгау, Г. Г. (1922) *Революция и народное хозяйство в России (1917–1922)*. Лейпциг: Тип. Шпамера. 378 с.

References

1. Artemov, S. N. (2008) *Zemel'nye komitety v yuzhnyh regionah Rossii v 1917 – pervoj polovine 1918 gg.: formirovanie i deyatel'nost'* [Land committees in the southern regions of Russia in 1917 – the first half of 1918: formation and activity], Pyatigorsk-Nevinnomyssk, NGGTI. (in Russian).
2. Artemov, S. N. (2012) *Uchastie zemel'nyh komitetov v razrabotke proekta agrarnoj reformy v Rossii* [Participation of land committees in the development of agrarian reform project in Russia] // Scientific and Theoretical Journal "Scientific Problems of Humanitarian Research", 1, 6-15. (in Russian).
3. Bystrenko, V. I. (2017) *Agrarnyj vopros i rol' krest'yanstva v revolyucionnyh sobytiyah v Rossii v 1917 godu (k 100-letiyu Fevral'skoj revolyucii v Rossii* [Agrarian issue and the role of the peasantry in the revolutionary events in Russia in 1917 (to the 100th anniversary of the February Revolution in Russia)] // Science and World, 2, 3. (43), 27-31. (in Russian).
4. Vershinina, E. A. *Prodovol'stvennye komitety Nizhegorodskoj gubernii v 1917 godu* [Food committees of the Nizhny Novgorod province in 1917]. E. A. Vershinina. URL: <http://www.opentextmn.ru/> (accessed 05.01.2023)
5. State Archive of the Russian Federation (GA RF) F.1783. Op.6. D.60. 6.GA RF. F. 1783. Op.6. D.61.
7. GA RF. F. 1788. Op. 2. D. 177.

8. GA RF. F. 1783. Op.1. D. 32.
9. GA RF. F. 1783. Op.1. D. 25.
10. GA RF. F. 1783. Op.1. D. 19.
11. *God raboty Moskovskogo gorodskogo prodovol'stvennogo komiteta* [Year of work of the Moscow City Food Committee]. (March 1917 – March 1918). Moscow, Food department, 1918. (in Russian).
12. Dubrovsky, S. M. (1975) *Sel'skoe hozyajstvo i krest'yanstvo Rossii v period imperializma*. [Agriculture and the peasantry of Russia in the period of imperialism]. Moscow, Nauka. (in Russian).
13. *Izvestiya Moskovskogo gubernskogo prodovol'stvennogo komiteta* [News of the Moscow Provincial Food Committee]. 1917. No. 1. May 15.
14. *Izvestiya Moskovskogo gubernskogo prodovol'stvennogo komiteta* [News of the Moscow Provincial Food Committee]. 1917. No. 2. June 15th.
15. *Izvestiya Moskovskogo gubernskogo prodovol'stvennogo komiteta* [News of the Moscow Provincial Food Committee]. 1917. No. 2. June 15th.
16. *Izvestiya Moskovskogo gubernskogo prodovol'stvennogo komiteta* [News of the Moscow Provincial Food Committee]. 1917. Nos. 3–4. September 15th.
17. *Izvestiya Moskovskogo gubernskogo prodovol'stvennogo komiteta* [News of the Moscow Provincial Food Committee]. 1917. No. 5. 18 October.
18. *Izvestiya Moskovskogo gubernskogo prodovol'stvennogo komiteta* [News of the Moscow Provincial Food Committee]. 1917. No. 1-7.
19. Kondratiev, N. D. (1922) *Rynok hleba i ego regulirovanie vo vremena vojny i revolyucii* [The market for bread and its regulation during the war and revolution]. Moscow, New Village. (in Russian).
20. Oskin, M. V. (2015) *Prodovol'stvennyj vopros v Rossii v 1917 godu: slaboe mesto novogo pravitel'stva* [Food issue in Russia in 1917: a weak point of the new government] // Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: History. Political science. 7 (204), 164-171. (in Russian).
21. Pershin, P. N. (1966) *Agrarnye reformy Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii* [Agrarian reforms of the Great October Socialist Revolution]. (1917-1918). Moscow, 1. (in Russian).
22. Moscow Provincial Gazette. 1917. 78. May 27th.
23. Moscow Provincial Gazette. 1917. 123. September 17th.
24. Russkiye Vedomosti. 1917. 204. September 3
25. *Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij obshchego i mestnogo haraktera, reguliruyushchih prodovol'stvennyj biznes v Moskve (1918-1919)*. [Collection of resolutions and orders, general and local, regulating the food business in Moscow]. dep. Ed.-ed. otd. Moscow, 1. 3. (in Russian).
26. Khitrina, N. E. (2001) *Agrarnaya politika Vremennogo pravitel'stva v 1917 godu v Nizhnem Novgorode* [Agrarian policy of the Provisional Government in 1917 in Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod, Humanitarian Center. (in Russian).
27. Schwittau, G. G. (1922) *Revolyuciya i narodnoe hozyajstvo v Rossii (1917-1922)* [Revolution and national economy in Russia] (1917–1922). Leipzig, Type. Spamer. (in Russian).

**СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН /
THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-149-158>
УДК 94(47).084.3

ПРОКЛАМАЦИИ ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ: ТЕКСТЫ И ЛЮДИ

Владимир Б. Безгин

*Тамбовский государственный технический университет,
ул. Советская, д. 106/5, помещение 2, Тамбов, 392000, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. Дан анализ содержания прокламаций периода Тамбовского восстания 1920–1921 гг. Выявлена роль воззваний в идейном противостоянии коммунистического режима и повстанческого движения. **Материалы и методы.** Посредством изучения текста листовок установлены их идейная направленность, убедительность аргументов, доходчивость языка и стиля изложения. В революционную риторику агитации противники вкладывали разные смыслы и артикулировали отличные друг от друга цели вооруженной борьбы. Те и другие посредством печатного слова стремились не только доказать свою приверженность идеалам революции, но мобилизовать своих сторонников на решительные действия ради ее спасения. **Результаты.** Антитезой утверждению советской пропаганды об угрозе возвращения к прежним порядкам стала реальность коммунистического насилия в отношении сельских тружеников. В тексте антиправительственных листовок содержались критика продовольственной политики большевиков и осуждение богоборческой сути коммунистической власти. Действенность печатной агитации противников для их потенциальных адресатов была ограничена техническими возможностями повстанцев и неграмотностью большей части местных жителей. Антисемитский характер, прежде всего, рукописных воззваний был свидетельством реакции крестьян на еврейское засилье в органах коммунистической власти. **Заключение.** Сопоставление текстов прокламаций противников приводит к выводу о том, что те и другие звали своего читателя к решительной борьбе во имя революции, только вот смысл ее идеалов они понимали по-разному. Другой особенностью подобного рода прокламаций являлось то, что их авторами и адресатами были представители поколения революции, определившей их судьбы, но разведшей по разные стороны фронта.

Ключевые слова: Тамбовская губерния, крестьянское восстание, прокламации, коммунисты, повстанцы, агитация, текст.; «поколение революционного перелома».

Для цитирования: Безгин В. Прокламации Тамбовского восстания: тексты и люди // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 148-158, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-148-158>.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132>, <https://rscf.ru/project/22-18-00132>

Статья поступила: 12.04.2023

Статья принята в печать: 25.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Безгин В., 2023

PROCLAMATIONS OF THE TAMBOV REBELLION: TEXTS AND PEOPLE*Vladimir B. Bezgin**Tambov State Technical University,
st. Sovetskaya, 106/5, room 2, Tambov, 392000,
Russian Federation***Abstract**

Introduction. The paper analyzes the content of proclamations of the Tambov uprising during the period of 1920–1921. The role of appeals in the ideological confrontation between the communist regime and the insurgent movement is revealed. **Materials and methods.** The ideological orientation, the persuasiveness of the arguments, the language intelligibility and the style of presentation were established based on studying leaflet texts. Opponents invested different meanings in the revolutionary agitation rhetoric and articulated different goals of the armed struggle. Through the printed word, both of them sought not only to prove their adherence to the ideals of the revolution, but to mobilize their supporters for decisive action in order to save it. **Results.** The antithesis of the assertion of Soviet propaganda about the threat of a return to the old order was the reality of communist violence against rural workers. The text of the anti-government leaflets contained criticism of the Bolsheviks food policy and condemnation of the God-fighting essence of the communist government. The effectiveness of printed agitation by the opponents was limited by the technical capabilities of the insurgents and the illiteracy of most of the local residents. The anti-Semitic character of the handwritten appeals was evidence of the peasants' reaction to the Jewish dominance in the organs of communist power. **Conclusion.** The comparison of the texts of the opponents' proclamations leads to the conclusion that both of them called their reader to a decisive struggle in the name of the revolution, but the meaning of its ideals was understood in different ways. Another feature of such proclamations was that their authors and addressees were representatives of the revolutionary generation, which determined their fate, but split them on different sides of the front.

Keywords: Tambov province; peasant uprising; proclamations; communists; rebels; agitation; "generation of revolutionary turn"

For citation: Bezgin V. Proclamations of the Tambov uprising: texts and people // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 149-158, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-149-158>

Acknowledgement: The research funded by grant a Russian Science Foundation grant project No. 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132>

Received: 12.04.2023

Revised: 29.08.2023

Published: 22.09.2023

© Bezgin V., 2023

1. Введение

Важную роль в изучении повстанческого движения периода гражданской войны играет выяснение значения воззваний в идейном противоборстве сторон. Наряду с устной агитацией, различного рода прокламации (листовки, воззвания, обращения и т.п.) выражали цели и задачи противников в ходе их вооруженной борьбы. Их выпускали значительными тиражами практически все политические силы, боровшиеся в годы Гражданской войны. В этом отношении не стало исключением и Тамбовское восстание 1920–1921 гг. Эвристический потенциал прокламаций воюющих сторон в гражданской войне еще не в полной мере использован современными исследователями. Историография проблемы крайне скудна. На

основе изучения коллекции революционных листовок 1917 г. исследователь Г. В. Михеева отмечает многообразие тем и сюжетов этого вида источников [18, с. 10]. Анализу листовок периода гражданской войны как историческому источнику посвящена статья Ю. Ю. Иерусалимского [12]. Объектом изучения автором стали преимущественно прокламации коммунистического режима. Только в работе А. П. Шекшеева дан анализ содержания антисоветских воззваний енисейских крестьян, да и то не периода гражданской войны, а конца 1920-х гг. [25]. По мнению А. Н. Никитина, участники повстанческо-партизанского движения в Сибири периода «гражданки» придавали большое значение непериодической печати «малых форм» [19, с. 36]. Хорошим подспорьем в изучении проблемы стал выход каталога выставки ГПИБ, в котором были опубликованы листовки антисоветских сил времени гражданской войны [1], но прокламации крестьянского повстанчества в нем представлены только агитационным материалом движения под руководством Нестора Махно.

Обзор историографии темы показывает, что если проблема печатной агитация «красных» и «белых» вызывала интерес у специалистов, то прокламации «третьей силы» гражданской войны – крестьянского повстанчества еще не стали объектом источниковедческого анализа. Это обусловлено малым числом документов, созданных в среде восставших крестьян и отражающих их идейные установки.

2. Материалы и методы

Документальную основу статьи составили как агитационные материалы противоборствующих сторон Тамбовского восстания 1920–1921 гг., опубликованные в сборниках документов, так и прокламации повстанцев, обнаруженные автором в фондах центральных и местных архивов. Они были изучены посредством приемов источниковедческого анализа, системного и сравнительного методов исторического исследования. Проблема авторства прокламаций противников исследована нами в контексте «поколения революционного перелома», так как его представители выступали носителями идейных установок противоборствующих сторон. Ценным в анализе подобного рода источников является возможность не только препарировать их содержание, но и установить целевую аудиторию, оценить убедительность аргументации и доходчивость языка революционной эпохи. Обращение к этому виду источников открывает для специалистов возможность понять суть идейных установок и содержание политических целей участников вооруженной борьбы.

Анализ роли и места прокламации в идейном противостоянии сторон в крестьянском восстании 1920–1921 гг. начнем с формальных характеристик. Коммунистический режим обладал не только материально-техническим перевесом над повстанцами, но и мощью агитационно-пропагандистской системы. Наряду с внушительными тиражами губернских «Известий» и уездных газет, советская власть прибегала к выпуску различного рода прокламаций, содержание которых было направлено на *«разоблачение преступных замыслов и преступных действий эсеров-кулацких бандитов»*, которые *«нагло и подло обманывают крестьянство»* [16, с. 123]. Издание листовок агитационного характера местная власть производила типографским способом. Их распространение в деревне осуществлялось через сеть политико-просветительских учреждений, а в ходе оккупации «мятежных» сел посредством политических отделов красноармейских частей. С целью доставки прокламации в районы, контролируемые повстанцами, использовались самолеты «Боевой воздушной эскадрильи». В период Тамбовского восстания летчиками в ходе боевых вылетов было сброшено не только 4158 кг бомб, но и 432 кг агитационной литературы. Только за период с 2 по 20 апреля 1921 г. экипажами аэропланов над «бандитскими» селами было разбросано 3 400 экземпляров листовок, 7 200 экземпляров воззваний и 1 500 экземпляров агитационной литературы [22, д. 369, л. 92, 97]. Большого эффекта такие акции не имели. Прагматизм местных жителей выразился в том, что крестьяне охотно использовали листовки, «упавшие с неба», как бумагу для изготовления самокруток, и вряд ли их содержание вызывало у них интерес.

Да и любопытство трудно было удовлетворить по причине элементарной неграмотности большинства односельчан.

Возможности для ведения информационной войны у восставших крестьян были значительно скромнее. Основной формой пропагандистской работы Партизанской армии Тамбовского края являлась устная агитация. В донесении Тамбовской губ. ЧК от 8 января 1921 г. сообщалось, что «по селам разъезжают агитаторы банд, собирают сходы, призывают к уничтожению коммунистов за то, что они, отбирая у крестьян последний хлеб, обрекают их на голодную смерть» [24, с. 384]. С целью идейного воздействия на комбатантов и мирное население в повстанческой армии действовал политотдел. Он располагал штатом опытных пропагандистов и издавал воззвания и листовки, которые распространялись среди населения [16, с. 157]. В докладе РВС Республики от 3 марта 1921 г. председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонов-Овсеенко сообщал, что, не имея печатного станка, эсеры ведут агитации листовками, отбитыми на машинках или гектографе [16, с. 126]. Понятно, что тиражи таких изданий были не велики, составляя сотню-другую экземпляров. Распространение антикоммунистических прокламаций и воззваний, а, точнее, чтение их содержания, агитаторы повстанцев осуществляли на сельских сходах. В условиях малограмотности местного населения такой прием позволял достичь максимального охвата сельской аудитории.

Отдельно следует сказать о рукописных прокламациях, появившихся в губернии еще накануне восстания. Так, 28 марта 1920 г. на заводе Рогоза с. Рассказово была обнаружена листовка следующего содержания: *«Долой коммуны! Долой грабителей! Смерть коммуне! Да здравствует Учредительное собрание!» Земля мужику и свободная торговля. Товарищи коммунисты грабители добром отдайте хлеб рабочим, а то вы пострадаете от рабочих. Рабочие заговорились с крестьянами в с. Рассказово. Долой коммуну! Власть рабочих и смерть коммуне!»* [7, д. 960, л. 71]. По сведениям Усманского политбюро, в ночь на 13 июля 1920 г. около барачных, расположенных в черте города, в которых размещались дезертиры и снятые с учета, было найдено воззвание, написанное под копирку и «как видно вполне сведущим контрреволюционным элементом», с призывом: *«опомнитесь, дружнее сплотиться и начать душить коммунистов, шкурников и евреев»* [8, д. 964, л. 40]. А вот текст прокламации, обнаруженной в г. Лебедянь 21 сентября 1920 г.: *«Большевики обещали народу мир, хлеб, свободу. Большевики дали народу: войну, голод, болезни и чрезвычайную комиссию! Красноармейцы! Вам платят «советскими» и «керенками», несчастные вы люди. Ведь ни поляк, ни румын, ни вся, наконец, Европа не признает этих денег. Совет задаром не услужит – у комиссаров «царские» найдутся. А все ваши деньги вы можете с успехом выбросить вон»* [6, д. 956, л. 67].

Для всех трех, выше приведенных прокламаций, присуща яркая антикоммунистическая риторика. Обращенные к целевым группам рабочих, дезертиров, красноармейцев, они разоблачали обман правящей партии, указывали на плачевные результаты ее деятельности: голод, инфляцию, произвол ЧК, призывали к объединению и совместной борьбе с ненавистным режимом. В печатной агитации повстанцев нередко использовалось выражение – «жиды-коммунисты». Антисемитская направленность агитации «зеленых» была обусловлена произволом продотрядов в деревне и обилием евреев в партийных комитетах, советских органах губернского центра и уездных городов [5, с. 317-318]. Упор в аргументах делался на злоупотребления и насилие агентов Советской власти, непомерную продовольственную разверстку, затягивание войны, антикрестьянский характер участия красноармейцев в подавлении сельских мятежей.

3. Результаты

С началом крестьянского восстания губернская власть сделала ставку на применение силы по отношению к повстанцам, назвав их «бандитами», а произошедшее «эсеро-кулацким мятежом». Эти идеологические штампы негативной экспрессии превалировали в

тексте большинства коммунистических агиток, издаваемых массовыми тиражами. В советских прокламациях партизанские отряды именовались *«бандитскими шайками бывших царских полицейских и черной сотни»*, которые преследовали цель *«свержение рабочей-крестьянской власти и возвращение власти помещикам и буржуазии»* [20, д. 646, л. 223-224]. Напротив, в воззвании *«Крестьянам и рабочим!»*, изданным Тамбовским губернским комитетом Союза трудового крестьянства в январе-феврале 1921 г., звучал призыв верить в *«скорую и окончательную победу над твоим заклятым врагом, насильником-коммунистом, поработителем и похитителем твоих священных и неотъемлемых прав: прав на землю, на собственный труд, прав свободно распоряжаться им, согласно своим нуждам и потребностям»* [23, с. 29, л. 8].

В прокламациях повстанцев осуждалось не только предательство коммунистами крестьянских интересов, но и богоборческий характер их власти. В резолюции, которая потом была размножена в виде копий, принятой на сельском сходе с. Вольная Вершина Чашинской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии 15 июля 1921 г., читаем: *«Вместо обещанной свободы слова коммунисты положили свою руку на печать, заглушая, таким образом, все время раздававшийся стон возмущения трудового народа. Вместо обещанного свободного вероисповедования коммунисты сделали злейшее гонение на православную религию, запечатывая и превращая в театры церкви, и насмехаясь над русской святыней. Основав свою само захватническую власть на штыке, коммунисты десятками расстреливали ни в чем неповинных жителей»* [9, д. 1112, л. 17]. Авторы апеллировали к традиционному крестьянскому правосознанию, которое воспринимало акты святотатства как тяжкий грех и поругание православных святынь.

В ходе ожесточенной вооруженной борьбы обе стороны посредством агитационного слога пытались воздействовать на бойцов противной стороны. Обращение политотдела войск Тамбовской губернии к рядовому составу повстанцев, выпущенное не позднее 3 февраля 1921 г., начиналось призывом *«Остановись, прочти и подумай!»* и состояло из утверждений в форме вопросов. Например: *«Разве ты не смекаешь, что Учредительное собрание, за которое призывает бороться твое «начальство», не нужно тебе ни на черта, так как в «учредилках» всегда и везде верховодят заклятые враги трудящихся – помещики, кадеты и их верные лакеи – эсеры?»* [20, д. 646, л. 336].

Не менее мрачная картина будущего страны нарисована в обращении Народной армии Тамбовского края к мобилизованным красноармейцам. *«Раскалывая как горшки наши головы, ломая кости, коммунисты целых три года обещают построить новый мир, но теперь мы уже поняли, какой будет этот новый мир, он будет пустынен и мрачен, населять его будут не свободные и счастливые люди, а голодные, голые и безгласные рабы. Мы не хотим больше, чтобы коммунисты грабили нас и издевались над нами»* [3, д. 4306, т. 4, л. 239].

Именно тема насилия власти как причина, вызвавшая крестьянский протест, рефреном звучала в печатных обращениях повстанцев. В листовке с названием *«Почему большевики не могут победить Антонова»*, ее автор прямо указывает на то, что репрессии власти в отношении мирного населения села имели обратный эффект и привели к росту вооруженного сопротивления крестьян. *«Беспощадные расстрелы, избиение правых и виноватых, бессмысленные поджоги домов и хлеба, дикий грабеж имущества и крестьян, увод заложниками всех не принимавших участия в движении, – все это повело к тому, что самые робкие вынуждены были идти к повстанцам»* [21, д. 661, л. 35]. Иная причина бедственного положения селян указывалась в листовке Полномочной комиссии ВЦИК *«Что сказал тов. Ленин крестьянам Тамбовской губернии»*, отпечатанной тиражом в 25 тыс. экземпляров, и отредактированной лично В. А. Антоновым–Овсенко. *«Банда грабит советские хозяйства и потребилки и честных граждан, у крестьян отнимает скот, сбрую, фураж»* [11, д. 889, л. 27].

В отношении итогов вооруженного противостояния и та и другая сторона демонстрировали оптимизм и веру в собственную победу. *«Помните – враги Советской власти – ваши враги. Истребляйте их без пощады. До весны бандитизм должен быть уничтожен в корне»*, – говорилось в обращении «К населению Тамбовской губернии об оказании содействия в истреблении бандитов» [20, д. 646, л. 231]. В свою очередь, не менее яркий финал крестьянскому восстанию предрекали авторы повстанческой листовки: *«Волна народного гнева сметет с русской земли весь навоз, называемый большевизмом, и на очищенной земле полновластный хозяин земли Русской – Учредительное собрание даст пострадавшему крестьянству не только землю, но и волю»* [21, д. 661, л. 38]. Требование воли, на наш взгляд, являлось несущей конструкцией идейных установок крестьянского восстания. Именно отсутствие воли в распоряжении результатами своего труда, формировании местной власти и выступало основой протеста тамбовских крестьян. Симпатии крестьян к российской Конституанте были отмечены губернской властью. По ее мнению, «крестьяне дали понять, что учредилка им представляется «ближе и доступнее» Советской власти» [2, с. 309].

Борьба идей посредством печатного слова велась противниками по всем правилам информационной войны, в которой невозможно было обойтись безо лжи. С целью показать масштаб повстанческого движения в России, автор прокламации сообщал: *«В Воронежской, Курской, Саратовской губерниях крестьяне с оружием в руках тоже идут на своих поработителей. Дон и Украина сплошь объаты восстанием. Сибирь понемногу начинает давать отпор большевистскому самодержавию»* [21, д. 661, л. 3]. В свою очередь коммунистическая прокламация возвещала: *«Разве ты не знаешь, что все то, что говорят тебе вожаки и «начальники» о том, что будто бы подобные дурацкие восстания происходят в 17 губерниях, якобы в Москве уже нет Советской власти – вот сплошная, наглая, подлая ложь!»* [20, д. 646, л. 336]. А вот еще один перл советской пропаганды. В прокламации «На борьбу с белогвардейскими бандитами» от 16 сентября 1920 г. говорилось: *«Знай же, что негодяи, организовавшие и поднявшие восстание, в некоторых уездах нашей губернии, получают помощь от польских панов и капиталистов, от крымского барона царского приспешника Врангеля через тайных агентов и шпионов»* [15].

В коммунистических агитках по отношению к повстанцам использовались инвективы типа: «бандиты», «враги трудового народа», «грабители», «насильники» [2, с. 301-302, 305]. Для оценки оппонента прибегали к эпитетам и метафорам, носившим оскорбительный характер, такие как «негодяи», «брехуны», «лакеи» [16, с. 123]. А их действия носили исключительно негативную коннотацию. Например, «нагло и подло лгут», «чинят разбой, грабеж, убийства» [21, д. 646, л. 336]. Экспрессивная форма подачи информации была характерна и для прокламаций повстанцев. Так власть коммунистов в них называлась «кошмаром и ужасом кровавого пира», крестьян призывали не верить «прохвостам, ибо они нагло и бесовестно лгут, как жид за копейку барыша» [21, д. 661, л. 42].

За анонимностью текстов листовок скрывались конкретные люди, и нам удалось не только установить имена авторов, но и дать наброски их портретов на фоне революционных событий. Рьяным борцом с «эсеро-кулацким» восстанием и автором коммунистических агиток был секретарь Тамбовского губкома РКП(б) Николай Яковлевич Райвид. Его идейным оппонентом выступал Дмитрий Степанович Антонов, младший брат вождя восстания, командир 4-го Низовского полка 2-й Повстанческой армии. Один – еврей, другой – русский, 1897 и 1896 годов рождения, выходцы из мещанского сословия. Оба получили образование. Н. Я. Райвид окончил реальное училище и два курса Рижского политехникума [10, л. 1-2], Д. С. Антонов – Кирсановское мужское приходское училище [2, с. 53]. Участники Первой мировой войны. На этом сходство в судьбах закончилось. После революции 1917 г. меньшевик, с 1919 г. большевик Райвид на журналистской и профсоюзной работе в Иваново-Вознесенске [10, л. 1-2]. Антонов с мая 1917 г. работал в должности младшего помощника

4-й милицейской части г. Тамбова, а в июне 1918 г. принял участие в антисоветском мятеже, после его подавления примкнул к боевой дружине своего брата [17, с. 68]. С января 1920 г. по январь 1921 г. Райвид являлся членом президиума Тамбовского губкома, ответственным секретарем, редактором партийных изданий. С началом крестьянского восстания в августе 1920 г. Николай Райвид – член оперативного штаба при губЧК, член губернского военного совета [10, л. 1-2], а Дмитрий Антонов – член Главного оперативного штаба, председатель Калугинского волостного Союза трудового крестьянства [2, с. 487]. Таким образом, в период восстания оба фактически руководили пропагандой воюющих сторон. В передовицах, редактируемых им же губернских «Известий», коммунистический журналист Райвид рьяно обличал преступления «бандитов» и звал крестьян к решительной борьбе с силами контрреволюции. Его же антипод, Антонов, осуществлял пропаганду среди повстанцев, выпускал листовки и воззвания, писал стихи под псевдонимом «Молодой лев», сочинял песни [16, с. 68]. В «Воззвании красноармейцам» цель восстания он объяснял следующей фразой: *«Мы для того восстали, чтобы освободить от коммуны граждан»*, а его успех автор связывал с народной поддержкой. *«Пусть пламя восстания ярче горит. Народ восстал спасать себя. Этот пожар впереди жирную жизнь сулит»* [2, с. 257]. В ином природу крестьянского протеста усмотрел пропагандист Райвид. В местных «Известиях» этот губернский пропагандист утверждал, что *«погромная стихия кулацкой темной деревни, подстрекаемая эсеровскими бандами, разошлась широкой волной по Тамбовской губернии»* [13]. Спустя неделю, в обращении «Товарищам, крестьянам Тамбовской губернии», он от лица Военного совета грозит тем, что восставшие села *«будут беспощадно уничтожены, а их население отправлено на принудительные работы в другие губернии»* [14]. В воззвании «На борьбу с белогвардейцами бандитами» Райвид от лица губернской власти требует от крестьян: *«Никакой помощи, никакой поддержки белым бандитам и врагам трудового народа, идущим под эсеровскими лозунгами лжи и насилия»* [15].

По сути, Райвид выступал рупором коммунистического официоза и артикулировал политическую оценку восстания, обосновывая необходимость репрессивных мер. Антонов же являлся выразителем традиционных чаяний крестьян и призывал к борьбе с правящим режимом с целью защиты завоеваний общинной революции. При всем различии идейных позиций этих представителей «поколения революционного перелома» жизненный финал их был схож. Дмитрий Антонов погиб вместе с братом 24 июня 1922 г. в с. Нижний Шибряй в результате перестрелки с чекистами [4, с. 207, т. 2, л. 218], а Николай Райвид 28 октября 1937 г. был расстрелян как враг народа «за участие в антисоветском троцкистском заговоре».

4. Заключение

Сравнительный анализ аргументов, приводимых той и другой стороной в тексте прокламаций, дает основание утверждать, что доводы коммунистов, в отличие от повстанцев, не были обоснованы фактами. Бедных крестьян пугали возвратом прежних порядков в случае победы восставших, причисляя партизан к силам контрреволюции. Для повстанцев контраргументом служила сама действительность с ее горькими плодами политики «военного коммунизма».

По-разному стороны понимали и цель вооруженной борьбы, а, точнее, общественный идеал, которого они стремились достичь. Если для «красных» победа означала строительство коммунистической партией светлого будущего рабочему классу, то для восставших крестьян мерилом успеха была реализация идеи, сформулированной в их листовке краткой по форме, но глубокой по смыслу фразой. *«У повстанцев есть идея – свободная жизнь в свободном государстве. Идя в бой, они твердо знают, за что они умирают, и в этом их сила»* [2, с. 256].

Таким образом, анализ прокламаций коммунистов и крестьянских повстанцев дает возможность более полно раскрыть многообразие идейного противостояния в период Гражданской войны. Изучение и оценка действенности коммунистических прокламаций, а также

листовок крестьянского повстанчества поможет решить проблему соотношения объективных и субъективных факторов в вооруженной борьбе периода 1918–1922 гг. Установление авторства агитационных изданий противоборствующих сторон раскрывает идейные установки «поколения революционного перелома», представители которого являлись активными участниками гражданской войны.

Список источников и литературы

1. Альтернативы Советской власти: листовки Гражданской войны из фондов ГПИБ России: каталог выставки / Сост.: А. Ю. Морозова и др. Москва: ГПИБ России, 2018. 136 с.
2. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской обл. и др. Тамбов, 2007. 800 с.
3. Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4.
4. Архив УФСБ по Тамбовской области. С-207. Т. 2.
5. Безгин В. Б., Якимов К. А. (2022). «Приказчики революции»: еврейская молодежь провинции в событиях Гражданской войны (на материалах Тамбовской губернии) // Научный диалог. Т. 11. № 9. С. 301–319.
6. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 956.
7. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 960.
8. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 964.
9. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1112.
10. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 2. Д. 3851.
11. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф.Р-119. Оп. 1.
12. Иерусалимский, Ю. Ю. (2018). Листовки периода гражданской войны 1918–1920 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. № 5. С. 33–47.
13. Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих крестьянских и красноармейских депутатов. 1920. 1 сентября. № 196.
14. Известия Тамбовского губисполкома Р. К. и К. Д. 1920. 7 сентября. № 201.
15. Известия Тамбовского губисполкома Р. К. и К. Д. 1920. 16 сентября. № 209.
16. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994. 334 с.
17. Литовский, А. Н., Зайцева, М. Ю. (2017). *Жизненные траектории семьи и близких А. С. Антонова* // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6(80). Ч. 2. С. 59–75.
18. Михеева, Г. В. (2017). «От Февраля к Октябрю»: коллекция листовок 1917 г. в фондах Российской национальной библиотеки // Вестник СПбГУКИ. № 1(30). С. 6–14.
19. Никитин, А. Н. (2005). *Листовки и брошюры времен гражданской войны в Сибири: некоторые аспекты социальной роли* // Библиосфера. № 1. С. 33–37.
20. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 28. Д. 646.
21. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 661.
22. РГВА. Ф. 30. Оп. 3. Д. 369.
23. РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 29.
24. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918–1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. Москва: РОССПЭН, 2000. 864 с.
25. Шекшеев, А. П. (2009). Антисоветские листовки енисейских крестьян конца 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. С. 67–70.

References

1. Al'ternativy Sovetskoy vlasti: listovki Grazhdanskoy vojny iz fondov GPIB Rossii: katalog vystavki [Alternatives to Soviet power: leaflets of the Civil War from the funds of the GPIB of Russia: exhibition catalog]. Comp.: A. Yu. Morozova et al. Moscow: GPIB of Russia, 2018. (in Russian)
2. «Antonovshchina». Krest'yanskoye vosstaniye v Tambovskoy oblasti v 1920–1921 gg.: Dokumenty, materialy, vospominaniya ["Antonovshchina". Peasant uprising in the Tambov region in 1920–1921: Documents, materials, memoirs]. State. archive of the Tambov region. et al. Tambov, 2007. (in Russian)
3. Arkhiv UFSB RF po Tambovskoy oblasti [Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Tambov region]. D. 4306. Vol. 4. (in Russian)
4. Arkhiv UFSB RF po Tambovskoy oblasti [Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Tambov region]. S-207. Vol. 2. (in Russian)
5. Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022). «Prikazchiki revolyucii»: evrejskaya molodezh' provincii v sobytiyah Grazhdanskoy vojny (na materialah Tambovskoy gubernii) ["Clerks of Revolution": Jewish Youth of Province in Events of Civil War (Tambov Province)] in *Nauchnyi dialog*, 11(9): 301–321. (in Russian)
6. Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti (GASPITO) [State Archive of the Socio-Political History of the Tambov Region (GASPITO)]. F. P-840. Op. 1. D. 956. (in Russian)
7. GASPITO [GASPITO]. F. P-840. Op. 1. D. 960. (in Russian)
8. GASPITO [GASPITO]. F. P-840. Op. 1. D. 964. (in Russian)
9. GASPITO [GASPITO]. F. P-840. Op. 1. D. 1112. (in Russian)
10. GASPITO [GASPITO]. F. P-840. Op. 1. D. 3851. (in Russian)
11. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO) [State Archive of the Tambov Region (GATO)]. F. R-119. Op. 1. (in Russian)
12. Ierusalimsky, Yu. Yu. (2018). *Listovki perioda grazhdanskoy vojny 1918–1920 gg.* [Leaflets of the period of the civil war of 1918–1920] in *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 5. 33–47. (in Russian)
13. Izvestiya Tambovskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov rabochikh krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov [News of the Tambov Provincial Executive Committee of the Soviets of Workers' Peasants' and Red Army Deputies]. 1920. September 1. No. 196. (in Russian)
14. Izvestiya Tambovskogo gubispolkoma R. K. i K. D. [News of the Tambov Provincial Executive Committee R. K. and K. D.] 1920. September 7. No. 201. (in Russian)
15. Izvestiya Tambovskogo gubispolkoma R. K. i K. D. [News of the Tambov Provincial Executive Committee R. K. and K. D.] 1920. September 16. No. 209. (in Russian)
16. Krest'yanskoye vosstaniye v Tambovskoy gubernii v 1919–1921 gg. («Antonovshchina»): Dokumenty i materialy [Peasant uprising in the Tambov province in 1919–1921. ("Antonovshchina"): Documents and materials]. Tambov, 1994. (in Russian)
17. Litovsky, A. N., Zaitseva, M. Yu. (2017). *ZHiznennyye traektorii sem'i i blizkih A. S. Antonova* [Life trajectories of the family and relatives of A. S. Antonov] in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 6 (80). 2. 59–75. (in Russian)
18. Mikheeva, G. V. (2017). «Ot Fevralya k Oktyabryu»: kolleksiya listovok 1917 g. v fondah Rossijskoj nacional'noj biblioteki ["From February to October": a collection of leaflets of 1917 in the collections of the Russian National Library] in *Vestnik SPbGUKI*. 1 (30). 6–14. (in Russian)

19. Nikitin, A. N. (2005). Listovki i broshyury vremen grazhdanskoj vojny v Sibiri: nekotorye aspekty social'noj roli [Leaflets and brochures of the Civil War in Siberia: some aspects of the social role] in *Bibliosfera*. 1. 33–37. (in Russian)
20. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyi arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RGVA)]. F. 9. Op. 28. D. 646. (in Russian)
21. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 661. (in Russian)
22. RGVA. F. 30. Op. 3. D. 369. (in Russian)
23. RGVA. F. 235. Op. 1. D. 29. (in Russian)
24. Sovetskaya derevnya glazami VCHK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy [Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–1939 Documents and materials]. In 4 vols. Vol. 1. 1918–1922. Ed. A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPEN, 2000. (in Russian)
25. Sheksheev, A. P. (2009). *Antisovetskie listovki enisejskih krest'yan konca 1920-h gg.* [Anti-Soviet leaflets of the Yenisei peasants of the late 1920s.] in *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. 67–70. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-159-171>
УДК 94(47+57)

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР В КОНЦЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.

Владимир Н. Горлов

*Московский государственный Лингвистический университет,
ул. Остоженка дом 38 стр., Москва, 1119034, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. Актуальность темы статьи обусловлена значимостью советской системы образования в развитии российского общества, несмотря на политические, экономические и социальные перемены в обществе. В статье анализируются причины реформы народного образования в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг., рассматривается концепция политехнической подготовки в советских общеобразовательных школах в конце 1950-х гг., соединение школьного обучения с производительным трудом. Материалы и методы. Данное исследование основано на анализе документов, связанных с партийным делопроизводством 1960-80-х годов: постановлений, резолюций и решения съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных, специальных исторических методов, а также теория модернизации. Большую сыграл ретроспективный метод, оценивающий события и явления в их историческом развитии. Сравнительный анализ позволил сопоставить документацию разного времени для установления качественного уровня происходящих в СССР изменений в области образования. **Результаты.** Концепция политехнической подготовки в советских общеобразовательных школах стимулировала проведение реформы народного образования. Перестройка общеобразовательной и высшей школы была призвана сыграть большую роль в ликвидации существенного различия между физическим и умственным трудом, в создании условий, необходимых для перехода страны к коммунизму. В статье анализируются проблемы формирования советской политехнической школы. В условиях плановой экономики техникумы и профессионально-технические училища СССР готовили специалистов в первую очередь на нужды советской промышленности. Рассматривается роль общественного воспитания, увеличение количества школ продленного дня и школ-интернатов. Анализируется противоречивость проведения реформы народного образования в СССР, которая не принесла ожидаемых результатов. Акцент на политехнизацию школы не давал возможности развивать научную компоненту, мешая интеллектуальному развитию учащихся школ, реформа образования привела к ухудшению качества изучения основных наук. В статье использованы специальные исторические методы: сравнительно-исторический, ретроспективный, хронологический. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учётом социальных условий того времени. В целом реформа народного образования была противоречивой. С одной стороны, курс на сближение вузов и школ с экономическими потребностями советского государства был обоснован. Очень важно, что советское государство решило задачу всеобщего неполного среднего (восьмилетнего) образования. Был сделан существенный шаг вперед в народном образовании по сравнению с послевоенной эпохой. Начиная с конца 1950-х гг. в стране наметилось стремление к получению среднего образования и продолжению об-

разования после окончания средней школы. **Заключение.** Престиж образования постоянно рос. Всё больше школьников после окончания средней школы желали продолжать образование в высших учебных заведениях. Учебные заведения в значительной степени были ориентированы на индустриальные виды профессий. Численность обучающихся на предприятиях увеличивалась.

Ключевые слова: трудовое воспитание, реформа народного образования, школы-интернаты, политехнизация школы, государственная образовательная политика, высшее образование, профессионально-технические училища

Горлов В. Н. Противоречивость проведения реформы народного образования в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг.) // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 159-171, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-159-171>

Статья поступила: 12.05.2023

Статья принята в печать: 25.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Горлов В., 2023

THE CONTRADICTION OF THE PUBLIC EDUCATION REFORM IN THE USSR AT THE END OF THE 1950s. – EARLY 1960s.

Vladimir N. Gorlov

Moscow State Linguistic University,

st. Ostozhenka building 38, Moscow, 1119034, Russian Federation

Abstract

Introduction. The relevance of the topic of the article is due to the importance of the Soviet education system in the development of Russian society, despite political, economic and social changes in society. The article analyzes the reasons for the reform of public education in the USSR in the late 1950s – early 1960s, examines the concept of polytechnic training in Soviet secondary schools in the late 1950s, combining schooling with productive labor. The concept of polytechnic training in Soviet secondary schools stimulated the reform of public education. The restructuring of secondary and higher education was designed to play a major role in eliminating the essential difference between physical and mental labor, in creating the conditions necessary for the country's transition to communism. **Materials and methods.** This study is based on an analysis of documents related to party office work in the 1960s-80s: decrees, resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee of the CPSU. The methodological basis of the research is a complex of general scientific, special historical methods, as well as the theory of modernization. The retrospective method, evaluating events and phenomena in their historical development, played a big role. A comparative analysis made it possible to compare the documentation of different times in order to establish the qualitative level of the changes taking place in the USSR in the field of education. **Results.** The article analyzes the problems of the formation of the Soviet polytechnic school. In the conditions of a planned economy, technical schools and vocational schools of the USSR trained specialists primarily for the needs of Soviet industry. The role of public education, the increase in the number of extended-day schools and boarding schools is considered. The inconsistency of the reform of public education in the USSR, which did not bring the expected results, is analyzed. The emphasis on the polytechnic school did not allow the development of the scientific component, interfering with the intellectual development of school stu-

dents, the education reform led to a deterioration in the quality of the study of basic sciences. **Conclusion.** The article uses special historical methods: comparative historical, retrospective, chronological. The study was carried out on the basis of a problem-historical analysis taking into account the social conditions of that time.

Keywords: labor education, reform of public education, boarding schools, polytechnic schools, state educational policy, higher education, vocational schools

For citation: Gorlov V. The contradiction of the public education reform in the USSR at the end of the 1950s. - early 1960s.) // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 159-171, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-159-171>

Received: 12.05.2023

Revised: 29.08.2023

Published: 22.09.2023

© Gorlov V., 2023

1. Введение

Период «хрущёвской оттепели» был одним из самых динамичных периодов в истории Советского Союза. Перед советским государством стояла задача «добиться значительного повышения материального благосостояния и культурного уровня советского народа» [5, с. 117]. «Хрущев верил в свой строй, не сомневался, что возможности этого строя поистине безграничны, что цели выбраны правильно и надо идти к ним и только к ним – не шататься, не отклоняться, не допускать уступок всему не нашему, частному, единоличному» [15, с. 258].

2. Материалы и методы

Данное исследование основано на анализе документов, связанных с партийным делопроизводством 1960-80-х годов: постановлений, резолюций и решения съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных, специальных исторических методов, а также теория модернизации. Большую роль сыграл ретроспективный метод, оценивающий события и явления в их историческом развитии. Сравнительный анализ позволил сопоставить документацию разного времени для установления качественного уровня происходящих в СССР изменений в области образования.

3. Результаты

Наряду с задачами хозяйственного строительства руководство СССР решало назревшие вопросы коммунистического воспитания советских граждан, особенно подрастающего поколения. Огромное значение для советского общества имела перестройка народного образования в стране.

При всех своих успехах в работе советской общеобразовательной школы накопились серьезные недостатки. Главный недостаток, по мнению руководства государством, заключался в том, что школа, давая теоретические знания, слабо готовила молодое поколение к практической деятельности, не придавала ему трудовых навыков. Этот отрыв обучения от жизни противоречил задачам коммунистического строительства и не мог быть дольше терпим.

Руководители советского государства считали, что теоретические стороны образования в советских школах вытеснили практическую сторону, не оказывая ей должного внимания. Эту проблему действительно необходимо было решать, так как советская молодежь по окончании школы не совсем была готова к практической деятельности. Ещё сложнее было с выпускниками институтов и техникумов, которые не обладали опытом и способностями

ми работать на предприятиях. Другими словами, советское образование не соответствовало практическим потребностям советской экономики.

Руководство советского государства придавало системе образования огромное значение, считая её одной из первостепенных сфер жизнедеятельности советского общества, влияющей на социалистическое развитие страны. Глава партии и правительства Н. С. Хрущёв решился на реформу советской образовательной системы, понимая, какое влияние на развитие социалистической экономики оказывает разворачивающаяся во всем мире научно-техническая революция, которая обязывала подготавливать качественные технические кадры для отраслей народного хозяйства.

Необходимо отметить, что ещё до лидерства Н. С. Хрущева на XIX съезде КПСС, который проходил в октябре 1952 года, была рекомендована концепция политехнической подготовки в советских общеобразовательных школах. Именно это направление – политехнизация обучения – стимулировало проведение реформы народного образования. Вектор реформы был определен, но необходимо было тщательно подготовиться к необходимым преобразованиям советского образования.

Начиная с 1954 г. в газетах и журналах страны началось активное обсуждение наиболее злободневных вопросов советского образования. Этому предшествовало тщательное исследование способностей выпускников школ к производительному труду на предприятиях. Выводы были неутешительные – школы пока ещё не были готовы выпускать из своих стен молодых людей, способных к производственной работе.

Чтобы ускорить подготовку квалифицированных рабочих кадров, предлагалось открыть в школах курсы (от 6 месяцев до 2-х лет) по важнейшим для государства специальностям (электромонтёр, животновод и др.). Предлагали школьников знакомить с организацией народного хозяйства, систематически приглашать в школы передовиков производства и организовывать как можно чаще экскурсии на заводы и фабрики. Предлагалось увеличить в первую очередь вечерние и заочные отделения институтов, чтобы рабочие без отрыва от производства обучались необходимым для страны специальностям.

Менялись главные установки общеобразовательной школы. Средняя школа подготавливала школьников к поступлению в институты. Теперь стояла задача максимально приблизить школу и вузы к работе на производстве. С начальной школы школьников готовили к производительному труду. В городах старшеклассники проходили каждую неделю производственную практику на предприятиях. В сельской местности старшеклассники активно помогали своему колхозу, работая в ученических производственных бригадах.

Н. С. Хрущёв в своём докладе на XX съезде КПСС предлагал в школах на практике знакомить учащихся с работой на предприятиях: «...перестроить учебную программу средней школы в сторону большей производительной специализации с тем, чтобы юноши и девушки, оканчивающие десятилетку, имели хорошее общее образование, открывающее путь к высшему, и, вместе с тем, были подготовлены к практической деятельности...» [2, с. 82]. В резолюции съезда были обозначены главные направления реформы народного образования [6, с. 72-73].

После XX съезда КПСС Н.С. Хрущёв подверг резкой критике правительство страны за неэффективные меры по политехнизации советской школы, за отрыв обучения в школах от жизни, что выражалось в неподготовке выпускников школ к производственной деятельности. От лидера партии досталось и Академии педагогических наук, которая, по его мнению, оказалась неготовой к практическому преобразованию народного образования. Н. С. Хрущёв взял реформу образования под особый контроль, определив эту реформу как одну из главных задач советского государства. Развернулись многочисленные дискуссии в течение нескольких лет по поводу предстоящей реформы народного образования.

В 1958 г. руководство советского государства поставило вопрос о перестройке среднего и высшего образования. Н. С. Хрущёв направил 26 сентября 1958 г. в Президиум ЦК

КПСС Записку «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране». В этом документе лидер партии с огорчением отмечал, что «юноши и девушки, в силу оторванности программы обучения в средней школе от жизни, совершенно не знают производства» [13, с. 850].

Н. С. Хрущев в этом документе подчеркнул, что «соображения по вопросу реформы среднего и высшего образования нашли довольно широкий отклик и положительное отношение в стране». Он посчитал необходимым обсудить эти вопросы на Пленуме ЦК. Далее Н. С. Хрущёв высказал свою позицию, что «после обсуждения на Пленуме ЦК, может быть, будет признано полезным разработать соответствующие тезисы для всенародного обсуждения этих вопросов, а затем созвать сессию Верховного Совета СССР, где тоже подвергнуть обсуждению вопросы народного образования в стране и наметить общую линию их решения. Н. С. Хрущев подчеркнул, что «улучшение всего дела народного образования в стране настоятельно диктуется жизнью» [13, с. 850-851].

Предложения, изложенные в публикуемой записке товарища Н. С. Хрущёва, были одобрены Президиумом ЦК КПСС. Основные положения реформы были изложены в тезисах ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [9]

Реформа затрагивала интересы всего советского народа. Этот вопрос был вынесен на всенародное обсуждение. Опубликованные в печати тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР получили широкий отклик и одобрение миллионов советских граждан [1]. Советская общественность признала перестройку школы назревшей задачей. Основные положения тезисов, одобренные советским народом, были закреплены в законе «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [3, с. 6-13], принятом сессией Верховного Совета СССР 24 декабря 1958 года.

Всеобщее обязательное восьмилетнее образование должно было заменить всеобщее обязательное семилетнее образование. Ремесленные, железнодорожные, строительные училища и другие профессиональные учебные заведения должны быть преобразованы в городские и сельские профессионально-технические училища, куда пойдет молодежь после окончания восьмилетней школы. Обучение в ПТУ должно проводиться в тесной связи с предприятиями, стройками, совхозами и колхозами. Полное общее среднее образование становится одиннадцатилетним. В высшие учебные заведения должны были приниматься лица, получившие полное среднее образование.

Следует отметить, что система образования в СССР сформировалась как единая и государственная, управление в государственной системе непрерывного образования было централизованным. Единые квалификационные требования устанавливались централизованно и директивно. Учебные программы, нормативы и т.п. утверждались и менялись во всей системе по указанию сверху, из Министерства. Какие-либо отклонения были недопустимы. Кроме того, обучение планировалось в количественных показателях. Планировалось количество обучающихся во всех частях образовательной системы СССР (базовой и дополнительной профессиональной¹). Базовая система была направлена на включение советского человека в трудовой процесс. Планирование основывалось на потребностях отраслей

¹ Система образования в СССР в этот период включала две относительно самостоятельные системы: основное (базовое) и дополнительное образование. Базовая система состояла из дошкольного воспитания в учреждениях яслей, детских садов и т.п.; начального и неполного среднего образования; среднего специального образования в техникумах и училищах; полное общее среднее образование; высшее образование получали в институтах, университетах, академиях.

Дополнительное образование в границах государственной системы включало переподготовку кадров, образование для получения новой профессии, повышение квалификации по основной профессиональной специальности рабочих всех отраслей народного хозяйства, специалистов высшего звена, советских руководящих кадров.

народного хозяйства в подготовке и профессионального совершенствования кадров. Все образовательные звенья были объединены вертикальными связями, которые обеспечивали преемственность централизованно установленными едиными правилами в отношении объема и содержания знаний для каждого образовательного звена, унифицированными типовыми государственными программами.

Система была отлажена и обеспечивала достаточно равные возможности и перспективы для обучающихся в разных типах советских учебных заведений во всех областях и краях нашей страны. Главная задача системы образования Советского Союза заключалась в обеспечении советских людей бесплатным образованием, возможности развивать своё образование на протяжении всей своей жизни.

Учебные заведения всех видов финансировались из госбюджета. Целенаправленная концентрация денежных ресурсов позволяла решать многие проблемы в этой сфере. Численность обучающихся в учебных заведениях различных видов возрастала. Относительно стабильным было число обучающихся в школе. Его изменения были обусловлены сокращением или ростом рождаемости. Так, детей в 1960 г. в СССР родилось в 1,5 раза больше, чем в 1970 г. [17, с. 67].

Перестройка средней и высшей школы на основе её тесной связи с материальным производством и производительным трудом была проникнута заботой о воспитании молодого поколения, о дальнейшем расширении и улучшении образования в стране, о формировании нового человека, всесторонне развитого, гармонически сочетающего умственный и физический труд в едином процессе общественного труда. Тем самым перестройка общеобразовательной и высшей школы была призвана сыграть большую роль в ликвидации существенного различия между физическим и умственным трудом, в создании условий, необходимых для перехода страны к коммунизму.

Реформа образования в СССР в 1958 г. повысила направление общеобразовательной школы на профессиональное обучение советских школьников, включение их в трудовую деятельность, что обусловило политехническую направленность школьного образования и привело к повышению профессионально-производственной подготовки школьников. Советские старшеклассники проходили подготовку к трудовой деятельности в учебных мастерских, цехах, непосредственно на производстве.

В СССР довольно настойчиво и последовательно ставились и решались задачи сначала всеобщего обязательного школьного образования (четыре класса в 1930-е гг.), затем неполного среднего образования (с 1949 г. семилетнего, с 1958 г. – восьмилетнего), затем обязательного полного среднего. Начальная школа и неполная средняя школа после реформы образования 1958 г. перестали быть самостоятельными, завершая определенный этап обучения, а превратились в звенья общего среднего образования. Сеть школ, обеспечивающих общее образование, постоянно увеличивалась. Всё больше увеличивалась численность специализированных школ по каким-либо предметам (математики, иностранных языков и др.), которые стали открываться в 1950-е гг.

Профессионально-техническое образование в СССР являлось составной частью централизованной, государственной системы народного образования. Оно подготавливало квалифицированные кадры рабочих для самых разных отраслей социалистического планового хозяйства. Профессионально-отраслевая структура будущих специалистов народного хозяйства показывала трудовую и политехническую ориентацию в общем образовании советских школьников. В условиях государственной плановой экономики техникумы и профессионально-технические училища СССР готовили специалистов в первую очередь на нужды советской промышленности. Наибольший высокий удельный вес в подготовке кадров насчитывали будущие инженеры строительства, промышленности, связи, транспорта. В структуре учащихся профессионально-технических училищ преобладали будущие специалисты для тяжелой промышленности (металлообработка, машиностроение, горнодобываю-

шая и прочие отрасли промышленности). Таких специалистов было почти треть выпускников ПТУ.

4. Результаты

Образование, осуществляемое в вечерних и заочных учебных заведениях, характеризовалось увеличением контингента обучающихся. Заочное и вечернее образование происходило на основе единых требований, соотнесенных с аналогичными программами дневного обучения. Стимул при таком обучении поддерживался льготами для учащихся, установленными Постановлением Совета Министров СССР «О льготах для студентов вечерних и заочных вузов и учащихся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений» [11]. И заочное, и вечернее обучение в средних общеобразовательных школах стимулировались постановлением Совмина СССР о льготах для учащихся: сокращенной рабочей недели, сокращенным рабочим днём, ежегодными оплачиваемыми по среднемесячной зарплате отпусками [12]. Эти формы обучения помогали рабочим и служащим повышать свой общий, образовательный уровень, а также профессиональный, специализированный уровень. Численность таких обучающихся значительно возросла в 1960-е гг.

Дополнительное профессиональное образование, включающее переподготовку кадров рабочих и служащих, повышение их квалификации регулировалось межведомственным советом, функционировавшим при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР.

Согласно реформе образования в Советском Союзе открывались заочные школы и специализированные школы, появились образцово-показательных школы, куда приглашались лучшие учителя. На эти школы равнялись обычные средние школы. Во второй половине 1950-х гг. значительно возросло в Советском Союзе число учащихся школ рабочей молодёжи, переименованных по Закону об образовании 1958 г. в вечерние (сменные) школы.

Надо отдать должное советскому руководству, которое понимало, что успешное проведение реформы в первую очередь зависит от её главного исполнителя – учителя, положение которого было вполне достойным. А самое главное, профессия педагога была престижна и более трети учителей составляли учителя-мужчины. Реформа образования направляла педагогические кадры на увеличение политехнизации в обучении учащихся.

Реформа образования коснулась высшей и средней профессиональной школы. Одной из сложных проблем было распределение выпускников институтов и техникумов. Несмотря на все государственные меры, не все специалисты – выпускники институтов и техникумов – прибывали на места распределения молодых специалистов. Поэтому лидер государства стремился приблизить высшие учебные заведения к производству. Проблемой становился и блат при приеме в вуз.

Правила приема в институты изменили. Преимущество при поступлении в вуз имели молодые люди с двухлетним стажем работы на производстве после окончания средней школы или демобилизованные из рядов Вооруженных Сил СССР. В данном случае решались сразу две задачи. С одной стороны, у молодежи повышался стимул служить в армии, работать в колхозе или на заводе, с другой стороны, среди студентов появлялись люди, имеющие трудовой жизненный опыт, что должно было укрепить студенческий коллектив. В помощь таким группам абитуриентов для них открывались специальные курсы, преобразованные в 1960-е гг. в подготовительные отделения или рабфаки. Данная система выдержала проверку временем и была наиболее эффективна среди нововведений. За многие десятилетия миллионы вчерашних колхозников и рабочих получили высшее образование.

Проблема распределения молодых специалистов, окончивших институты и техникумы, несмотря на предпринятые государственными органами меры, никак не решалась. Почти половина выпускников вузов и техникумов уклонялись от работы по распределению, что наносило непоправимый экономический ущерб государству, так как бесплатное высшее

и среднее специальное образование не компенсировалось работой специалистов в различных отраслях народного хозяйства. Необходимо отметить, что одной из причин уклонения от работы по распределению были низкого качества жилищно-бытовые условия на местах. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию высшего и среднего специального образования, улучшению подготовки и использованию специалистов» 1963 г. обязывало организации, куда прибывал молодой специалист, предоставлять жилую площадь на соответствующем уровне [7, с. 344–351].

Проблемой оставалась нехватка подготовленных специалистов в некоторых важных отраслях народного хозяйства (электроника, приборостроение, химия и др.). В тоже время стали сокращать количество творческих вузов, так как, по мнению руководителей государства, они не работали в народном хозяйстве и меньше приносили пользы советской экономике [10, с. 79-80].

Чтобы решить проблему распределения выпускников вузов, изменили порядок выдачи дипломов о высшем образовании. ЦК КПСС и Совет Министров СССР в 1963 г. приняли постановление, которое разрешало выдачу диплома выпускникам вузов не ранее чем через год работы по распределению. А вначале им выдавали временную справку об окончании вуза [4, с. 427]. После ухода Н. С. Хрущёва на пенсию от этой практики отказались, посчитав её произволом и самодурством. Государство стало искать другие меры по воздействию на выпускников институтов.

Следует отметить, что одновременно очень большое значение придавали коммунистическому воспитанию. В результате реформы образования стали распространяться школы-интернаты. Лидер партии искренне верил в коммунистическое будущее и считал школы-интернаты важным инструментом для построения коммунистического общества. Именно они наиболее плодотворно будут воспитывать строителей коммунизма. В этих учреждениях также воплощалась идеологическая политика Н.С. Хрущева - соединение обучения с производительным трудом. В первых школах-интернатах работали наиболее подготовленные педагоги, закончившие специальные курсы. В школы-интернаты зачисляли по добровольному желанию детей, в отличие от подобных заведений 1920-х гг., куда беспризорников отправляли по решению ВЧК-ОГПУ. Всего за несколько лет эти учебные заведения получили широкое признание учащихся.

С конца 1950-х гг. началась волна интенсивного вовлечения женщин в профессиональную деятельность. Она сопровождалась идеологией «семьи без быта» и «женщины-работницы». Эти идеалы 1930-х гг. были перенесены в принципиально иное время и иные социально-экономические условия. С конца 1950-х гг. развёртывались обсуждения о приобщении женщин к общественно-полезной деятельности, о необходимости освобождения женщин в течение рабочего дня, а иногда и вечером от забот по присмотру за детьми и от приготовления пищи.

Одним из способов частичного освобождения женщины должны были стать дневные детские учреждения: пребывание детей в круглосуточных детских садах-яслях или школах-интернатах. Здесь одним из главных вопросов участников обсуждений был вопрос слишком длительного отрыва детей от семьи. Часть социологов считали, что в современных условиях никакая семья не способна взять на себя функции главного воспитателя детей школьного возраста, использовать школу только в качестве помощника. В те годы считали, что вся полнота общественной морали, навыков и поведения детей может сформироваться у них лишь в условиях постоянного воздействия детского коллектива, воспитателей и семьи. Программа КПСС провозглашала, что «воспитательное влияние семьи на детей должно все более органически сочетаться с их общественным воспитанием. Коммунистическая система народного образования основывается на общественном воспитании детей» [8, с. 414].

Наиболее плодотворно это сочетание осуществлялось в условиях территориального и функционального объединения жилища и детских учреждений. И наоборот, территори-

альная разобщенность жилища, детских учреждений и школ-интернатов ослабляла контакты членов семьи при общественном воспитании детей. «Жить рядом» - вот один из способов достигнуть этого «сочетания». Другое заключалось в том, чтобы помимо квартиры в самих зданиях школ-интернатов создать условия для контактов учащихся.

Программа КПСС предусматривала, что «в следующем десятилетии будет предоставлена для всех возможность получения полного среднего образования» [8, с. 413].

Всемерное развитие бесплатного общественного воспитания и образования детей должно было вызвать увеличение потребностей в школах продленного дня и школах-интернатах. В связи с этим предполагали, что различными типами школ-интернатов в перспективе будут охвачены большинство школьников, за исключением незначительной группы детей с ослабленным здоровьем или хроническими заболеваниями. Эти дети могут воспитываться в специальных загородных школах. Таким образом, исходя из условий коммунистического воспитания детей, охват восьмилетними школами-интернатами должен был составить примерно 90 проц. советских детей. Охват интернатами учащихся старшего возраста (16-17 лет) будет значительно меньшим. Некоторые из старшеклассников пойдут работать на производство и будут одновременно продолжать образование, проживая в коллективных домах – самостоятельно или в семьях. Другие после окончания восьмилетки будут учиться в техникумах. Таким образом, количество учащихся старшего возраста, которые останутся в интернатах, составит около 30-40 проц. [8, с. 414].

В ближайшие годы планировалось все школы перевести на односменные занятия и преобразовать в школы продленного дня. В дальнейшем школы-интернаты должны были получить преимущественное развитие на базе школ, расположенных в микрорайонах. Число мест в школах постепенно должно было увеличиваться по мере роста экономических возможностей советского общества и внедрения идеи «бесплатного общественного воспитания детей».

В дальнейшем одним из массовых школ должна была стать средняя общеобразовательная универсальная школа с режимом продленного дня и частичным развивающимся интернатом. Средним образованием должны были быть охвачены все дети старшего возраста, включая занимающихся вечером, без отрыва от производства. В перспективе средние школы представляли бы собой единый тип учебно-воспитательного учреждения, объединяющий общественное воспитание, образование и всестороннее развитие молодого поколения вплоть до совершеннолетия при полном бесплатном государственном обеспечении. В дальнейшем, когда объемы строительства интернатов возрастут, загородные школы-интернаты будут предназначены в основном для детей, нуждающихся в укреплении здоровья, а большая часть школ-интернатов разместится в микрорайонах наряду со школами, имеющими в своем составе частичные интернаты.

5. Заключение

В целом реформа народного образования была противоречивой. С одной стороны, курс на сближение вузов и школ с экономическими потребностями советского государства был обоснован. Очень важно, что советское государство решило задачу всеобщего неполного среднего (восьмилетнего) образования. Был сделан существенный шаг вперед в народном образовании по сравнению с послевоенной эпохой. Начиная с конца 1950-х гг. в стране наметилось стремление к получению среднего образования и продолжению образования после окончания средней школы. Престиж образования постоянно рос. Всё больше школьников после окончания средней школы желали продолжать образование в высших учебных заведениях. Учебные заведения в значительной степени были ориентированы на индустриальные виды профессий. Численность обучающихся на предприятиях увеличивалась. Доля лиц с высшим и средним специальным образованием среди населения росла. Повышение роли науки в руководстве народным хозяйством сопровождалось ростом потребности в высококвалифицированных кадрах. Это должно было создать базу для охвата в дальнейшем

большинства населения высшим образованием. Н. С. Хрущёв же стремился ограничить приток выпускников школ в институты, чтобы направить их на работы, связанные с физическим, а не с интеллектуальным трудом, чтобы они шли непосредственно после школы на заводы, а не направлялись после окончания институтов в КБ или НИИ.

С другой стороны, часто акцент на политехнизацию школы не давал возможности развивать научную компоненту, мешая интеллектуальному развитию учащихся школ, реформа образования привела к ухудшению качества изучения основных наук. Реализация проводимой реформы сразу же столкнулась со множеством проблем. Средства, выделяемые на оборудование мастерских, часто не обеспечивали нужд школ. Часто общеобразовательные школы не были обеспечены необходимыми материальными и финансовыми ресурсами для проведения реформы,

не хватало профессиональных педагогических кадров, способных качественно проводить практические занятия по машиноведению, электротехнике и т.п. Постепенно общеобразовательная школа превращалась в механизм подготовки рабочей силы для народного хозяйства снижая образовательную и культурно-просветительскую роль школы.

Привилегии абитуриентов с производственным стажем действительно изменили социальный состав студентов, о чем мечтал лидер партии, но это привело к снижению уровня образования, т.к. фактически такие абитуриенты поступали без конкурса, что вызывало недовольство многих советских граждан. Успеваемость у студентов с двухлетним стажем работы на производстве была гораздо ниже успеваемости студентов, получившие полное среднее образование. Успеваемость студентов дневных отделений оказалась выше, чем вечерников или заочников, т.к. свободного времени у дневников было значительно больше [16, с. 3–8]. Выпускник, обучавшийся на дневном отделении, продвигался быстрее по служебной лестнице, чем бывший вечерник или заочник [14, с. 16-18].

Всё больше школьников покидало школу после 8-го класса. Те, кто хотел работать на производстве, получали за год-два рабочую специальность в училище и не собирались учиться в школе ещё 3 года. Те, кто стремился поступить в институт, могли сразу «убить двух зайцев»: за два года окончить вечернюю школу (вместо трех лет в полной средней школе) и получить заветный двухлетний производственный стаж, необходимый для льготного поступления в вуз.

Практика старшекурсников институтов не приносила ожидаемых результатов. Бытовые условия студентов-практикантов были часто на низком уровне. Администрация предприятий часто рассматривала практикантов как временных рабочих, вносящих беспорядок и дезорганизацию в производство. Студентов-практикантов очень часто использовали на подсобных работах в качестве дешёвой рабочей силы, а не на работах по изучаемой специальности, что приводило к снижению трудовой дисциплины.

Такая ситуация, возникшая в начале 1960-х гг., очень тревожила органы народного образования. Недовольство проведением реформы образования почти всеми слоями советского общества вынудило руководство советского государства пойти на корректировку государственной политики в области политехнизации советской школы.

Реформа не принесла ожидаемых результатов, и поэтому стала постепенно сворачиваться. Советская школа в 1964 г. снова вернулась на десятилетнее образование. Средняя общеобразовательная школа только выиграла от этого, т.к. стала снова давать школьникам глубокие знания по предметам гуманитарного и естественного цикла. С другой стороны, опыт политехнизации школы, опыт профтехучилищ, созданных во время реформы, в условиях сегодняшнего распада системы профтехобразования является чрезвычайно ценным для осознания необходимости создания специальной системы подготовки квалифицированных рабочих.

Список источников и литературы

1. Всенародное обсуждение вопроса об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране: материалы, опублик. в газете «Правда» (с 16 ноября по 15 декабря 1958 г.) (1958). Москва: Правда. 288 с.
2. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. (1956). Москва: Госполитиздат. Т. 1. 640 с.
3. *Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР (1959) // Вестник высшей школы. № 1 (63). С. 6-13.*
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1985). Москва: Политиздат. 9-е изд. Т. 8. 542 с.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1971). Москва: Политиздат. 8-е изд. Т. 7. 557 с.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1986). Москва: Политиздат. 9-е изд. Т. 9. 574 с.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1986). Москва: Политиздат. 9-е изд. Т. 10. 493 с.
8. Материалы XXII съезда КПСС. (1961). Москва: Госполитиздат. 464 с.
9. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране: Тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР. (1958). Москва: Госполитиздат. 48 с.
10. Паначин, Ф. Г. (1977). *Управление просвещением в СССР*. Москва: Просвещение. 208 с.
11. *Постановление Совета Министров СССР от 2 июля 1959 г. № 720 «О льготах для студентов вечерних и заочных вузов и учащихся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений» (1959) // СП СССР. № 14. ст. 90.*
12. *Постановление Совета Министров СССР от 5 ноября 1959 г. № 1233 «Об установлении сокращенного рабочего дня или сокращенной рабочей недели для лиц, успешно обучающихся без отрыва от производства в школах рабочей и сельской молодежи – вечерних (сменных, сезонных) и заочных средних общеобразовательных школах» (1959) // СП СССР. № 19. ст. 157.*
13. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: стенограммы, постановления: в 3 т. (2006). Москва: РОССПЭН. Т. 2. 1120 с.
14. Самойлова, И. Д. (1965). *Какая форма подготовки специалистов эффективнее?* // Вестник высшей школы. № 9 (141). С. 16-18.
15. Стреляный, А. И. (1989). *Последний романтик // Свет и тени «великого десятилетия»: Н. С. Хрущев и его время*. Ленинград: Лениздат. 472 с.
16. *Укреплять связь высшей школы с жизнью: совещание работников высшей школы (1958) // Вестник высшей школы. № 10 (60). С. 3–8.*
17. Численность и состав населения СССР. (1984). Москва: Финансы и статистика. 366 с.

References

1. Vsenarodnoe obsuzhdenie. (1958). Vsenarodnoe obsuzhdenie voprosa ob ukreplenii svyazi shkoly s zhizn'yu i o dal'nejshem razvitii sistemy narodnogo obrazovaniya v strane: materialy, opublik. v gazete «Pravda» (s 16 noyabrya po 15 dekabrya 1958 g.) [National discussion of the issue of strengthening the connection of schools with life and the further development

of the public education system in the country: materials, published. in the newspaper "Pravda" (from November 16 to December 15, 1958)] Moscow: Pravda. (in Russian).

2. XX s"ezd. (1956). XX s"ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz: Stenograficheskiy otchet [XX with "The Communist Party of the Soviet Union: A Verbatim Report] Moscow: Gospolitizdat. Publ. 1. (in Russian).

3. Zakon ob ukreplenii. (1959). *Zakon ob ukreplenii svyazi shkoly s zhizn'yu i o dal'nejshem razvitiy sistemy narodnogo obrazovaniya v SSSR* [The Law on strengthening the connection of school with life and on the further development of the public education system in the USSR] in Vestnik vysshej shkoly. № 1, 6-13. (in Russian).

4. KPSS v rezolyuciyah. (1985). KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee] Moscow: Politizdat. Izd. 9, Publ. 8. (in Russian).

5. KPSS v rezolyuciyah. (1971). KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee] Moscow: Politizdat. Izd. 8, Publ. 7. (in Russian).

6. KPSS v rezolyuciyah. (1986). KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee] Moscow: Politizdat. Izd. 9, Publ. 9. (in Russian).

7. KPSS v rezolyuciyah. (1986). KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee] Moscow: Politizdat. Izd. 9, Publ. 10. (in Russian).

8. Materialy. (1961). Materialy XXII s"ezda KPSS [Materials XXII s"riding of the CPSU] Moscow: Gospolitizdat. (in Russian).

9. Ob ukreplenii (1958). Ob ukreplenii svyazi shkoly s zhizn'yu i o dal'nejshem razvitiy sistemy narodnogo obrazovaniya v strane : Tezisy CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR [On strengthening the connection of the school with life and on the further development of the public education system in the country : Theses of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR] Moscow: Gospolitizdat. (in Russian).

10. Panachin, F. G. (1977). Upravlenie prosveshcheniem v SSSR [Management of education in the USSR] Moscow: Prosveshchenie. (in Russian).

11. Postanovlenie. (1959). *Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 2 iyulya 1959 g. № 720 "O l'gotah dlya studentov vechernih i zaochnyh vuzov i uchashchihsya vechernih i zaochnyh srednih special'nyh uchebnyh zavedenij"* [Resolution of the Council of Ministers of the USSR of July 2, 1959 No. 720 "On benefits for students of evening and correspondence universities and students of evening and correspondence secondary specialized educational institutions"] in SP SSSR. No. 14. Article 90. (in Russian).

12. Postanovlenie. (1959). *Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 5 noyabrya 1959 g. № 1233 "Ob ustanovlenii sokrashchennogo rabocheho dnya ili sokrashchennoj rabochej nedeli dlya lic, uspešno obuchayushchihsya bez otryva ot proizvodstva v shkolah rabochej i sel'skoj molodezhi - vechernih (smennyh, sezonnyh) i zaochnyh srednih obshcheobrazovatel'nyh shkolah"* [Resolution of the Council of Ministers of the USSR of November 5, 1959 No. 1233 "On the establishment of a shortened working day or a shortened working week for persons successfully studying on-the-job in schools of working and rural youth - evening (shift, seasonal) and correspondence secondary schools"] in SP SSSR. No. 19. Article 157. (in Russian).

13. Prezidium CK KPSS. 1954–1964. (2006). Prezidium CK KPSS. 1954–1964. Chernoye protokol'nye zapisi zasedanij: stenogrammy, postanovleniya: v 3 t. [Presidium of the Central Committee of the CPSU. 1954-1964. Draft protocol records of meetings: transcripts, resolutions: in 3 vols.] Moscow: ROSSPEN. Publ. 2. (in Russian).

14. Samojlova, I. D. (1965). *Kakaya forma podgotovki specialistov effektivnee?* [Which form of specialist training is more effective?] in *Vestnik vysshej shkoly*. No. 9 (141). pp. 16-18. (in Russian).

15. Strelyanyj, A. I. (1989). *Poslednij romantik // Svet i teni "velikogo desyatiletija" : N. S. Hrushchev i ego vremya* [The Last Romantic // Light and shadows of the "great Decade" : N. S. Khrushchev and his time] Leningrad: Lenizdat. (in Russian).

16. *Ukrep'lyat' svyaz'*. (1958). *Ukrep'lyat' svyaz' vysshej shkoly s zhizn'yu: soveshchanie rabotnikov vysshej shkoly* [Strengthen the connection of higher education with life: a meeting of higher school employees] in *Vestnik vysshej shkoly* No. 10. pp. 3-8. (in Russian).

17. *CHislennost'*. (1984). *CHislennost' i sostav naseleniya SSSR* [The number and composition of the population of the USSR] Moscow: Finansy i statistika. (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir B. Bezgin, Dr. Historical studies, Professor of the Tambov State Technical University, Tambov, Russia
<https://or-cid.org/0000-0002-7074-6823>
vladyka62@mail.ru

Elena V. Belyaeva, Cand. Historical studies, Senior Researcher at the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
<https://or-cid.org/0000-0003-1052-103X>
biface@mail.ru

Sergey F. Veremeev, Cand. Historical studies, Associate Professor of Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus
<https://or-cid.org/0000-0002-1299-2620>
svf.1769@mail.ru

Aleksandr A. Vyguzov, Post-Graduate Student of Derzhavin Tambov State University, Russia, Tambov
<https://or-cid.org/0000-0003-2652-0242>,
Av9106565111@gmail.ru

Vladimir N. Gorlov, Dr. Historical studies, Professor of the Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow
<https://or-cid.org/0000-0002-8370-7460>
gorlov812@mail.ru

Nikolai A. Zhirov, Cand. Historical studies, Associate Professor, BuninYelets State University, Yelets, Russia
<https://or-cid.org/0000-0001-8460-9865>
zhirov-nikolai@mail.ru

Vladimir V. Kanishchev, Cand. Historical studies, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia
<https://or-cid.org/0000-0001-6271-5245>
kan-vladimir-tamb@yaendex.ru

Vladimir A. Korshunkov, Cand. Historical studies, Associate Professor, Vyatka State University, Kirov, Russia
<https://or-cid.org/0000-0001-6150-8308>
vla_kor@mail.ru

Irina V. Pashkova, Post-Graduate Student of St. Petersburg State University, methodologist of the State Museum "Smolensk Fortress", Smolensk, Russia
<https://or-cid.org/0000-0003-0423-1319>
azal14@mail.ru

Daniil O. Manin – Post-graduate student, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
daniil-manin@mail.ru

Alena R. Melnikova, Post-graduate student, BuninYelets State University, Yelets, Russia
<https://or-cid.org/0000-0001-8460-9865>
alna.melnikova.2000@list.ru

Alexander N. Pluzhnikov, Cand. Historical studies, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia
<https://or-cid.org/0000-0001-6271-5245>
budberg77@mail.ru

Oleg O. Sepelev, Head of Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
<https://or-cid.org/0000-0001-6550-4910>
ar7emov.ser@yaendex.ru

Nikolay A. Tropi, Doctor of Historical Sciences, Professor of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia
<https://or-cid.org/0009-0006-2910-3961>
tropin2003@list.ru

Sergey V. Shcherbakov, Post-graduate student of the Derzhavin Tambov State University., Tambov, Russia
<https://or-cid.org/0000-0003-1363-4072>
sergey-shcherbakov-1995@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Безгин Владимир Борисович, доктор исторических наук, профессор Тамбовского государственного технического университета, Тамбов, Россия

<https://or-cid.org/0000-0002-7074-6823>

vladyka62@mail.ru

Беляева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

<https://or-cid.org/0000-0003-1052-103X>

biface@mail.ru

Веремеев Сергей Федорович, кандидат исторических наук, доцент Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, Гомель, Беларусь

<https://or-cid.org/0000-0002-1299-2620>

svf.1769@mail.ru

Выгузов Александр Алесандрович, аспирант Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

<https://or-cid.org/0000-0003-2652-0242>

Av9106565111@gmail.ru

Горлов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, Россия, Москва

<https://or-cid.org/0000-0002-8370-7460>

gorlov812@mail.ru

Жиров Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия

<https://or-cid.org/0000-0001-8460-9865>

zhirov-nikolai@mail.ru

Канищев Владимир Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

<https://or-cid.org/0000-0001-6271-5245>

kan-vladimir-tamb@yaendex.ru

Коришунков Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного университета, Киров, Россия

<https://or-cid.org/0000-0001-6150-8308>

vla_kor@mail.ru

Пашкова Ирина Викторовна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, методист Государственного музея «Смоленская крепость», Смоленск, Россия

<https://or-cid.org/0000-0003-0423-1319>

azal14@mail.ru

Манин Даниил Олегович, аспирант Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия
daniil-manin@mail.ru

Мельникова Алена Романовна, аспирант Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия
<https://or-cid.org/0000-0001-8460-9865>
alna.melnikova.2000@list.ru

Плужников Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия
<https://or-cid.org/0000-0001-6271-5245>
budberg77@mail.ru

Сепелёв Олег Олегович, начальник отдела Института языкознания РАН, Москва, Россия
<https://or-cid.org/0000-0001-6550-4910>
ar7emov.ser@yaendex.ru

Тропин Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия
<https://or-cid.org/0009-0006-2910-3961>
tropin2003@list.ru

Щербаков Сергей Владимирович, аспирант Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия
<https://or-cid.org/0000-0003-1363-4072>
sergey-shcherbakov-1995@mail.ru

Scientific journal

**HISTORY:
FACTS AND SYMBOLS**

Научное издание

**ИСТОРИЯ:
ФАКТЫ И СИМВОЛЫ**

№ 3 (36) / 2023

*Литературный редактор, корректор – В. В. Ряполов
Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. М. Гришин
Дизайн обложки – П. А. Фрольцова (ИАИ РГГУ)*

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 21.09.2023

Дата выхода в свет 22.09.2023

Бумага 88,0 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная

Тираж 1000 экз. Заказ № 65

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

E-mail: nauka@elsu.ru

Сайт журнала: <http://historic-journal.ru>

Подписной индекс журнала № **64989** в каталоге периодических изданий
органов научно-технической информации агентства «Роспечать»

Подписной индекс журнала № **43281** в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1